

СТИХОТВОРЕНІЯ ЯЗЫКОВА.

Wer das Dichten will verstehen
Muss in's Land der Dichtung gehen;
Wer den Dichter will verstehen
Muss in Dichters Lande gehen.

GÖTTE.

1830 — 1847.

REPORTOZITTO

PROGRAMM II

Il presente rapporto illustra i risultati ottenuti durante l'attività di ricerca svolta nel corso dell'anno accademico in corso. L'obiettivo principale è stato quello di analizzare l'impatto delle diverse variabili indipendenti sulla variabile dipendente, utilizzando un modello di regressione lineare. I dati sono stati raccolti attraverso un questionario distribuito tra un campione rappresentativo della popolazione target. I risultati mostrano una correlazione positiva significativa tra le variabili studiate, con un coefficiente di determinazione che indica una buona capacità predittiva del modello. Le conclusioni suggeriscono che le ipotesi formulate all'inizio dell'indagine sono state in gran parte confermate, sebbene siano emersi alcuni aspetti che meritano ulteriori approfondimenti in future ricerche.

CONCLUSIONI

Il presente studio ha dimostrato che le variabili studiate sono correlate in modo significativo.

1998

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. М. ЯЗЫКОВА.

ПРИ НИХЪ ПРИЛОЖЕНЫ ЕГО ПОРТРЕТЪ, FAC-SIMILE, СВѢДѢНІЯ
О ЕГО ЖИЗНИ И ЗНАЧЕНИИ И НАПИСАННОЕ О НЕМЪ ВЪ РАЗНЫХЪ
ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ И ДРУГИХЪ ИЗДАНІЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1858.

УТВЕРЖДЕНО

Дечатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 22 мая, 1857 года.

Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	СТР.
1830 г. Разсвѣтъ. * (Денница, Максимовича, 1831 г.).....	1
Хоръ, пѣтый въ московскомъ благородномъ собраніи по случаю прекращенія холеры.	2
На смерть няни А. С. Пушкина. (Сѣв. Цвѣты. 1831. стр. 53 и надписано: «Элегія».)....	2
Водопадъ *	5
Экспромтъ. (Рус. Инвал. 1857. № 264.).....	296
1831 г. Поэту *.....	6
Подражаніе псалму хlv. * (Денница, Максимовича 1831. Безъ означенія года, но въ издан. 1833 г. означено 1831. М.)... ..	7
И. В. Кирѣевскому. * (Сѣв. Цвѣты. 1832 г. Безъ означенія года и мѣста, но въ изд. 1833 г. означено 1831. М.).....	8
Кубокъ. *.....	9
Камби. *	11
Пожаръ. *.....	12
Пловецъ.* Воютъ волны, скачутъ волны.....	14
Утро.....	15
Мечтанія.*.....	16
Изъ. * (Сѣв. Цвѣты. 1832. Безъ означенія года и мѣста, но въ изд. 1833 г. означено 1831 г. М.).....	17
Подражаніе псалму sxxxvi.* (Хотя подъ піеосою не выставленъ годъ, но соображаясь съ мѣстомъ написанія «Москва» и съ тѣмъ, что она вышла въ собр. 1833 г., мы относимъ ее къ этому году.)....	18
Весенняя ночь. * (Приб. къ Р. Инв. 1831 г. и Одесскій Альманахъ Розберга на 1831 г.)..	19
Перстень. (Одесскій Альм. Розберга на 1831 г.)...	21

	СТР.
Поэты.....	22
К — Ъ К — Ъ Янишь. (Сѣв. Цвѣт. 1832.).....	23
С. С. Тецловой.....	24
Конь.*.....	25
Пѣсня. Онъ былъ поэтъ. (Сѣв. Цвѣты. 1832, стр. 56 и 57. Безъ означенія года и мѣста, но въ изд. 1833 г. помѣчено 1831 г. М.).....	26
Воспоминаніе объ А. А. Воейковой,*.....	27
Элегія. Ночь безлунная, звѣздами.....	29
Стансы.....	30
Вино.....	32
На смерть барона А. А. Дельвига. (Сѣв. Цвѣты. 1832. Безъ означенія года и мѣста, написано: «А. А. Дельвигу,» перепечатано въ Прибавлен. къ Р. Инвалиду. 1832, стр. 23; но въ изд. 1833 г. отмѣчено 1831 г. М.).....	32
Элегія. Блаженъ, кто могъ на ложѣ ночи. (Одес. Альм. П. Морозова и М. Розберга, на 1831 г.).....	34
На смерть А. Н. Тютчева.....	35
Е. А. Свербеевой.....	36
Бессонница. (Сѣв. Цвѣты. 1832, стр. 10. Безъ означенія года и мѣста, но въ изд. 1833 помѣчено 1831 г. М.).....	37
Ау! (Европеецъ И. В. Кирѣвскаго, Прибавл. къ Р. Инв. 1832 г.).....	38
Василію Алексѣевичу Елагину.....	41
Къ Ан. К — у. (Невск. Альм. 1831, стр. 87.).....	42
Къ А. А. Воейковой. (Альціона, на 1831 г. стр. 34.).....	46
1832 г. Е. А. Тимашевой. Молодая ученица. ¹⁾	47
1833 г. Алексѣю Николаевичу Вульффу. ²⁾	48
Корчма. (Лит. Приб. къ Русск. Инвал. 1833 г. № 7.).....	51
1834 г. Александрѣ Андреевичѣ Фуксѣ. (Моск. Наблюдатель 1835 г., ч. III.).....	54

¹⁾ Всѣ пѣсы съ 1830 написаны въ Москвѣ. ²⁾ Въ Языковѣ.

	СТР.
Еленѣ Николаевнѣ Мандрыкиной. ³⁾	54
1835 г. Денису Васильевичу Давыдову. ⁴⁾ (Моск. Наблюдат. 1835, ч. III.).....	56
Петру Васильевичу Кирѣевскому ⁵⁾ . (Моск. Наблюд. 1836 г., ч. VI.).....	59
Молитва.....	62
Дмитрію Петровичу Ознобишину. (Моск. Наблюд. 1835 г. ч. IV.).....	63
Къ .... Вами нѣкогда плѣненный. (Моск. Наблюд. 1836 г. ч. VII.).....	65
Сказка о пастухѣ и дикомъ вепрѣ. (Моск. Наблюд. 1835 г. ч. IV.).....	67
1836 г. Жарь-Птица, драматическая сказка. (I-й отрывокъ: I—VII. помѣщенъ въ Современн. 1836 г., издав. А. Пушкинымъ т. II, безъ означенія года и мѣста и съ слѣд. заглавіемъ: «Драматическая сказка объ Иванѣ Царевичѣ, Жарь- птицѣ и о сѣромъ волкѣ. II-й отры- вокъ: VII—XII, въ Моск. Наблюд. 1836 г. ч. VII.).....	72
Натальѣ Алексѣевнѣ Языковой. (Моск. Наблюдат. 1836 г. ч. VI.).....	151
Петру Николаевичу Шепелеву. (Моск. Наблюдат. 1836 г. ч. VI.).....	153
Евгенію Абрамовичу Баратынскому. (Моск. Наблюд. 1836 г. ч. VI, и Современникъ. 1846, т. XLIV.) ⁶⁾	155
1837 г. А. С. Пушкину. (Современ. 1837 г. т. VI, стр. 374.)	156
1839 г. Малага.* (Современникъ. 1841 г. т. XXIV.).....	157
Низа приморская.*.....	158
Перевѣздъ чрезъ приморскія Альпы.....	159
Юганисбергъ.* (Соврем. 1841 г. т. XXV.).....	160
Морская тачи.*.....	161

³⁾ Обѣ піесы — въ селѣ Языковѣ. ⁴⁾ Въ Елани. ⁵⁾ Въ Языковѣ а три слѣдующія — въ Елани. ⁶⁾ Піесы 1836 г. написаны въ Языковѣ.

	стр.
Буря* (Соврем. 1841 г. т. XXIV.) ⁷⁾	163
Элегія. День ненастный, темный; (Соврем. 1843 г. т. XXIX. Безъ означенія года и мѣста, но въ изд. 1845 означено 1839 г. Теодорсгалле.).....	164
Пловець, Еще разыгралися воды. ⁸⁾	165
Ундина. (Соврем. 1841 г. т. XXII. Ница.).....	166
Къ стихамъ моимъ. ⁹⁾	167
Корабль.* (Москвитянинъ 1843. № 7, безъ оглавленія. Ница.).....	168
Девятое мая.* (Москв. 1843. № 7, къ этому заглавію прибавлено 1839 г. Высбаденъ.)	169
Графу Владимиру Александровичу Сологубу. ¹⁰⁾ ...	171
Маякъ.....	173
Крейцнахскія соловарни. ¹¹⁾	173
Гастуна. ¹²⁾	174
Элегія. Толпа ли дѣвочекъ крикливая, живая. ¹³⁾ ..	175
Элегія.* Здѣсь горы съ двухъ сторонъ стоятъ. (Москвитянинъ 1844. № 1. Теодорсгалле.).....	176
Сержантъ Сурминъ. Быль. (Москвит. 1845. № 1. Ница.).....	177
1840 г. Къ Рейну.* (Современникъ 1841, т. XXI. Безъ означенія года и мѣста, но въ изд. 1845 означено 1840 г. Ница. Предмѣстіе Мраморнаго Креста.).....	182
Каролинѣ Карловнѣ Павловой. ¹⁴⁾	185
Встрѣча новаго года.....	187
Альпійская пѣсня. ¹⁵⁾	209
Ницаркѣ. (Совр. 1842, т. XXVII. Ница.).....	210
Морское купанье.* (Совр. 1841, т. XXIII. Ница.)..	210
1841 г. Пѣсня балтійскимъ водамъ.* ¹⁶⁾	211

7) Означенныя піесы 1839 г. писаны въ Ницѣ, въ предмѣстіи Мраморнаго Креста. 8) Въ Теодорсгалле. 9) Въ Теодорсгалле. 10) Въ Ницѣ, тамъ же и слѣд. піеса. 11) Въ Теодорсгалле. 12) Въ Ницѣ. 13) Въ Ганау. Золотой Сарай. 14) Въ Ницѣ, и слѣд.—тамъ же. 15) Въ Вильдбадъ-Гаштейнѣ. 16) Въ Ганау.

	стр.
Элегія.* Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался. ¹⁷⁾	213
Николаю Васильевичу Гоголю.*.....	213
Элегія. Поденщикъ тяжело навьюченный дровами.	215
Алексѣю Андреевичу Елагину.....	216
Странный случай.....	217
Каролинѣ Карловнѣ Павловой. (Литературный вечеръ, Сборникъ въ пользу семейства В. В. Пассека. 1844 г.).....	239
1842 г. Гора.* ¹⁸⁾	240
Изрѣченіе Алексѣя Дмитриевича Маркова.....	240
Море. (Москв. 1843. № 9, безъ означенія года и мѣста, но въ изд. 1845 г. помѣчено 1842 г. Венеція.).....	241
1843 г. Элегія.* И тѣсно и душно мнѣ въ области горъ... 242	242
Элегія. Въ тѣни громадъ снѣговершинныхъ. (Москвитянинъ. 1844. № 7.).....	242
Элегія. Опять угрюмая, осенняя погода. (Москвитянинъ. 1844. № 9.).....	243
Весна.* (Москвит. 1843. № 10. Безъ означенія года и мѣста, но въ изд. 1845 помѣчено 1843. Римъ.).....	244
1844 г. Авдотѣ Петровнѣ Елагиной. (Посвященіе Стихотвореній, изданныхъ въ 1845 г.) ¹⁹⁾	244
Якову Петровичу Полонскому. (Москв. 1843 г. № 9.)	245
Княгинѣ Софѣ Петровнѣ Голицыной. (Москвитянинъ. 1845 г. № 2.).....	246
Землетрясеніе.* (Москв. 1844 г. № 10.).....	247
Варварѣ Николаевнѣ Анениковой.....	248
Михаилу Петровичу Погодину. (Москв. 1844 г. № 6.)	249
Александрѣ Дмитріевичу Хрипкову. (Москвитянинъ. 1845 г. № 1.).....	250

¹⁷⁾ Въ Швальбахѣ — тамъ же — А. Д. Елагину, а остальные — въ Ганау. ¹⁸⁾ Піесы 1842 и 43 — въ Вильдбадъ-Гаштейнѣ. ¹⁹⁾ Піесы 1844 и проч. годовъ — въ Москвѣ.

	стр.
Кн. Петру Андреевичу Вяземскому. (Соврем. 1844. т. XXXV.).....	253
Александръ Васильевнѣ Кирѣевой. (Москв. 1845. № 2.).....	255
Къ ней же. (Москв. 1845 г. № 2.).....	256
Отрокъ Вячко. (Библия для Воспитанія 1845 г. ч. III, и особо изданъ 1845 г.).....	258
Каролинѣ Карловнѣ Павловой. (Москов. Сборникъ на 1847 г.).....	270
К. К. Павловой. (Тамъ же.).....	272
1845 г. Подражаніе псалму. (Москвитининъ 1845 г. № 1.)	273
Александръ Васильевнѣ Кирѣевой.....	275
Въ Альбомѣ. (Москв. 1845 г. № 4.).....	275
Стихи на объявленіе памятника Исторіографу Н. М. Карамзину. (Моск. Сборн. 1846 г.)..	277
И. С. Аксакову. (Соврем. 1846. т. XLI. стр. 409.)..	281
С. П. Шевыреву (Москв. 1846. № 5.).....	282
1846 г. Романсъ. Угрюмъ стоитъ дремучій лѣсъ, (Совр. 1846, т. XLII. стр. 367.).....	284
К. К. Павловой. (Соврем. 1846 г. т. XLIII. стр. 220.)	285
Самсонъ. (Моск. Сборн. 1846. стр. 338.).....	287

ПІЕСЫ БЕЗЪ ОЗНАЧЕНІЯ ГОДОВЪ. *

Пѣсня. Страшна дорога черезъ свѣтъ.....	289
Пѣсня. Душа героевъ и пѣвцовъ.	290
Пѣсня. Мы пьемъ, какъ рыцари пивали.....	291
Пѣсня. Полнѣй стаканы, пейте въ ладъ.	292
Къ . . . Мой братъ по вольности и хмѣлю.....	293
Корчма.....	294
Татаринуву.....	296

* Піесы безъ означенія годовъ принадлежатъ періоду дерптской жизни поэта, и первыя четыре пѣсни, по замѣткамъ А. М. Языкова, относятся къ 1828 году.

РАЗСВЕТЪ.

Не полонъ нашъ разгулъ, не конченъ пиръ ночной;
Не всѣхъ насъ обошелъ звукъ пѣсни круговой,
Не всѣмъ поднесены прѣвѣтственные чаши;
Смѣлѣй и радостнѣй заблещутъ взоры наши,
Смѣлѣй и радостнѣй воспламенится умъ;
Шумнѣе закипятъ избыткомъ чувствъ и думъ
И разбушуются живыя наши рѣчи. —
Но вотъ, златаго дня воздушные предтечи,
Краснѣютъ облаковъ прозрачныя струи:
Покинемъ шумъ суеты, товарищи мои,
Прервемъ брянчанье чашъ и пѣсни удалыя!
Туда, гдѣ небеса просторнѣй голубыя,
И солнечный восходъ пышиѣ изъ-за горъ
Надъ скатами лѣсовъ и купами озеръ,
Туда, на высь холма! Тамъ, утренней прохлады
Въ живительныхъ волнахъ омоемъ наши взгляды;
Горячія уста и груди освѣжимъ.
Пойдемъ, товарищи! Оттолѣ мы узримъ,
Какъ съ розовымъ лицомъ, съ веселыми очами,
Передъ широкими своими зеркалами,
Восточной роскошью и нѣгой убрана,
Красуется земля, возставшая отъ сна.

Х О Р Ъ

ПЯТЫЙ ВЪ МОСКОВСКОМЪ БЛАГОРОДНОМЪ СОБРАНИИ, ПО
СЛУЧАЮ ПРЕКРАЩЕНІЯ ХОЛЕРЫ ВЪ МОСКВѢ.

Великъ Господь! Земля и неба своды
Свершители судебъ Его святыхъ!
Благословенъ, когда казнить народы,
Благословенъ, когда спасаетъ ихъ

Пославшій намъ годину искушенья
Не до конца рабовъ своихъ караѣ;
Намъ возсіялъ желанный день спасенья,
День милости Господней возсіялъ.

Великъ Господь! Къ Нему сердца и руки!
Ему хвалу гласи тимпана звонъ!
Ему хвалу играйте пѣсенъ звуки!
Великъ Господь! и святъ Его законъ!

НА СМЕРТЬ няни А. С. ПУШКИНА.

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
Подъ копь межъ чужихъ гробовъ
Твой прахъ улегся, изнуренный
Трудомъ и бременемъ годовъ.
Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
О свѣтлой юности моеѣ,

И въ поучительныхъ преданьяхъ
 Про жизнь поэтовъ нашихъ дней.

Тамъ, гдѣ на доль съ горы отлогой
 Разнообразно сходитъ боръ
 Въ виду рѣки и двухъ озеръ
 И нивъ съ извилистой дорогой,
 Гдѣ древнимъ садомъ окруженъ,
 Господскій домъ уединенный
 Дряхлѣеть, памятникъ почтенный
 Елисаветиныхъ времянь, —

Насъ, полныхъ юности и вольныхъ,
 Тамъ было трое: два пѣвца,
 И онъ, краса ночей застольныхъ,
 Кипѣвшій силами бойца,
 Онъ, послѣ кинувшій забавы,
 Себѣ избравшій ратный путь,
 И освятившій въ полѣ славы
 Свою студенческую грудь.

Вонъ тамъ — обоями худыми
 Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
 Полъ нечиненный, два окна
 И дверь стеклянная межъ ними;
 Диванъ подъ образомъ въ углу,
 Да пара стульевъ; столъ украшенъ
 Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ,
 И ты, пришедшая къ столу, —

Мы пировали. Не дичилась
 Ты нашей доли — и порой
 Къ своей веснѣ переносилась

Разгоряченною мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждыхъ странъ,
Рѣчей напоры и отпоры,
И звонъ стакана объ стаканъ.

Ужь гаситъ ночь свои свѣтила,
Зарей алѣетъ небосклонъ;
Я помню, что-то намъ про сонъ
Давнымъ-давно ты говорила —
Напрасно! взялъ свое Токай,
Шумнѣй удаляя пирушка:
Садись-ка, добрая старушка,
И съ нами бражничать давай! —

Ты Расскажи намъ: въ дни былые.
Не правда ль? не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?
Не такъ бывало! Слава Богу,
Земля вертится. У людей
Все коловратно; понемногу
Все мудренѣй и мудренѣй.

И мы . . . . Какъ дѣтство шаловлива,
Какъ наша молодость вольна,
Какъ полнолѣтїе умна,
И какъ вино краснорѣчива,
Со мной бесѣдовала ты,
Влекла мое воображенье . . .
И вотъ тебѣ поминовенье,
На гробъ твой свѣжіе цвѣты!

Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
 Подъ коимъ межъ чужихъ гробовъ
 Твой прахъ улегся, изнуренный
 Трудомъ и бременемъ годовъ.
 Предъ нимъ печальной головою
 Склонюся; много вспомню я —
 И умленную мечтою
 Душа разнѣжится моя!

В О Д О П А Д Ъ .

Море блеска, гулъ, удары,
 И земля потрясена;
 То стеклянная стѣна
 О скалы раздроблена,
 То бѣгутъ черезъ крутояры
 Многоводной Ніагары
 Ширина и глубина!

Вонъ пловецъ! Его отъ берега
 Быстриною унесло;
 Въ синій сумракъ водобѣга
 Упираетъ онъ весло . . . .
 Тщетно! бурную стремнину
 Онъ не силенъ оттолкнуть;
 Далеко его въ пучину
 Броситъ каменная круть.

Мирно гибели послушный,
 Убралъ онъ свое весло;

Онъ потупилъ равнодушно
 Безнадежное чело;
 Онъ глядитъ спокойнымъ окомъ . . . .
 И къ пучинѣ волнъ и скалъ
 Роковымъ своимъ потокомъ
 Водопадъ его помчалъ.

Море блеска, гулъ, удары,
 И земля потрясена;
 То стеклянная стѣна
 О скалы раздроблена,
 То бѣгутъ чрезъ крутояры
 Многоводной Ніагары
 Ширина и глубина!

П О Э Т Ъ .

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
 И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
 И видишь ты свое предназначенье,
 И знаешь свой благословенный путь;
 Когда тебѣ на подвигъ все готово,
 Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ:
 Могучей мысли свѣтъ и жаръ
 И огнедышащее слово:
 Иди ты въ міръ, — да слышитъ онъ пророка;
 Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
 Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
 И не проси и не бери награды

Привѣтно ли сіяніе денницы,
 Ужасенъ ли судьбины производъ:
     Невиненъ будь, какъ голубица,
     Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
 И стройные и сладостные звуки
 Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
 Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
 И царь Саулъ заслушается ихъ;
 И жизнью торжественно-высокой
 Ты процвѣтешь — и будетъ вѣкъ свѣтло
     Твое открытое чело
     И зорко пламенное око!
 Но если ты похвалъ и наслажденій
 Исполнился желаніемъ земнымъ;
 Не собирай богатыхъ приношеній
 На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
 Онъ на тебя немилосердо взглянетъ,
 Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
     Размечутъ ихъ — и жрецъ отпрянетъ,
     Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

ПОДРАЗАНІЕ ПСАЛМУ XIV.

Кому, о Господи, доступны
 Твои Сіонски высоты?
 Тому, чьи мысли неподкупны,
 Чьи цѣломудренны мечты;
 Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
 Не взвѣшиваль, не продаваль,

Не ухищрялся противъ брата
 И на врага не клеветалъ;
 Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
 Но сердцемъ чистымъ и живымъ
 Ему со страхомъ поклонялся,
 Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.

И святъ, о Боже! Твой избранникъ!
 Мечомъ ли руку ополчить:
 Велѣній Господа посланникъ,
 Онъ исполна сокрушить!
 Въ вѣнцѣ ли онъ: Его народы
 Возлюбятъ правду; весь и градъ
 Зыграютъ радостью свободы
 И нивы златомъ закипаютъ!
 Возьметъ ли арфу: дивной силой
 Духъ преисполнится его,
 И, какъ орелъ ширококрылый,
 Взлетитъ до неба Твоего!

И. В. КИРЬЕВСКОМУ.

Щеки нѣжно пурпуровы
 У прелестницы моей;
 Золотисты и шелковы
 Пряди легкія кудрей;
 Взоръ привѣтливо сіяетъ,
 Разговорчивы уста;
 Въ ней красуется, играетъ
 Юной жизни полнота!
 Но ея, на ложе ночи,

Мой товарищъ, не зови,
 Не цѣлуй въ лазурны очи
 Поцѣлуями любви:
 Въ нихъ огонь очарованіи
 Носитъ дѣва-красота;
 Упоительныхъ зобзаніи
 Не впивай въ свои уста:
 Ими нѣгу въ сердцѣ вдуешь,
 Мглу на разумъ наведешь,
 Зацѣлуешь, околдуешь
 И далеко унесешь!

КУБОКЪ.

Восхитительно играетъ
 Драгоценное вино!
 Снѣжной пѣною вскипаетъ.
 Златомъ искрится оно!
 Услаждающая влага
 Оживитъ тебя всего:
 Вспыхнуть радость и отвага
 Блескомъ взора твоего;
 Самобытными мечтами
 Загуляетъ голова,
 И, какъ волны за волнами,
 Изъ души польются сами
 Вдохновенныя слова;
 Строень, пышень, міръ житейской
 Развернется предъ тобой . . . .
 Много силы чародѣйской

Въ этой влагѣ золотой!
 И любовь развеселяетъ
 Человѣка, и она
 Животворно въ немъ играетъ,
 Столь же сладостно-сильна:
 Въ дни прекраснаго разцвѣта
 Поэтическихъ заботъ,
 Ей дѣятельность поэта
 Дани дивныя несетъ;
 Молодое сердце бьется,
 То притихнетъ и дрожитъ,
 То проснется, встрепенется,
 Словно выпорхнетъ, взовьется,
 И куда-то улетитъ!
 И, послушно, пмя дѣвы
 Станетъ въ лики звучныхъ словъ,
 И сроднятся съ нимъ напѣвы
 Вѣчно — памятныхъ стиховъ!
 Дѣва-радость, величайся
 Рѣдкой славою любви,
 Настоящему ввѣряйся,
 И мгновенія лови!
 Горделивый и свободный,
 Чудно пьянствуетъ поэтъ!
 Кубокъ взялъ: душѣ угодны
 Этотъ образъ, этотъ цвѣтъ;
 Сѣлъ и напилъ; ихъ ласкаетъ
 Взоромъ, словомъ и рукой;
 Съ разу кубокъ выпиваетъ
 И высоко подымаетъ,
 И надъ буйной головой
 Держитъ. Рѣчь его струится
 Безмятежно-весела,

А въ рукѣ еще таится
Жребіи брэннаго стекла!

К А М Б И.

Тамъ, гдѣ внизу горы, извивистый ручей
Бѣжитъ и лѣнится межъ грудами корней,
Гдѣ горныхъ береговъ съ песчанаго уступа
Склонилася къ нему березъ и елей купа,
И зыбкимъ пологомъ, широкимъ и густымъ,
Многолѣтвистая раскинулася надъ нимъ,—
Тамъ, въ тѣ часы, когда притихнуть лѣсъ и воды,
Когда на ясныя, лазоревыя своды
Серебряныхъ шаромъ покатится луна,
И ночь весенняя, прохладна и нѣжна,
Одѣнетъ берега въ свой сумракъ сладострастный,
И юноша пойдетъ къ любовницѣ прекрасной
По чуткому пути на тайный счастья мигъ,
Неся ей бурный жаръ объятий молодыхъ,
Горячія уста и огненныя очи, —
Тамъ, въ безмятежное, святое царство ночи,
Похитившій себя у множества суетъ,
У братіи и вина, у праздничныхъ бесѣдъ,
У шума вольницы и лѣни просвѣщенной,
Я, полонъ сладкихъ думъ, бродилъ уединенный;
Тамъ часто я ввѣрять безмолвію лѣсовъ
Гармонію тобою настроенныхъ стиховъ,
Тобой, красавица, хранительный мой геній,
Свѣтило ясныхъ дней, приволье вдохновеній!
Ты первая меня поэтомъ назвала:

Какъ сильно грудь моя сей голосъ поняла,
 Твой голосъ творческій; — младыя силы встали,
 Преобразился я, и очи засверкали! . . .
 Но юныя лѣта — прелестный, дивный сонъ,
 Мой быстрый сонъ — прошли. Предъ новый небосклонъ
 Я перенесъ права студентскаго досуга;
 Могу, сжимая длань товарища и друга,
 Восторгомъ оживить безпечное чело —
 И разомъ свѣтлую надежду на голо!
 Могу возобновлять пиры мои ночные . . . .
 Придутъ, усядутся гуляки удалые,
 Вино заискрится въ стаканѣ круговомъ,
 Бесѣда запоетъ, веселая виномъ . . . .
 Но та минувшихъ лѣтъ божественная доля,
 Та радость и печаль, та вольность и неволя,
 Чѣмъ сердце и кипитъ и стынеть вновь и вновь,
 Ликуетъ, нѣжится, бѣснуется — любовь
 Не дастъ мнѣ прежнихъ думъ и чистыхъ наслаждений.
 Благословляю жъ васъ, развѣсистыя тѣни,
 Васъ, мирны берега подгорнаго ручья,
 Гдѣ подъ звѣздой любви, поэзія моя
 Въ уединеніи счастливомъ развивалась,
 Дышала свѣжестью, цвѣла и красовалась, —
 Тебя, кѣмъ полонъ сей признательный мой гласъ;
 Вы, добрые мои, — благословляю васъ!

П О Ж А Р Ъ .

А. П.

Ты помнишь ли, какъ мы на праздникѣ ночномъ,
 Уже веселые и шумные виномъ,

Уже пѣвучіе и свѣтлые, кругами
 Сидѣли у стола, построеннаго нами?
 Уже въ торжественный и дружескій нашъ хоръ
 Порой заносчивый врывался разговоръ;
 Уже осушены за Русь и сходки наши,
 Высоко надъ столомъ состукивались чаши,
 И разомъ кинуты всей силою плеча,
 Скакали по полу, дробясь и брэнча;
 Восторгъ, привѣты, споръ, и крикъ, и рукожатья!
 Разгуливались мы, товарищи и братья!
 Вдругъ — освѣтило насъ; тревожные встаемъ;
 Такъ, это не заря. Востокъ не тамъ! Идемъ.
 Картина пышная и грозная предъ нами:
 Подъ громоносными ночными облаками,
 Полнеба заревомъ багровымъ обхвативъ,
 Шумѣлъ и вылъ огня блистательный разливъ.
 Въ тотъ часъ, дрожащая на рѣзкомъ вѣтрѣ ночи,
 Она, красавица — лазоревыя очи —
 Чье имя ужъ давно по стогнамъ и садамъ
 Въ припѣвахъ удалыхъ сопутствовало намъ, —
 Глядѣла, какъ ея свѣтлицу охраняя,
 Другъ другу хладную волну передавая,
 Усердно юноши работали. Въ тотъ часъ
 Могущество любви позналъ я въ первый разъ.
 Какъ быстро всѣ мои надежды закипѣли!
 Какъ весело мечты взвились и полетѣли,
 Младья, вольныя, Богъ вѣдаетъ куда!

О! будь плѣнительна и радостна всегда
 Та, чей небесный взоръ меня во дни былые
 Соблазнами любви очаровалъ впервые!
 Какъ прежде, будь ясна лазурь ея очей!
 Какъ прежде, бѣлизну возвышенныхъ грудей
 Струями локоны златыми осыпайте!

Ланиты и уста, цвѣтите и пылайте!
Пусть дѣвственникъ ее полюбитъ молодой.
Цвѣтущій здравіемъ, и силой, и красой —
И нѣжная падеть могучему въ объятія,
И всѣхъ забудетъ насъ, товарищи и братья!...

П Л О В Е Ц Ъ .

Воютъ волны, скачутъ волны!
Подъ тяжелымъ плескомъ волнъ.
Прямъ стоитъ нашъ парусъ полный,
Быстро мчится легкій челнъ
И расталкиваетъ волны,
И скользитъ по склонамъ волнъ!

Ихъ, порывами вздувая,
Буря гонитъ рядъ на рядъ;
Разгулялась волновая;
Буйны головы шумятъ,
Другъ на друга набѣгая,
Отшибаяся назадъ!

Но глядите: передъ нами,
Вдоль по темнымъ облакамъ,
Разноцвѣтными зарями
Отливаясь тамъ и тамъ,
Золотыми полосами
День и небо свѣтятъ намъ.

Пронесся мракъ ненастный!
Возсіяй лазурный сводъ!

Разверни свой день прекрасный
 Надо всё въ просторомъ водъ!
 Смокнутъ бездны громогласны,
 Ихъ волненіе падеть.

Блещутъ волны, плещутъ волны!
 Подъ стекляннымъ брызгомъ волнъ
 Прямо стоитъ нашъ парусъ полный,
 Быстро мчится легкій челнъ,
 Раздвигая сини волны
 И скользя по склонамъ волнъ!

У Т Р О.

Пурпурово-золотое
 На лазурный неба сводъ
 Солнце въ царственномъ покое
 Лучезарно возстаетъ;
 Ночь сняла свои туманы
 Съ пробудившейся земли;
 Блескомъ утреннимъ поляны,
 Лѣсъ и холмы разцвѣли.
 Чу! какъ ярко и проворно,
 Вонъ за этою рѣкой,
 Повторяетъ отзывъ горной
 Звукъ волынки полевой!
 Чу! скрипятъ ужъ воротами,
 Выѣзжая изъ села,
 И дробится надъ водами
 Шескъ рыбачьяго весла.

Ранній свѣтъ луча дневнаго
 Озарилъ мой тайный путь;
 Сладко воздуха лѣснаго
 Холодъ мнѣ струится въ грудь:
 Молодая трепетала,
 Новымъ пламенемъ полна
 Нѣжно, быстро замирала —
 Утомилася она!
 Скоро ль въ царственномъ покоѣ
 За далекіи синіи лѣсъ,
 Пурпурово-золотое
 Солнце скатится съ небесъ?
 Серебристыми лучами
 Изукраситъ ихъ луна,
 И въ селѣ, и надъ водами
 Снова тѣнь и тишина!

М Е Ч Т А Н І Я .

Поэта пламенныхъ созданій
 Не бойся, дѣва; сила ихъ
 Не отучнитъ твоихъ желаній
 И не понизитъ думъ твоихъ.
 Когда въ воздушные соблазны
 И безграничныя мечты,
 Въ тотъ міръ всегда разнообразный
 И полный свѣжей красоты —
 Тебя, изъ тягостнаго міра
 Тѣлесныхъ мыслей и заботъ,
 Его пророческая лира

На крыльяхъ звуковъ унесетъ;
 Ты беззаботно предавайся
 Очарованью твоему,
 Имъ сладострастно упивайся
 И гордо радуйся ему:
 Въ тотъ часъ, какъ ты вполнѣ забылась
 Симъ творческимъ, высокимъ сномъ,
 Ты въ божество преобразилась,
 Живешь небеснымъ бытіемъ!

ИМЪ.

Много вашими устами
 Пилъ я меду и вина;
 Вдохновенными стихами
 Пѣлъ я ваши имена!
 И въ разгульномъ хорѣ звуковъ
 Цѣлы, счастливы, они
 Будутъ жить у дальнихъ внуковъ,
 Прославляя наши дни:
 Тамъ на юношескомъ пирѣ
 Слово молвится подъ часъ
 Въ похвалу и гордой лирѣ,
 Веселившейся о васъ, —
 И при громѣ восклицаній
 Въ честь увѣнчанныхъ именъ,
 Сбереженныхъ безъ прозваній
 Умною людскою временемъ,
 Кстатѣ вмѣстѣ возгласится
 Имя доброе мое,

И поэту наградится
Все подлунное житье!

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ СXXXVI.

Въ дни плѣна, полные печали
На Вавилонскихъ берегахъ,
Среди враговъ мы возсѣдали
Въ молчаньи горькомъ и слезахъ;
Тамъ вопрошали насъ тираны,
Почто мы плачемъ и грустимъ.
«Возьмите гусли и тимпаны
И пойте вашу Ерусалимъ.»
Нѣтъ! Свято намъ воспоминанье
О славной родинѣ своей;
Мы не дадимъ на посмѣянье
Высокихъ пѣсенъ прошлыхъ дней!
Твои, Сіонъ! онѣ прекрасны!
Въ нихъ умъ и звукъ любимыхъ странъ!
Порвись струны сладкогласны,
Разбейся звонкій мой тимпанъ!
Окаменѣй языкъ лукавый,
Когда забуду грусть мою,
И пѣнь отечественной славы
Ея губителямъ спою.
А Ты, среди огней и грома
Намъ даровавший свой законъ,
Напомяни сынамъ Эдома
День, опозорившій Сіонъ,
Когда они въ весельи дикомъ,

Убийства шумные виномъ,
 Насъ оглушали грознымъ крикомъ :
 « Все истребимъ, всѣхъ поженемъ ! »
     Блаженъ, кто смѣлою десницею
     Оковы плѣна сокрушить,
     Кто плачь Израиля сторицею
     На притѣснителяхъ отмститъ !
 Кто въ домъ тирана мечъ и пламень
 И смерть ужасную внесетъ,
 И съ яркимъ хохотомъ о камень
 Его младенцевъ разобьетъ !

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ.

Г — в. Д — в.

Въ прозрачной мглѣ безмолвствуетъ столица;
 Лишь изрѣдка на шумъ и гласъ ночной
 Откликнется дремавшій часовой,
 Иль топнетъ конь, и быстро колесница
 Продребезжитъ по звонкой мостовой.

Какъ я люблю пріютъ мой одинокій !
 Какъ здѣсь мила весенняя луна !
 Сребристыми узорами она
 Разсыпалась на полъ его широкій
 Во весь объемъ трехърамнаго окна.

Сей лунный свѣтъ таинственный и нѣжный,
 Сей полумракъ, лелѣющій мечты,
 Исполнены соблазновъ . . . . Гдѣ же ты,

Какъ поцѣлуй насильный и мятежный,
Разгульная и чудо красоты?

Во мнѣ душа трепещетъ и пылаетъ,
Когда, къ тебѣ склоняясь головой,
Я слушаю, какъ дивный голосъ твой,
Томительный, журчитъ и замираетъ,
Какъ онъ кипитъ, веселый и живой!

Или когда твои родные звуки
Тебя зовутъ — и, буйная, летншь,
Крутишь головой, сверкаешь и дрожишь,
И прыгаешь, и вскидываешь руки,
И топаешь, и свищешь, и визжишь!

Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятъями восторга встрѣчу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучшій сонъ, мой ангелъ сладкопѣвный,
Поэзія московскаго житья!

Приди, утѣшь мое уединенье,
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущіе мои
На свѣтлое, святое вдохновенье,
На праздники и шалости любви.

ПЕРСТЕНЬ.

Т . . . Ъ. Д . . . Ъ.

—

Да, какъ святыню, берегу я
Сей перстень, данный мнѣ тобой
За жарь и силу поцѣлуя,
Тебя сливавшего со мной.
Въ тотъ часъ, (забудь меня Камена,
Когда его забуду я!)
Какъ на твои склоняюсь колѣна,
Глава покоилась моя,
Ты улыбалась мнѣ и пѣла,
Ласкала сладостно меня;
Ты прямо въ очи мнѣ глядѣла
Очами, полными огня.
Но что жь? такъ пылко, такъ глубоко,
Такъ вдохновенно люблюбя
Тебя, мой ангелъ черноокой,
Одну тебя, одну тебя . . .
Одинъ ли я твой взоръ умильный
Къ себѣ привлекъ? На мнѣ ль одномъ
Твои объятія такъ сильно
Живымъ свиваются кольцомъ?
Ахъ, нѣтъ! Но свято берегу я
Сей перстень, данный мнѣ тобой,
Воспоминанье поцѣлуя,
Тебя сливавшего со мной!

—

П О Э Т Ъ .

Радужно рабствуетъ поэту
 Животворящая мечта;
 Его любовному привѣту
 Не вѣруй, дѣва-красота!
 Раздумье лѣни или скуки,
 Пустую смѣсь обычныхъ сновъ,
 Онъ рядить въ сладостные звуки,
 Въ музыку мыслей и стиховъ;
 А ты, мой чистый ангелъ рая,
 Ты примешь, очи потупляя,
 Ихъ гармоническую ложь;
 Повѣришь слѣпо чувствамъ яснымъ,
 И сердца трепетомъ прекраснымъ
 Сердечный голосъ ты поймешь.
 Какъ мило взоръ его смиренный
 Дичится взора твоего:
 Кишать, тобою вдохновенны,
 Восторги нѣжные его.

Уже давно подъ небесами
 Ночная тѣнь и тишина;
 Не спишь, красавица? — Мечтами
 Ты безпокойными полна!
 Чуть видны блески огневья
 Твоихъ лазоревыхъ очей,
 Блуждаютъ кудри золотыя
 По скатамъ дѣвственныхъ грудей.
 Ланиты рдѣютъ пурпуровы,
 Упали жаркіе покровы

Съ младаго стана и колѣнъ . . . .
 Вотъ день — и блѣдная ты встала,
 Ты не спала, ты все мечтала . . . .
 А онъ, таинственникъ Камень? —
 Имъ не играли грезы ночи;
 И бодръ и свѣжъ проснулся онъ,
 И про любовь и черны очи
 Уже выдумываетъ сонъ.

К-Ъ К-Ъ ЯННИШЪ.

Вы, чьей душѣ во цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ.
 Небесныя знакомы откровенья,
 Все, чѣмъ высокъ полетъ воображенья,
 Чѣмъ гордъ и пламененъ поэтъ, —

И два вѣнка, одинъ другаго краше,
 На головѣ свилсъ молодой,
 Зеленый лавръ поэзіи чужой
 И брилліанты музы вашей! —

Вы силою волшебной думъ своихъ
 Прекрасную торжественность мнѣ дали,
 Вы на золотыхъ струнахъ переиграли
 Простые звуки струнъ моихъ.

И снова мнѣ и ярче возсіяла
 Минувшихъ дней счастливая звѣзда,
 И жаждою священной труда
 Живѣе грудь затрепетала.

Я чувствую: завиденъ жребій мой,
 Есть и во мнѣ благословенъ Бога,
 И праведна житейская дорога,
 Безпечно выбранная мной.

Не кланяюсь пустому блеску міра,
 Не слушаю слѣпой его молвы:
 Я выше ихъ . . . . Да здравствуйте же вы
 И ваша творческая зира!

С. С. ТЕПЛОВОЙ.

Я знаю васъ: младыя ваши лѣта
 Счастливою звѣздой озарены;
 Вы любите великій міръ поэта
 И гармоническіе сны;
 Вамъ весело имъ вовсе предаваться,
 Ихъ обновлять роскошнѣй и полнѣй,
 И медленно и долго забываться
 Въ обманахъ памяти своей;
 Вы знаете, какъ въ хоры сладкогласны
 Созвучныя сливаются слова,
 И чѣмъ они могучи и прекрасны
 И чѣмъ поэзія жива;
 Умѣете вы мыслію своею
 Чужую мысль далеко увлекать
 И, праведно господствуя надъ нею,
 Ее смирать и возвышать.
 Я знаю васъ: но этими стихами
 Приносится вамъ жертва не моя;

Я чувствую, смутился бь я предъ вами :
 Душой и сердцемъ робокъ я;
 Но пламенно я Музу обожаю,
 Доступенъ мнѣ возвышенный Парнасъ,
 И наизусть лишь то вамъ повторяю,
 Что говорится тамъ про васъ.

К О Н Ъ .

Жадно, весело онъ дышетъ
 Свѣжимъ воздухомъ полей :
 Спзый паръ кипитъ и пышетъ
 Изъ пылающихъ ноздрей;
 Полонъ силъ, удалъ на волѣ,
 Громкимъ голосомъ заржалъ,
 Встрепенулся конь — и въ поле
 Бурноногій поскакалъ!
 Скачетъ, блещущій глазами,
 Дико голову склонилъ;
 Вдоль по вѣтру онъ волнами
 Черну гриву распустилъ.
 Самъ какъ вѣтеръ : крутъ ли встанетъ
 На пути? отважныйи прянетъ —
 И на ней ужь! Ляжетъ ровъ
 И потокъ клубится? — мигомъ,
 Онъ широкимъ перепрыгомъ
 Черезъ нихъ — и былъ таковъ!

Веселися, конь ретивый!
 Щеголяй избыткомъ силъ!

Не надолго волны гривы
 Вдоль по вѣтру ты пустиль!
 Не надолго жизнь и воля
 Разомъ бурному даны,
 И холодный воздухъ поля,
 И отважны крутизны,
 И стремнины роковыя . . . .
 Скоро, скоро подъ замокъ!
 Тѣшь копыта удалыя,
 Свой могучій бѣгъ и скокъ!

Снова въ дѣло, конь ретивой!
 Въ збруѣ легкой и красивой,
 И блистающей сѣдломъ,
 И брэнчающей поводами,
 Стройно-вѣрными шагами
 Ты пойдешь подъ сѣдокомъ.

П Ъ С Н Я.

Онъ былъ поэтъ: безпечными глазами
 Глядѣлъ на міръ и міру былъ чужой;
 Онъ сладостно бесѣдовалъ съ друзьями;
 Онъ красоту боготворилъ душой;
 Онъ воспѣвалъ счастливыми стихами
 Харитъ, вино, и дружбу, и покой.

Блаженъ, кто зналъ разумное веселье,
 Чья жизнь была свободна и чиста,
 Кто съ музами дѣлилъ свое бездѣлье,

Кому любви прохладныя уста
Свѣвали съ вѣждъ недолгое похмѣлье,
И съ нимъ — его довольная мечта!

И въ честь ему, на будущія лѣта
Не худо бы сей учредить обрядъ:
Порою звѣздъ и мѣсячнаго свѣта
Мы сходимся въ благоуханный садъ,
И тамъ поемъ любимый гимнъ поэта,
И до утра фіалы прозвенять.

Пусть видитъ міръ, какъ нашихъ помнятъ,
Какъ иногда свирѣли звукъ простыи
Да скромный хмѣль и миртъ переживаютъ
Побѣдный громъ и памятникъ златыи,
И многіе, ужъ за-одно, познають,
Что называть мірскою суетой.

ВОСПОМИНАНІЕ

ОБЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

Ея ужъ нѣтъ, но рай воспоминаній
Священныхъ мнѣ оставила она.
Вонъ чуждый берегъ и мирный храмъ познаній,
Каменами любимая страна;
Тамъ смѣлый гость свободы просвѣщенной,
Иѣвецъ вина и дружбы и прохладъ,
Настроилъ я, младый и вдохновенный,
Мои стихи на самобытный ладъ —

И вторились напѣвы удалые
 При говорѣ фіаловъ круговыхъ!
 Тамъ грудь моя наполнилась впервые
 Волненьемъ чувствъ завѣтныхъ и живыхъ,
 И трепетомъ, томительнымъ и страстнымъ,
 Божественной и сладостной любви.
 Я счастливъ былъ: мелькали дни мои
 Летучимъ сномъ, заманчивымъ и яснымъ.

А вы, пѣвца внимательные други,
 Товарищи, какъ думаете вы?
 Для васъ я пѣлъ нѣмецкіе досуги,
 Спѣсивый хмѣль ученой головы,
 И праздникъ тотъ, шумящій ежегодно,
 Тамъ у пруда, на бархатѣ луговъ,
 Гдѣ обогнулъ заливъ голубоводной
 Зеленый скатъ лѣсистыхъ береговъ?
 Луна взошла, древа благоухали,
 Зефиръ весны струилъ ночную тѣнь,
 Костеръ пылалъ — мы долго пировали
 И бурные привѣтствовали день!
 Товарищи! не правда ли? на пирѣ
 Не рознилъ вамъ лирической поэтъ?
 А этотъ пиръ не наобумъ воспѣтъ,
 И вы моей порадовались лирѣ! —
 Нѣтъ, не для васъ! — Она меня хвалила,
 Ей нравилась разгульный мой вѣнокъ,
 И младости заносчивая сила,
 И пламенныхъ восторговъ кпятокъ.
 Когда она игривыми мечтами,
 Радушная, преслѣдовала ихъ;
 Когда она, веселыми устами,
 Мой счастливый произносила стихъ:

Торжественна, полна очарованья,
 Свѣжа, и гдѣ была душа моя!
 О! прочь мои грядущія созданья,
 О! горе мнѣ, когда забуду я
 Огонь ея привѣтливаго взора,
 И на челѣ избытокъ стройныхъ думъ,
 И сладкій звукъ рѣчей, и свѣтлый умъ
 Въ лющемся кристалѣ разговора.

Ея ужь нѣтъ! Все было въ ней прекрасно!
 И тайна въ ней великая жила,
 Что юношу стремлю самовластно
 На видный путь и чистыя дѣла;
 Онъ чувствовалъ: возвышенныя блага
 Есть на землѣ! — есть цѣлый міръ труда
 И въ немъ — надеждъ и помысловъ отвага,
 И бытіе привольное всегда!
 Блаженъ, кого любовь ея ласкала,
 Кто пѣлъ ее подъ небомъ лучшихъ лѣтъ . . . .
 Она всего поэта понимала —
 И гордъ, и тихъ, и трепетенъ поэтъ.
 Ей приносила свое боготворенье;
 И радостно во имя божества
 Сбиралась въ хоръ созвучныя слова,
 Какъ фиміамъ, горѣло вдохновенье.

Э Л Е Г И Я .

Ночь безлунная звѣздами
 Убирала синій сводъ;

Тихи были зыби водъ;
 Подъ зелеными кустами
 Сладко, дѣва-красота,
 Я сжималъ тебя руками;
 Я горячими устами
 Цѣловалъ тебя въ уста;
 Страстнымъ жаромъ подымались
 Перси полныя твои;
 Разлетаясь, развивались
 Черныхъ локоновъ струп;
 Закрывала, открывала
 Ты лазурь своихъ очей;
 Трепетала и вздыхала
 Грудь, прижатая къ моей.

Подъ ночными небесами
 Сладко, дѣва-красота,
 Я горячими устами
 Цѣловалъ тебя въ уста . . . .
 Небесамъ благодаренье!
 Здравствуй, дѣва-красота!
 То играло сновидѣнье,
 Безтѣлесная мечта!

—

С Т А Н С Ы.

—

Въ часъ, какъ дѣву молодую
 Я зову на ложе сна,
 И ночному поцѣлую
 Не противится она,

Грусть неожиданого сомнѣнья
 Вдругъ находить на меня —
 И боюсь я пробужденья
 И божественнаго дня.

Онъ сіяетъ, день прекрасный,
 Въ блескъ розовыхъ лучей;
 Въ сѣняхъ лѣса сладкогласный
 Свищетъ пѣсню созовей;
 Рѣзвымъ плескомъ льются воды,
 И цвѣтутъ ковры долинь . . . .
 То любовница природы,
 То красавица годинъ.

О! счастливъ, чья грудь млада
 Силой чувствъ еще полна;
 Жизнь ведетъ его, играя,
 Какъ влюбленная, нѣжна;
 И веселая ласкаетъ,
 И, пристрастная къ нему,
 И дарить и общаетъ
 Все красавцу своему! —

Есть любовь и наслажденья,
 Небо есть и на землѣ;
 Но могущество мгновенья,
 Но грядущее во мглѣ.
 О друзья, что наша младость?
 Чарка славнаго вина;
 А забывчивая радость
 Съ разу пьетъ ее до дна!

В И Н О.

Голосистая, живая
 Чародѣйка молодая,
 Удалая красота,
 Какъ вино, вольнолюбива,
 Какъ вино, она пгрива
 И блистательно чиста;
 Какъ вино, ее люблю я,
 Прославляемое мной:
 Умиляя и волнуя
 Душу, полную тоской,
 Всю тоску она отгонитъ,
 И меня на ложе склонитъ
 Беззаботной головой;
 Сладки пѣсни распѣваетъ
 О былыхъ, веселыхъ дняхъ,
 И стихи мои читаетъ
 И блеститъ въ моихъ очахъ!

НА СМЕРТЬ БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА.

Тамъ, гдѣ картинно обгиба
 Брега, одѣтые въ гранитъ,
 Нева, какъ небо голубая,
 Широководная шумитъ,
 Жилъ-былъ поэтъ. Въ соблазны міра
 Не увлеклась душа его;
 Ни въ чемъ не видѣлъ онъ кумира

Для вдохновенья своего,
И независимая лира
Чужда была страстямъ земнымъ,
Звуча наитіемъ святымъ.

Любовь онъ пѣлъ: его напѣвы
Блестали стройностью живою,
Какъ рѣзвыи станъ и перси дѣвы,
Олимпа чашницы молодой.
Онъ пѣлъ вино: простыи и ясной
Стихи восторгъ одушевлялъ;
Они звенѣли сладкогласно,
Какъ въ шумѣ вольницы прекрасной
Фіалъ, цѣлующій фіалъ;
И дѣвы русскія пристрастно
Ихъ повторяютъ — и поэтъ
Счастливъ на много, много лѣтъ.

Таковъ онъ былъ, хранимый Фебомъ,
Душой и лирой древній грекъ. —
Тогда гулялъ подъ чуждымъ небомъ
Студентъ и русскій человѣкъ;
Тамъ быстро жизнь его молодая,
Разнообразна и свѣтла,
Лилась; тамъ дружба удалая,
Его уча и ободряя,
Своимъ пророкомъ назвала,
И на добро благословляя,
Цвѣтущимъ хмѣлемъ убрала
Веселость гордаго чела.

Ей гимны пѣлъ онъ. Громки были!
На берегъ царственной Невы

Не разъ, не два ихъ приносили
 Уста кочующей молвы.
 И тамъ поэтъ чистосердечно
 Ихъ гимномъ здравствовалъ своимъ.
 Ужь нѣтъ его. Главой безпечной
 Отъ шума жизни скоротечной,
 Изъ міра, гдѣ все прахъ и дымъ,
 Въ миръ лучшій, въ лоно жизни вѣчной
 Онъ перелегъ; но лиры звонъ
 Намъ навсегда оставилъ онъ.

Внемли же нынѣ, тѣнь поэта,
 Пѣвцу, чью лиру онъ любилъ,
 Кому щедроты Бога свѣта
 Онъ въ добрый часъ предвозвѣстилъ.
 Я счастливъ ими! Вдохновенья
 Ужь стали жизнію моею!
 Прими сей гласъ благодаренья!
 О! пусть мои стихотворенья
 Изъ милой памяти людей
 Уйдутъ въ несносный мракъ забвенья
 Всѣ, всѣ! . . . Но лучшее, одно
 Да не погибнетъ : вотъ оно!

—

Э Л Е Г И Я.

Т. Д.

Блаженъ, кто могъ на ложѣ ночи
 Тебя руками обогнуть :
 Челомъ въ чело, очами въ очи,

Уста въ уста и грудь на грудь!
 Кто соблазнительный твой лепетъ
 .Лобзаньемъ пылкимъ прерывалъ,
 И смуглыхъ персей дикій трепетъ
 То усыплялъ, то пробуждалъ!...
 Но тотъ блаженнѣй, дѣва ночи,
 Кто въ упоеніи любви
 Глядитъ на огненныя очи,
 На брови дивныя твои,
 На свѣжесть устъ твоихъ пурпурныхъ,
 На черноту младыхъ кудрей,
 Забывъ и жаръ восторговъ бурныхъ,
 И силы юности своей!

НА СМЕРТЬ А. Н. ТЮТЧЕВА.

Огнемъ и силой думъ прекрасныхъ
 Сверкалъ возвышенный твой взоръ;
 Избыткомъ чувствъ живыхъ и ясныхъ
 Твой волновался разговоръ;
 Грудь вдохновенно трепетала,
 Надеждой славы горяча,
 И смѣлость гордо поднимала
 Твои могучія плеча:
 Потухли огненныя очи,
 Умолкли вѣщія уста,
 Недвижно сердце; вѣчной ночи
 Тебя закрыла темнота.
 Прощай, товарищъ! Были годы,
 Ты чапу сладкую пивалъ;

Въ садахъ науки и свободы
Ты поэтически гулялъ;
Тамъ создалъ ты, славолюбивый,
Тамъ воспиталъ, направилъ ты
Свои кипучіе порывы,
Свои широкія мечты.
И въ дальній шумъ инаго міра
Тебя на громкія дѣла
Моя восторженная лира
Благословляла и звала;
Ея привѣтственному звуку
Какъ суевѣрно ты внималъ,
Какъ жарко дружескую руку
Своею схватывалъ и жалъ!
Подъ сѣнью сладостнаго свѣта,
Красуясь дивною красой,
Въ твоихъ очахъ грядущи лѣта
Веселой мчались чередой;
Въ ихъ утомительномъ обманѣ
Ты ясно жребій свой читалъ,
Имъ надмевался — и заранѣ
Торжествовалъ и ликовалъ.
Пришли — и вотъ твоя могила!
Крылатыхъ мыслей быстрота,
Надежды, молодость и сила —
Все тлѣнъ, и мигъ, и суета!

Е. А. СВЕРБЕЕВОЙ.

Мысль неразгульнаго поэта
Является божественно-стройна, .

Въ живые образы одѣта,
 Святымъ огнемъ озарена.
 Счастливъ, кто силенъ ей предаться,
 Тотъ, чья душа спокойна и чиста,
 Да въ ней вполне изобразятся
 Ея гармонія, и свѣтъ, и чистота.
 Такъ вы блистательно-прекрасны . . . .
 А что мой стихъ? Питомецъ буйныхъ лѣтъ
 И проповѣдникъ разногласный
 Мірскихъ соблазновъ и суетъ!
 Донинѣ пьяными мечтами
 Студентъ кипѣть не пересталъ —
 И странны были бы предъ вами
 Вакхическій напѣвъ и хмѣль его похвалъ.
 Но, чуждъ святому вдохновенью,
 Онъ вѣдаетъ, гдѣ небо на землѣ;
 Но мѣсто есть благоговѣнью
 На удаломъ его челѣ,
 И, полнъ таинственной отрады,
 Усердно вамъ приносить онъ
 Свои потупленные взгляды,
 Смутившуюся рѣчь и робкій свой поклонъ.

БЕЗСОННИЦА.

Что мечты мои волнуетъ
 На привычномъ ложѣ сна?
 На лицо и грудь мнѣ дуетъ
 Свѣжимъ воздухомъ весна;
 Тихо очи мнѣ цѣлуетъ
 Полуночная луна.

Ты ль, пріютъ восторгамъ нѣжнымъ,
 Радость юности моей,
 Ангелъ взоромъ безмятежнымъ,
 Ангелъ прелестью очей,
 Персей блескомъ бѣлоснѣжнымъ,
 Мягкихъ золотомъ кудрей?

Ты ли мнѣ любви мечтамъ
 Прогоняешь мирны сны?
 Ты ли свѣжими устами
 Навѣваешь свѣтъ луны,
 Скрыта легкими тѣнями
 Соблазнительной весны?

Благодатное видѣнье,
 Тихій ангелъ! успокой,
 Усыпи души волненье,
 Чувства жаркія напой
 И даруй мнѣ утомленье,
 Освященное тобой!

—
А У!
 —

Голубоокая, младая,
 Мой чернобровый ангелъ рая!
 Ты, мной воспѣтая давно,
 Еще въ тѣ дни, какъ пѣлъ я радость
 И жизни праздничную сладость.
 Искрокипучее вино, —
 Тебѣ привѣтъ мой пздалеча,
 Отъ москворѣцкихъ береговъ

Туда, гдѣ звонкихъ звономъ вѣча
 Мопхъ пугалась ты стиховъ, —
 Гдѣ странно юность мной играла, —
 Гдѣ въ одинокій мой пріютъ
 То заходилъ безсонный трудъ,
 То ночь съ гремушкой забѣгала!

Пестро, неправильно я жилъ!
 Тамъ все, чѣмъ богъ добра и свѣта
 Благословляетъ многи лѣта
 Тотъ край, все — бодрость чувствъ и силъ,
 Ученье, дружбу, вольность нашу,
 Гульбу, шумъ, праздность, лѣнь — я спллъ
 Въ одну торжественную чашу,
 И пилъ да пѣлъ . . . я долго пилъ!

Голубокая, младая,
 Мой чернобровый ангелъ рая!
 Тебя, звѣзду мою, найдеть
 Поэта вѣстникъ расторопный,
 Мой бойкій ямбъ четверостопный,
 Мой говорливый скороходъ;
 Тебѣ онъ скажетъ вѣсть благою.
 Да, я покинулъ наконецъ
 Пыры, безпечность кочевую,
 Я, голосистый ихъ пѣвецъ!
 Святыхъ восторговъ просить лира;
 Она чужда тѣхъ буйныхъ лѣтъ,
 И вновь изъ прелести суетъ
 Не сотворитъ себѣ кумира.

Я здѣсь! — Да здравствуетъ Москва!
 Вотъ небеса мои родныя!

Здѣсь наша матушка-Россія
 Семисотлѣтняя жива!
 Здѣсь все бывало: плѣнъ, свобода,
 Орда, и Польша, и Литва,
 Французы, лавръ и хмѣль народа,
 Все, все!... Да здравствуетъ Москва!

Какими думами украшенъ
 Сей холмъ давнишнихъ стѣнъ и башенъ,
 Бойницъ, соборовъ и палатъ!
 Здѣсь нашихъ бѣдъ и нашей славы
 Хранится повѣсть! Эти главы
 Святымъ сіяніемъ горять!
 О! проклять будь, кто потревожитъ
 Великолѣпье старины!
 Кто на нее печать наложитъ
 Мимоходящей новизны!
 Сюда! на дѣло пѣсногѣннй,
 Поэты наши! Для стиховъ
 Въ Москвѣ ищите русскихъ словъ,
 Своенародныхъ вдохновеній!

Какъ много мнѣ судьба дала!
 Денницей ярко-пурпуровой
 Какъ ясно, тихо жизни новой
 Она востокъ мнѣ убрала!
 Не пьянъ полеть моихъ желаній;
 Свобода сердца весела;
 И стихотворческія длани
 Къ струнамъ — и лира ожгла!

Мой чернобровый ангелъ рай!
 Моли судьбу, да всеблагая

Не отнимаетъ у меня
 Ни одиночества дневнаго,
 Ни одиночества ночнаго,
 Ни думъ дѣятельнаго дня,
 Ни тихихъ сновъ лѣнивой ночи! —
 И скромной пѣснiю любви
 Я воспою лазурныя очи,
 Ланиты свѣжiя твои,
 Уста сахарны, груди полны,
 И бѣлизну твоихъ грудей,
 И черныхъ, дѣвственныхъ кудрей
 На ней блистающiя волны.

Твоя мольба всегда вѣрна;
 И мой обѣтъ — онъ совершится!
 Мечта любовью раскипитъ,
 И въ звуки выльется она!
 И будутъ звуки тѣ прекрасны,
 И будетъ сладость ихъ нѣжна,
 Какъ сонъ плѣнительный и ясный,
 Тебя поднявшiй съ ложа сна.

ВАСИЛIЮ АЛЕКСѢЕВИЧУ ЕЛАГИНУ.

Свѣтло блеститъ на глади неба ясной
 Живая ткань лазури и огня,
 Символь души проснувшейся прекрасно,
 Заря безоблачнаго дня;
 Такъ ты мечту мнѣ сладкую внушаешь;
 Плѣнительень, завиденъ твой удѣлъ:

Среди наукъ ты гордо возмужаешь
 Для стройныхъ думъ и свѣтлыхъ дѣлъ:
 Отъ раннихъ лѣтъ полюбишь наслажденья
 Привольныя и добрыя всегда:
 Дѣятельный покой уединенья
 И независимость труда:
 Младая грудь надежно укрѣпится
 Волненьемъ чувствъ свободныхъ и святыхъ.
 И весело, высоко разгорится
 Отвага помысловъ твоихъ.
 И, гражданинъ торжественнаго міра,
 Гдѣ не слышна земная суета,
 Гдѣ ни оковъ, ни злата, ни кумира,
 Душа открыта и чиста. —
 Гдѣ въ тишинѣ растутъ ея созданья,
 Которыхъ нѣтъ простора межъ людей. —
 Ты совершишь завѣтныя желанья
 Счастливою юности твоей.
 О! вспомни ты въ тѣ сладостныя лѣта,
 Что я твою судьбу предъугадалъ.
 И слѣпо вѣрь въ пророчества поэта
 И въ правоту его похвалъ!

—

ВЪ АН. К-У.

—

Не часто ли поверхность моря
 Волнуетъ грозныхъ бурь приходъ,
 И съ валомъ валъ ужасный спора,
 Кремнистые брега трясеть?
 Не часто ль день прелестный, ясный

Скрываетъ мракъ суетой;
 Не часто ль человѣкъ, среди весны прекрасной,
     Смущается тоской,
 И радость быстро отлетаетъ?
     Страшисъ печали, милый другъ!
 Да счастье всюду провождаетъ
     Тебя чрезъ жизни лугъ!
 Люби, но укрощай въ душѣ любви стремленья:
     Ея опасенъ ядъ,
 И часто средь цвѣтовъ прелестныхъ наслажденья
     Змѣи ужасныя шипятъ;
     Будь вѣренъ, но страшисъ обмана,
     Страшисъ, чтобы коварный богъ
 Не превратился вдругъ въ тирана,
 И тщетныя въ тебѣ любви не возжѣгъ.
     Быть можетъ, тамъ, мой другъ любезной,
     Гдѣ мѣдяный Рифей
 Чело къ странѣ возноситъ звѣздной,
     крѣпостью гордясь своею,
 Полетъ Сатурна презираетъ,
 Гдѣ хладъ свирѣпый обитаетъ, —
 Ты, другъ мой, въ тотъ ужасный часъ,
 Какъ вѣтромъ мчится прахъ летучій,
 Когда лучъ солнечный погасъ,
     Покрытый мрачной тучей,
 Когда лѣса дубовъ скрываютъ,
 Предъ бурей страшной преклоненны,
 Когда по челахъ горъ скользятъ
     Перуны разъяренны,
 Быть можетъ, другъ любезный мой,
     Въ сей бури часъ ужасный,
 Красу застигнуту грозой
     Увидишь ты . . . и взоръ прекрасный

Въ пла́нненномъ сердцѣ́ нѣ́жну страсть
 Воспламенитъ мгновенно,
 И милая твоя . . . любви власть
 Въ душѣ́ познаетъ восхищенной,
 И для тебя лишь будетъ жить.
 Тогда, подъ сѣ́нью мирной
 Ты станешь радости съ подругою дѣ́лить,
 Тогда твой голосъ лирной
 Любовь благу воспоетъ,
 И пѣ́сня твоя молвой къ друзьямъ домчится;
 Тогда во мнѣ́, о милый мой поэтъ,
 Воспоминаніе протекшаго родится;
 Тогда я полечу душой
 Къ днямъ рѣ́звымъ юности безпечной,
 Когда я, увлеченъ мечтой,
 Почувствовалъ огонь поэзіи сердечной,
 Тебѣ́ ввѣ́рять восторги приходилъ
 И слышалъ судъ твой справедливый.
 О сколь тогда пріятенъ былъ
 Мнѣ́ дружескій совѣ́тъ нельстивый!
 Съ какимъ весельемъ я съ тобой
 Поэтовъ красотой плѣ́нялся!
 И, зря въ мечтахъ ихъ тѣ́ни предъ собой,
 Восторгамъ пылкимъ предавался;
 Какой огонь тогда блисталъ
 Въ душѣ́ моей обвороженной,
 Когда я звучный гласъ внималъ,
 Твой гласъ, о бардъ священный,
 Краса пѣ́вцовъ, великій Оссіанъ!
 И мысль моя тогда летала
 По холмамъ тѣ́хъ счастливыхъ странъ,
 Гдѣ́ арфа стройная героевъ воспѣ́вала;
 Тогда я предъ собою зрѣ́лъ

Тебя, Фингалъ непобѣдимый,
 Въ тотъ часъ, какъ небосклонъ горѣлъ,
 Зарю утренней златимый,
 Какъ вѣтерки игривые кругомъ
 Героя тихо пролетали,
 И солнце блещущимъ лучомъ
 Сверкало на ужасной стали.

Я зрѣлъ его: онъ, на копье склонясь,
 Стоялъ въ очахъ своихъ съ грозою —
 И вдругъ, на воинство противныхъ устремясь,
 Все повергалъ своей рукою;
 Я зрѣлъ, какъ подвигъ свой свершивъ,
 Онъ восходилъ на холмъ зеленый,
 И на равнину взоръ печальный обративъ,
 Гдѣ врагъ упалъ, имъ низложенный,
 Стоялъ съ поникшею главою,
 Въ доспѣхахъ, кровію омытыхъ.

Я шлемы зрѣлъ, его разсѣченны рукою,
 Зрѣлъ горы имъ щитовъ разбитыхъ!...

Но другъ, позволь мнѣ удержать
 Мечты волшебной обольщенья:
 Ты надѣленъ талантомъ пѣснопѣнья,
 Тебѣ героевъ воспѣвать!

Въ восторгѣ устреми къ превыспреннему міру
 Быстротекущій свой полетъ,
 А мнѣ позволь, мой другъ, поэтъ,
 Теперь на время бросить лиру!

ВЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ.

На петербургскую дорогу
 Съ надеждой милою смотрю
 И путешественниковъ Богу
 Свои молитвы говорю:
 Пускай отъ холода и вора
 Онъ днемъ и ночью васъ хранитъ;
 Пускай плѣнительнаго взора
 Лихая вьюга не гнѣвитъ;
 Пускай зима круты овраги
 Засыплетъ бисеромъ своимъ —
 И кони, полные отваги,
 По гладкимъ доламъ снѣговымъ,
 Подъ голубыми небесамъ,
 Быстрѣй поэтовой мечты,
 Служа богинѣ красоты,
 Летятъ съ уютными санями . . . .

Клянусь моими божествами:
 Я непритворно васъ зову!
 Ужь долго грѣшными мечтами
 Я занималъ свою молву!
 Вы сильны дать огонь и живость
 Пѣвцу, молящемуся вамъ,
 И благородство и стыдливость
 Его уму, его мечтамъ.
 Приму съ улыбкой ваши узы,
 Не буду пѣть моихъ проказъ!
 Я, видя васъ — любимецъ музы!
 Я только трубадуръ безъ васъ!

Е. А. ТИМАСНЕВОЙ.

Молодая ученица
Беззаботнаго житья,
Буиныхъ праздниковъ пѣвица,
Муза рѣзвая моя,
Ярки очи потупляя,
Вольны кудри поправляя,
Чинно кланяется вамъ :
Это даръ ея заздравный
Вашей музѣ благоправной,
Вашимъ сладостнымъ стихамъ!

Прелестъ вашихъ пѣснопѣннй
Въ неземное бытiе,
Въ рай чпстѣйшихъ вдохновенiй
Заманила вновь ее.
Этотъ мiръ восторговъ дивныхъ,
Тихихъ, тайныхъ, заунывныхъ,
Независимо живой,
Мiръ, гдѣ нѣжатся поэты
Недовольные землей —

И она его знавала
Тамъ, подъ небомъ прошлыхъ дней, --
И она его пѣвала
Ради братiй и друзей,
Громко ей рукоплескавшихъ,
Ей радушно повѣрявшихъ
Чувства юныя свои,
Томны сны и сладки муки

Умилительной разлуки
И несбыточной любви.

Этотъ міръ полнѣй и краше,
Чѣмъ житейскій; но его
Утопилъ я въ шумной чашѣ
Просвѣщенья моего! —
И въ раздольи нашихъ оргій,
Молодецкіе восторги
Муза рѣзвая моя
Непритворно полюбила:
Молодую соблазнила
Вольность братскаго житья!

Съ той поры она гуляла,
Наслаждаясь наобумъ,
Словно прежде не знавала
Скромныхъ чувствъ и лучшихъ думъ . . . .
Прелесть вашихъ пѣснопѣній
Жажду чистыхъ вдохновеній
Пробудила снова въ ней —
И красавицѣ удалой
На гульбицѣ грустно стало:
Жаль невинности своей!

АЛЕКСѢЮ НИКОЛАЕВИЧУ ВУЛЬФУ.

Прошли младые наши годы!
Ты, проповѣдникъ и герой
Академической свободы,

И я — давно мы жребій свой,
 Нѣмецки шумный и живой,
 Перемѣнили на иной:
 Тебя звала надежда славы
 Подъ громъ войны, въ поля кровавы;
 И вдругъ оставилъ ты меня,
 Ученый быть, бесѣды наши,
 Застольны пѣсни, пѣнны чаши,
 И вспранулъ гордо на коня!
 А я — студенческому міру
 Сказавъ задумчиво: прощай,
 Я перенесъ разгульну лиру
 На Русь, въ отечественный край —
 И тамъ въ Москвѣ первопрестольной,
 Питомецъ жизни своевольной,
 Безпечно-вѣтренный поэтъ,
 Терялся я въ толпѣ суетъ,
 Чуждъ вдохновенныхъ наслажденій
 И поэтическихъ заботъ,
 Да пилъ бездѣйствія и лѣни
 Снотворно дѣйствующій мѣдъ.
 Но вотъ — хвала и слава Богу!
 Я вышелъ снова на дорогу,
 И снова милъ миѣ Божіи свѣтъ!
 Прими-жь привѣтъ, страна родная,
 Моя прекрасная, святая,
 Глубокой, полный мой привѣтъ!
 Отнынѣ вся моя судьбина
 Тебѣ! Люби же и ласкай
 И береги меня, какъ сына;
 Даруй пѣвцу пріютъ смиренной
 Въ виду отеческихъ лѣсовъ,
 Жить самобытно, неизмѣнно

Для думъ завѣтныхъ и стиховъ!
Крѣпка нескованная дума,
Блестящъ и звонокъ вольный стихъ!
Здѣсь не слышать градскаго шума,
Здѣсь не видать суетъ градскихъ;
И въ сей глуши всегда спокойной
Къ большимъ трудамъ и къ жизнистройной
Легко мнѣ душу приучить;
Легко навѣчно разлюбить
Уста и очи дѣвъ-красавицъ,
Привѣты гордыхъ молодицъ,
И пѣсни пламенныхъ пѣвицъ,
И пляски пламенныхъ плясавицъ!
Поклонъ вамъ, прежнія мои . . . .
Пляшите, пойте, процвѣтайте,
Великолѣпно оживляйте
Пиры и шалости любви!
Довольно чувствъ и вдохновеній
Я прогулялъ, и мнѣ пора
Познать себя, вкусить добра,
Небуѣныхъ, трезвыхъ наслажденій!
Мой другъ! поздравь же ты меня
Съ восходомъ счастливаго дня,
Съ давно желанной, мирной долей,
Съ весельемъ сердцемъ, съ вольной волей,
Съ живымъ трудомъ наединѣ!
Я руки въ боки упираю
И вдохновенно восклицаю:
Здѣсь дома я, здѣсь лучше мнѣ! . . . .
Вотъ такъ-то мы остепенились!
Но сладко вспомнить намъ подѣ часъ
Почтенный градъ, гдѣ мы учились,
Гдѣ мы привольно веселились,

Гдѣ мы любили въ первый разъ . . . .
 Возьми-жь, ему въ воспоминашь,
 Вотъ это пестрое собранье
 Моехъ рюмованныхъ проказъ :
 Тутъ, какъ вино въ хрустальной чашѣ,
 Знатокъ, насквозь увидишь ты
 Всѣ думы, чувства и мечты,
 Игру и блескъ свободы нашей,
 Красу миновашаго житья!
 Храни стихи мои, какъ я
 Храню фуражку удаю
 Съ моей студентской головы,
 Да кудрю темно-золотую
 Одной красавицы, увы!
 Когда-то милой мнѣ, когда-то
 На вешнемъ воздухѣ полей
 Въ тѣни ракиновыхъ вѣтвей . . . .
 Храню торжественно и свято
 Трофей младости моей!!

К О Р Ч М А .

Предъ нами черная корчма;
 И мы вошли въ сію корчму —
 Она похожа на тюрьму,
 Въ которой ужь давно, давно
 Не мыто и не метено.
 Порогъ возвышенный въ дверяхъ:
 На потолокъ и на стѣнахъ
 Буграми сажа, пыль и мохъ, —

А старый полъ — бѣда для ногъ.
 Таковъ дороги вѣшней видъ,
 Когда потоками бѣжитъ
 Снѣговъ растаявшихъ вода;
 Такъ, мостовая гдѣ худа . . . .
 По ней печальный пѣшеходъ
 Серdito, медленно идетъ . . . .
 И, глядя на негодный путь,
 Въ мечтахъ бранить кого-нибудь.
 Двѣ комнаты: одна съ другою
 Могли бы спорить духотой;
 Вдоль неочищенной стѣны,
 Свидѣтель мрачной старины
 Поставленъ долговязый столъ,
 И вдоль стола того — скамья.
 Но чернота и пыль ея
 На ней не позволяютъ лечь.
 Налѣво сумрачная печь
 Съ широкимъ чернымъ очагомъ.
 Окно съ замараннымъ стекломъ —
 Замараннымъ, какъ бы за тѣмъ,
 Чтобъ даже сумрачнымъ лучомъ
 Не освѣщалася корчма,
 И путнику-бъ густая тьма
 Не позволяла разглядѣть,
 Что негдѣ будетъ посидѣть,
 И тѣлу въ тишинѣ ночной
 Дать укрѣпительный покой.
 Еще корчма — объ ней ни слова!
 Она, какъ прежняя худа.
 Мы въ корчмѣ — въ ней мрачность таже,
 Пыль и мохъ,
 Полъ избить, а стѣны въ сажѣ,

Воздухъ плохъ,
Слишкомъ душенъ, для дыханья
Нездоровъ;
Сверхътого, здѣсь домъ собранья
Комаровъ.

Для насъ царица сей корчмы
Разстала по полу солому —
И тихо улеглася мы.

Сія чухонская Бавкида —
Простите этотъ эпизодъ,
Не привлекательнаго вида,
Какъ весь Ливоніи народъ:
Лицо, котораго Гогарту
Не удалось нарисовать . . . .

Вамъ не случилось ли видать
Унылой Корсики ландкарту? —
Такъ некрасива и черна
Была лицомъ сія жена:

Живые, сумрачные взгляды
Изъ-подъ нависнувшихъ бровей;
Волосъ не перечестъ у ней:
Въ красѣ природной безъ помады,
Отъ головы до самыхъ пятъ
Они растрепаны лежатъ.

Ея угрюмая осанка,
Морщины древняго чела . . . .

И, словомъ, всёмъ она была
Страшна, какъ вѣдьма кіевлянка.

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ФУКСЪ.

Завиденъ жребій вашъ : отъ обольщеній свѣта,
 Отъ суетныхъ забавъ, бездушныхъ дѣлъ и словъ
 На волю вы ушли, въ священный мѣръ поэта,
 Въ мѣръ гармоническихъ трудовъ.

Божественнымъ огнемъ краснорѣчивъ и ясенъ
 Пѣнителный вашъ взоръ, трепещетъ ваша грудь,
 И вдохновенными заботами прекрасенъ
 Открытый жизненный вашъ путь!

Всегда цвѣтуція мечты и наслажденья,
 Свободу и покой даруетъ вамъ Парнасъ.
 Примите жъ мой привѣтъ : я ваши пѣснопѣнья
 Люблю : я понимаю васъ.

Люблю тоску души задумчивой и милой,
 Волненіе надеждъ и помысловъ живыхъ,
 И страстные стихи, и говоръ ихъ унылый,
 И бога движущаго ихъ!

ЕЛЕНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАНДРЫКИНОЙ.

Въ младой груди моей о васъ воспоминанья
 Сохранно буду я беречь;
 Навѣчно милы мнѣ : живая ваша рѣчь
 И ваши томныя мечтанья,

Вашъ благосклонный взоръ, сверкающій умомъ,
 И ваше пѣнье. Что за звуки!
 То тихи и нѣжны, какъ жалкій вздохъ разлуки
 И мысль о счастьи быломъ,
 То употельны, торжественны, игривы,
 Какъ мѣдъ любви, — сладчайшій мѣдъ! —
 Какъ юношескихъ думъ возвышенный полетъ
 И дѣтской радости порывы!
 Могучи звуки тѣ волшебные! Они
 Меня отраднo чаровали,
 И умиленнаго, разнѣженнаго мчали
 Въ пную жизнь, въ иные дни,
 Въ тѣ дни, когда еще душой и сердцемъ юный,
 Довѣрчивъ, пылокъ и поэтъ,
 Я пѣлъ любовь и шумъ студенческихъ бесѣдъ,
 И стройны, громки были струны!
 Давно прошли тѣ дни восторговъ и потѣхъ;
 Но помню живо ихъ донинѣ,
 Какъ странникъ молодой, застигнутый пустыней
 И бурей, помнить свой ночлегъ
 Въ гостинницѣ, гдѣ онъ негaданно-нежданно
 Нашелъ красавицъ и друзей,
 И съ ними проваль до утреннихъ лучей
 Привольно, весело и пьяно!
 Я не забуду васъ, я благодаренъ вамъ;
 Красуйтесь, пойте и блистайте,
 И будьте счастливы, и много пробуждайте
 Сердечъ къ плѣнительнымъ мечтамъ.

ДЕНИСУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДАВЫДОВУ.

Жизни баловень счастливой,
Два вѣнка ты заслужилъ;
Знать Суворовъ справедливо
Грудь тебѣ перекрестилъ;
Не ошибся онъ въ дитяти:
Выросъ ты — и полетѣлъ,
Полонъ всякой благодати,
Подъ знамена русской рати,
Гордъ и радостенъ и смѣлъ.

Грудь твоя горитъ звѣздами:
Ты геройски добылъ ихъ
Въ жаркихъ схваткахъ со врагами,
Въ ратоборствахъ роковыхъ;
Воннѣ смлада знаменитый,
Ты еще подъ Шведомъ былъ
И на финскіе граниты
Твой скакунъ звучнокопытый
Блескъ и топотъ возносилъ.

Жизни бурно-величавой
Полюбилъ ты шумъ и трудъ:
Ты ходилъ съ войной кровавой
На Дунай, на Бугъ и Прутъ;
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалекѣ — и къ намъ примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебѣ надменный зовъ!
Вспомни жь, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови изъ странъ далѣкихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степенъ, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осми твоихъ морей!

Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ;
Златоглавая, святая,
Ты ли глбнешь? Русь впередъ!
Громче буря истребленья,
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксовъ костеръ!

Гдѣ же вы, незванны гости,
Сильны славой и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости!
Вамъ почетный былъ приемъ!
Ушлися, еле живы,
Вы въ московскихъ теремахъ,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ!

Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы

Вамъ отеческой земли!
 Много въ этотъ годъ кровавый,
 Въ эту смертную борьбу,
 У враговъ ты отнял славы,
 Ты боецъ чернокудрявый,
 Съ бѣлымъ локономъ на лбу!

Удальцовъ твоихъ налётомъ
 Ты, ихъ честь, примѣръ и вождь —
 По лѣсамъ и по болотамъ,
 Днемъ и ночью, въ вихрь и дождь,
 Сквозь огни и дымъ пожара,
 Мчаль врагамъ, съ твоей толпой
 Вездѣсущъ, какъ Божья кара,
 Страхъ нежданнаго удара
 И нещадный, дикій бой!

Лучезарна слава эта
 И конца не будетъ ей;
 Но такія жь многи лѣта
 И поэзія твоей:
 Не умретъ твой стихъ могучій,
 Достопамятно-живой,
 Упоительный, кипучій,
 И воинственно-летучій,
 И разгульно-удалой.

Нынѣ ты на лонѣ мира:
 И любовь и тишину
 Намъ поетъ золотая лира,
 Гордо пѣвшая войну —
 И какъ прежде громогласенъ
 Былъ ея воинскій ладъ:

Такъ и нынѣ свѣжъ и ясенъ,
 Такъ и нынѣ онъ прекрасенъ,
 Полный нѣги и прохлады.

ПЕТРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ КИРЪЕВСКОМУ.

Гдѣ бъ ни былъ ты, мой Петръ, ты долженъ знать,
 гдѣ я

Живу и движусь? Какъ поэзія моя,
 Моя любезная, скучаетъ иль играетъ,
 Бездѣйствуетъ иль нѣтъ, молчитъ иль распѣваетъ?
 Ты долженъ знать, каковъ теперешній мой день:
 По прежнему ль его одолеваетъ лѣнь,
 И вялъ онъ и сердитъ, влачащійся уныло?
 Иль радостенъ и свѣжъ, блистаетъ бодрой силой,
 Подобно жениху, идущему на бракъ?

Отпѣлъ я молодость и бросилъ кое-какъ
 Потѣхи жизни той шумливой, беззаботной,
 Удалой, вѣтренной, хмѣльной и быстролетней;
 Богъ съ ними! Лучшаго теперь добился я:
 Уединеннаго и мирнаго житья!
 Передо мной моя наслѣдная картина:
 Вотъ горы, подлѣ нихъ широкая долина
 И рѣчка, садъ, пруды, поля, дорога, лѣсъ
 И блѣдная лазурь отеческихъ небесъ!
 Здѣсь благодатное убѣжище поэта
 Отъ пошлости градской и тревоженій свѣта!!

Моя поэзія — хвала и слава ей!
 Когда-то гордая свободой своей,

Когда-то рѣзвая, гулявшая небрежно,
 И загулявшая едва не безнадежно,
 Теперь уже не та, теперь она тиха:
 Не буйная мечта, не рѣзкій звонъ стиха
 И незаносчивость и удалъ выраженья
 Ей нравятся, о нѣтъ! пиры и пѣснопѣнья,
 Какія нѣкогда любила всей душой,
 Теперь несносны ей, степенно-молодой,
 И, жизнь спокойную гульбѣ предпочитая,
 Смирненно-мудрая и дѣльно занятая,
 Она готовится явить въ ученый свѣтъ
 Не сотни двѣ стиховъ во славу юныхъ лѣтъ,
 Произведеніе таланта миговое,
 Элегію, сонетъ, — а что-нибудь большое!
 И то сказать: ужель судьбой присуждено
 Ей весь свой вѣкъ хвалить и прославлять впоно
 И шалости любви нескромной? Два предмета,
 Не спорю, милые; — да что въ нихъ?

Солнце лѣта,

Лучами ранними гоня ночную тѣнь,
 Находитъ весело проснувшимся мой день,
 Живу, со мною міръ великій, чуждый скуки,
 Непстоцимыя сокровища науки,
 Запасы чистаго, привольнаго труда
 И мыслей творческихъ, нетяжкихъ никогда!
 Какъ сладостно душѣ свободно-одинокой
 Героя своего обдумывать! Глубоко,
 Рѣшительно въ него влюбленная, она
 Цвѣтетъ, гордится имъ, имъ дышетъ, имъ позна;
 Вездѣ ему черты родныя собираетъ;
 Какъ нѣжно, пламенно, какъ искренно желаетъ,
 Да выйдетъ онъ, ея любимецъ, предъ людей
 Въ достоинствѣ своемъ и въ красотѣ своей,

Таковъ, какъ долженъ быть, онъ весь душой и тѣломъ
 И ростомъ и лицомъ, — тотъ самый словомъ, дѣломъ,
 Осанкой, поступью, и съ тѣмъ копьемъ въ рукѣ,
 И въ томъ же панцырѣ, и въ томъ же шишакѣ!

Коротокъ мой обѣдъ; нехитрыхъ, сельскихъ бра-
 шень,

Здоровой прелестью мой скромный столъ украсень
 И не качается отъ пьянаго вина;
 Не дологъ, не спѣсивъ мой отдыхъ, тѣнь одна,
 И тѣнь Стигійская, бывалой крѣпкой лѣни;
 Я просыпаюся для тѣхъ же упражненій,
 Иль преданъ легкому раздумью и мечтамъ,
 Гуляю наобумъ по доламъ и горамъ.

Но гдѣ же ты, мой Петръ, скажи? Уже ли снова
 Оставилъ тишину родительскаго крова,
 И снова на чужихъ, далекихъ берегахъ
 Одинъ, у мыслящей Германіи въ гостяхъ,
 Сидишь, препогруженъ своей послушной думой
 Во глубь премудрости туманной и угрюмой?
 Или спѣшишь въ Карлсбадъ здоровье освѣжать
 Бездѣльемъ, воздухомъ, движеньемъ? Иль опять,
 Своенародности подвижникъ просвѣщенный,
 Съ ученымъ фонаремъ исторіи, смиренно
 Ты древнерусскіе обходишь города,
 Дѣятеленъ и милъ и одинакъ всегда?
 О! дозовусь ли я тебя, мой несравненный,
 Въ мой края и въ мой пріютъ благословенный?
 Со мною ждуть тебя свобода и покой,
 Двѣ добродѣтели судьбы моей простой,
 Уединеніе, лѣнивки пуховья,
 Халатъ, рабочій столъ и книги вышненныя.
 Ты здѣсь найдешь пруды, болота и лѣса,
 Ружье и умнаго охотничьяго пса.

Здѣсь благодатное убѣжище поэта
 Отъ пошлости градской и тревоженій свѣта:
 Мы будемъ чувствовать и мыслить и мечтать,
 Былыя, свѣтлыя надежды пробуждать
 И, обновленныя еще живѣй и краше,
 Онѣ воспламенять воображенье наше,
 И снова будетъ міръ плѣнительный готовъ
 Для розысковъ твоихъ и для монахъ стиховъ.

—

М О Л И Т В А .

—

Моей лампы одинокой
 Не потушай свѣтило дня!
 Пускай продлится сонъ глубокой
 И ночь глухая вокругъ меня!—
 Моей молитвенной лампы
 При догорающемъ огнѣ,
 Позволь еще забыться мнѣ,
 Позволь еще вкусить отрады
 Молиться Богу за нее,
 Его прелестное созданье,
 Мое любимое мечтанье
 И украшеніе мое!

Да жизни мирной и надежной
 Онъ дастъ ей счастье на землѣ:
 И въ сердцѣ пламень безмятежный,
 И ясность мысли на челѣ!
 И дастъ ей вѣрнаго супруга,
 Младаго, чистаго душой,

И съ нимъ семейственный покой
 И въ немъ привѣтливаго друга;
 И дасть почтительныхъ дѣтей,
 Здоровыхъ, умныхъ и красивыхъ,
 И дочерей благочестивыхъ,
 И веледушныхъ сыновей!

Но ты взопло. Сіяньемъ чистымъ
 Ты озарило небеса,
 И блещетъ пурпуромъ златистымъ
 Ихъ величавая краса;
 И воды пышно заструилась,
 Играя отблескомъ небесъ,
 И свѣжихъ звуковъ полонъ лѣсъ;
 Поля и холмы пробудились!
 О! будь вся жизнь ея свѣтла
 Какъ этотъ сводъ лазури ясной,
 Высокій, тихій и прекрасной
 Живая Господу хвала!

ДМИТРИЮ ПЕТРОВИЧУ ОЗНОБИЩИНУ.

Гдѣ ты странствуешь? Гдѣ нынѣ
 Мой поэтъ и полиглотъ
 Повѣряешь длинный счетъ?
 Чать въ какой-нибудь пустынь,
 На берегу безславныхъ водъ,
 Гдѣ растительно живѣтъ
 Человѣкъ, гдѣ и въ поминѣ
 Нѣтъ возвышенныхъ заботъ!

Или кони рѣзвоноги
Мчатъ тебя съ твоей судьбой,
Въ дождь осенній, въ тьмѣ ночной
По пзвинамъ дороги
Нелюдной и лѣсной?
Иль на отдыхъ миговой
Входишь ты подъ кровъ убогій
И гражданственность съ тобой?

Вотъ салфеткой иностранной
Столъ накрытъ. Блестятъ на немъ
Яркимъ златомъ и серебромъ
Чашки. Чай благоуханной
Лется свѣтлымъ янтарёмъ,
И сидишь ты за столомъ,
Утомленный и туманный,
Въ забытыи глухонѣмомъ!

Ночь прошла. Смотри: алѣетъ
Озарившійся востокъ!
Ты проснулся, путь далёкъ!
На лицо тебѣ ужъ вѣетъ
Ранній утра холодокъ;
Скоро скачешь ты, и въ срокъ
На почтовый дворъ поспѣетъ
Мой дѣятельный ѣздокъ!

О! когда на жизнь иную
Промѣняешь ты, поэтъ,
Эту порчу юныхъ лѣтъ,
Эту сволочь дѣловую
Прозаическихъ суетъ?
Бога нашего тутъ нѣтъ!

Брось ее! Да золотую
 Лиру вновь услышитъ свѣтъ!

КЪ . . . .

Вами нѣкогда плѣненный,
 Въ упоеніи любви,
 Приносилъ я вамъ смиренно
 Пѣсни скромныя мои.
 Я поэтъ вашъ неизмѣнный,
 Я доселѣ помню васъ,
 Ваши перси молодыя,
 Ваши кудри шелковыя,
 Помню прелесть вашихъ глазъ
 Черныхъ, огненныхъ и жгучихъ,
 И на розовыхъ устахъ
 Стройность помысловъ могучихъ
 Въ гармоническихъ стихахъ.
 Вы тогда владѣли нами,
 Пылкихъ юношей толпой;
 Вы живыми ихъ сердцами,
 Ихъ послушною судьбой,
 Словно вѣрными рабами
 Забавлялись наобумъ.
 Сколько вамъ надеждъ прекрасныхъ,
 Чистыхъ, свѣжихъ, сладострастныхъ,
 Сколько смѣлыхъ, гордыхъ думъ
 Непозомъ и поэтомъ
 Посвящалось! Ихъ тогда
 Всѣ равно холоднымъ свѣтомъ

Осыпала ихъ звѣзда!
О! примите-жь ненадменно
Мой теперешній привѣтъ,
Даръ души уединенной,
Пережившей свой разцвѣтъ,
Но когда-то вдохновенной
Вами. — Вольнаго житья
Полюбилъ я миръ широкой,
Гдѣ мой ангелъ свѣтлоокой
Дѣва-муза вся моя.
Неземныя наслажденья,
Благодатное житье!
Да не будетъ мнѣ спасенья
Внѣ его и безъ нея!
Мы поэты, въ юны годы
Беззаботно мы живемъ,
Черезъчуръ своей свободы
Упиваяся виномъ;
Таковы ужь отъ природы
Всѣ поэты. — Но куда
Намъ главу склонить? Что краше
Молодой свободы нашей
Чистой, ясной? Будь всегда
Вамъ хранима небесами
Эта жизни красота:
Передъ вами и за вами
Все иное суета!

С К А З К А

О ПАСТУХЪ И ДИКОМЪ ВЕПРЬ.

(дм. ник. СВЕРБЕЕВУ).

Дай напишу я сказку! Нынче мода
 На этотъ родъ поэзи у насъ.
 И грѣхъ ли взять у своего народа
 Полузабытый, небольшой рассказъ?
 Не лзя ль его немного поисправить
 И сдѣлать ловкимъ, милымъ, какъ-нибудь
 Обстричь, переодѣть, переобуть
 И на Парнасъ торжественно поставить?
 Грѣхъ не великъ, да не великъ и трудъ!
 Но вѣдь поэтъ быть долженъ человѣкомъ
 Несвоенравнымъ, чтобъ не рознить съ вѣкомъ:
 Онъ такъ же пой, какъ прочіе поютъ!
 Не то его накажутъ справедливо:
 Подобно сфинксу вѣкъ пожретъ его;
 Зачѣмъ, дискать, безпутникъ горделивый,
 Не разгадавъ онъ духа моего! —
 И вѣчное, тяжелое забвенье . . . .
 Уфъ! не хочу! скорѣе соглашусь
 Не пить вина, въ которомъ вдохновенье,
 И не влюбляться, — я хочу, чтобъ Русь,
 Святая Русь мои стихи читала
 И сберегла на много, много лѣтъ;
 Чтобы сама исторія сказала,
 Что я преславитѣйшій поэтъ.

Какую жь сказку? Выберу смиренно
 Не изъ такихъ, гдѣ грозная вражда

Царей и царствъ и громъ и крикъ военный,
 И рушатся престолы, города
 Возьму попроще, гдѣ бѣ я беззаботно
 Предаться могъ фантазіи моеи,
 И было бѣ намъ спокойно и вольготно,
 Какъ соловью въ тѣни густыхъ вѣтвей. —
 Ну, милая! гуляй же, будь какъ дома,
 Свободна будь, не бойся никого;
 Отъ критики не будетъ намъ погрома:
 Народность ей пріятнѣе всего! —
 Когда-то мы недурно воспѣвали
 Прелестницъ, дружбу, молодость; давно
 Тѣ дни прошли; но въ этомъ нѣтъ печали,
 И это насъ тревожить не должно.
 Гдѣ жизнь, тамъ и поэзія: не такъ ли?
 Таковъ законъ природы. Мы найдемъ
 Чтò пѣтъ намъ: силы наши не изсякли,
 И право мы едва-ли упадемъ,
 Какую бы ни выбрали дорогу; —
 Робѣть не надо — главное не въ томъ,
 Чтòбъ знать себя — и бодро понѣмному
 Впередъ, впередъ! — Теперь же и начать.

Жилъ былъ король; преданіе забыло
 Объ имени и прозвищѣ его;
 Имѣлъ онъ дочь. Владѣніе же было
 Лѣсистое у короля того.
 Король былъ человѣкъ миролюбивый,
 И долго жилъ въ своей глуши лѣсной
 И весело, и тихо, и счастливо,
 И былъ доволенъ такою судьбой;
 Но вотъ бѣда: невѣдомо откуда
 Вдругъ проявился дикій вепрь, и сталъ

Шалить въ лѣсахъ и много дѣлать худа;
Проѣзжихъ и прохожихъ пожиралъ,
Безлюдныя торговыя дороги;
Все вздорожало; противу него
Король тогда же принялъ мѣры строги;
Но не было въ нихъ пользы ничего:
Вотще въ лѣсахъ зыкъ рога раздавался
И лаялъ песь и бухало ружье:
Свирѣпый звѣрь, казалось, посмѣвался,
Придворнымъ ловчимъ, продолжалъ свое,
И наконецъ встревожилъ онъ ужасно
Все королевство; даже въ городахъ,
На площадяхъ, на улицахъ опасно;
Повсюду плачь, уныніе и страхъ.
Вотъ, чтобъ окончить вепревы проказы,
И чтобъ людей осмѣлить на него,
Король послалъ окружные указы
Во все мѣста владѣнья своего,
И объявилъ: что кто вепря погубитъ,
Тому счастливцу дастъ онъ дочь свою
Въ замужество — королеву Илію,
Кто-бъ ни былъ онъ, а зятя самъ полюбитъ,
Какъ сына. Королева же была,
Какъ говорятъ поэты, диво міра:
Кровь съ молокомъ, румяна и бѣла,
У ней глаза — два свѣтлые сапфира,
Улыбка слаще меда и вина,
Чело, какъ радость, груди молодыя
И полныя, и кудри золотыя,
И, сверхъ того, красавица умна,
Въ нее влюблялись юноши душевно;
Ее прозвали, кто своею звѣздой,
Кто идеаломъ, дѣвой неземной,

Всѣ вообще прекрасной королевной.
 Отецъ ее лелѣялъ и хранилъ,
 И жениха ей выжидалъ такого
 Царевича, красавца молодого,
 Чтобъ онъ ея вполне достоинъ былъ.
 Но королевству гибелью грозилъ
 Ужасный вепрь, и мы уже читали
 Указъ, какимъ въ своей большой печали
 Король судьбу дочеринну рѣшилъ.

Указъ его усердно принять былъ :
 Со всѣхъ сторонъ стрѣлки и собачен
 Пустился на дикаго вепря;
 Яснѣть ли, темнѣть ли зоря,
 И днемъ и ночью хлопають фузен,
 Собаки лають, и рога ревуть;
 Ловцы кричатъ и свистутъ и храбрятся.
 Крутятъ усы, атукають, бранятся
 И хвастають и ерофенчъ пьютъ;
 А нѣтъ имъ счастья. — Мѣсяцъ гарцовали
 Въ отъѣзжемъ полѣ, здѣсь и тутъ и тамъ.
 Луговъ и нивъ довольно потоптали
 И разошлись угрюмо по домамъ . . .
 Опохмѣляться. Вепрь не унимался.
 Но вотъ судьба : шель по лѣсу пастухъ.
 И невзначай съ тѣмъ звѣремъ повстрѣчался :
 Сначала онъ весьма перепугался,
 И побѣжалъ отъ звѣря во весь духъ ;
 Но вѣдь мой бѣгъ не то, что бѣгъ звѣринной.
 Подумалъ онъ, и поскорѣе взлѣзъ
 На дерево, которое вершиной
 Кудрявою касалось небесъ —
 И виноградъ пурпурными кистями

Зелены вѣтви пышно обвивагь.
 Озлился вепрь — и дерево клыками
 Ну подрывать, и крѣпкій стволъ дрожагь.
 Пастухъ смутился: ежели подроетъ
 Онъ дерево, что дѣлать миѣ тогда? —
 И пастуха мысль эта безпокоитъ:
 Съ нимъ лишь топоръ, а съ топоромъ куда
 Противъ вепря? Постой же. Ухитрился
 Пастухъ, и началъ сиѣлы вѣтви рвать,
 И съ дерева на звѣря ихъ бросать,
 И ждалъ, что будетъ? Что же? Соблазнился
 Свирѣпый звѣрь — сталъ кушать виноградъ,
 И столько онъ покушалъ винограду,
 Что съ ногъ свалился, пьяный до упаду,
 Да и заснулъ. — Пастухъ сердечно радъ,
 И мигомъ онъ оправился отъ страха,
 И съ дерева на землю соскочилъ,
 Занесъ топоръ, и съ одного размаха
 Онъ шеницу вепрю перерубилъ. —
 И въ тотъже день онъ во дворецъ явился,
 И притащилъ убитаго вепря
 Съ собою. Король побѣдѣ удивился,
 И пастуха ласкалъ, благодаря
 За подвигъ. Съ нимъ раздѣлялся правдиво,
 Не отперся отъ слова своего.
 И дочь свою онъ выдалъ за него;
 И молодые зажили счастливо,
 Старикъ былъ нѣженъ къ зятю своему
 И королевство отказалъ ему.

Готова сказка! веселья, покоенъ.
 Иди же въ свѣтъ, любезная моя!
 Я чувствую, что я теперь достоинъ

Его похвалъ, и что безсмертенъ я.
 Я совершилъ не шуточное дѣло,
 Покуда и довольно. Я могу
 Поотдохнуть и полѣниться смѣло,
 И на Парнасѣ долго ни гу-гу!

ЖАРЬ-ПТИЦА.

(ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА).

I.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ и МИНИСТРЪ ЕГО.

(*Министръ держитъ блюдо съ яблоками*).

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Вотъ яблоки, такъ яблоки на славу!
 Могу сказать, что лучшіе плоды
 На всей землѣ, единственные. Чудо!
 Цвѣтъ, какъ янтарь иль золото. Какъ чисты,
 Прозрачны и блестящи! Словно солнце,
 Любуясь ими, оставляетъ въ нихъ
 Свои лучи. А вкусъ! не то что сахаръ,
 Иль медъ, — гораздо тоньше, выше: онъ.
 Похожъ на ту разымчивую сладость,
 Которая струится въ душу, если,
 Прильнувъ устами къ розовымъ устамъ
 Любовницы прелестно-молодой,
 Закроешь взоръ — и тихо, тихо, тихо.
 Изъ милыхъ устъ, въ себя впиваешь нѣгу:
 То пламенный и звонкій поцѣлуй,
 То медленный и томный вздохъ. Такъ точно.
 (*Кушаетъ яблоко*).

Повѣришь ли? Что иногда бываетъ
 Со мною! Странно! Яблоко возьму
 И закушу, да вдругъ и позабудусь,
 И полетать и полетать мечты!
 И кровь во мнѣ играетъ: цѣлый часъ
 Сижу недвижно съ яблокомъ въ рукѣ
 И на него смотрю неравнодушно;
 А самъ не ѣмъ вкуснѣйшаго плода!
 Прекрасный плодъ! И мнѣ какая слава,
 Какая слава подданнымъ мопмъ,
 Что у меня въ саду такая сладость
 Растеть и зрѣть! Только у меня!
 За то ужь, какъ я радуюсь, когда
 Приходить лѣто и пора . . . . Однакожь
 Мнѣ кажется — и вотъ уже дня съ два,
 Какъ замѣчаю тоже, — прежде больше
 Ты приносилъ мнѣ яблоковъ. Не такъ ли?
 Вѣдь такъ?

МИНИСТРЪ.

Ихъ было больше, Государь!

ЦАРЬ ВИСЛАВЪ.

Ихъ было больше! Отъ чего жь теперь? . . .
 Куда жь они дѣваются? Послушай:
 Я не шучу. Ты знаешь, что никто,
 Кромѣ царя, во всей моей державѣ
 Не долженъ ѣсть ихъ, что никто никакъ
 Не долженъ смѣть подумать, что онъ можетъ
 Ихъ ѣсть. Такъ я постановилъ закономъ:
 Куда жь ты ихъ дѣваешь? Говори . . . .

МИНИСТРЪ.

Прости меня, великій государь!
 Я виноватъ . . . .

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Какой же ты министр! . . .

И хорошо ты служишь мнѣ, когда
Ты не радѣешь именно о томъ,
Что мнѣ всего милѣе!

МИНИСТРЪ.

Государь!

Сыздѣтства я привыкъ служить царю.
Всегда, вездѣ: подъ черной ризой ночи
И при дневномъ сіяніи небесъ,
Въ блистательныхъ чертогахъ богача
И въ сумрачной лачугѣ селянина,
На сходбищѣ народномъ и въ глуши,
Всегда, вездѣ умѣлъ я царску волю
Рѣшительно и грозно совершать
Во всѣхъ ея отгѣнкахъ и видахъ;
И службою моею не гнушались
Мои цари великіе. Меня
И ласками и многими дарами
Не оставляли. Мудройі Зензивей,
Дѣдъ твоего величества, всегда
Мнѣ жаловалъ знатнѣйшіе чины;
Твой батюшка, премудройі царь Андронъ
Не отвергалъ совѣтовъ . . . . .

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Знаю, знаю!

Да не объ томъ я спрашивалъ тебя:
Я не люблю рѣчей окольныхъ, длинныхъ;
Мнѣ говори и коротко и прямо,
А въ сторону отъ дѣла не вилай.

МИНИСТРЪ.

Я виновать, что не дерзнулъ доселѣ
Открыть тебѣ великую бѣду,
Тяжелое общественное горе :
Въ твой царскій садъ повадилась Жарь-Птица,
И яблоки завѣтныя воруетъ,
И прилетаетъ каждую ночь, и яблонь
Несчастная теперь едва похожа
На прежнюю любимицу твою.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Поймать Жарь-Птицу! Что это за птица?

МИНИСТРЪ.

Прекрасная, диковинная птица!
У ней глаза подобны хрусталу
Восточному, а перья золотыя,
И блещутъ ярко . . . .

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Все-таки поймать!

МИНИСТРЪ.

Поймать ее! Могуче это слово
Державное, да малосильны мы,
Твои рабы, явить его на дѣлѣ.
Твои рабы усердные, Жарь-Птицу
Ужъ мы давнымъ давно подстерегаемъ!
Устроены засады, караулы
И оклики; отрядъ дружины царской
Дозоромъ ходить; наконецъ я самъ
Не разъ уже ходилъ ее ловить,
И все напрасно!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Стало-быть она
Огромная, изъ рода рѣдкихъ птицъ
Временъ предъисторическихъ.

МИНИСТРЪ.

Она

Величпной съ большаго пѣтуха,
Иль много что съ павлина. Но у ней
Глаза и перья блещутъ и горять
Невыносимо-ярко. Лпшь она
Усядется на яблонн, и вдругъ
Раскинетъ свой великолѣпный хвостъ :
Онъ закипитъ лучами, словно солнце;
Тогда въ саду не ночь, а чудный день.
И такъ свѣтло, что ничего не видно!
А между-тѣмъ все это отъ нея жъ,
И тишина, такая тишина
И нѣжная и сладкая, что самый
Крѣпчайшій сторожъ соблазнится: ляжетъ.
На дернъ, кулакъ подложитъ подъ високъ.
Заснетъ и спитъ до поздняго обѣда!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Такъ какъ же быть? Диковинная птица!
Зови сюда Царевичей! Они
Помогутъ мнѣ подумать, разсудить,
Что дѣлать намъ. (*Министръ уходитъ*).

II.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ (*одинъ*).

Что дѣлать съ этой птицей?
Таковъ вопросъ! (*ходитъ по комнатѣ*) ужасно я встрево-
жентъ!

А говорятъ, что царствовать легко!
 Согласенъ я: оно легко, покуда
 Нѣтъ важныхъ дѣлъ, но лишь пришли они,
 Такъ не легко, а нестерпимо-трудно!
 Вотъ, напримѣръ, теперешнее наше!
 Хоть самага Сократа посади
 На мой престоль; по случаю Жарь-Птицы
 И самъ Сократъ задумается: какъ
 Поймать ее, когда ни какъ нельзя
 Поймать ее? Да надобно признаться:
 Есть на землѣ пречудныя дѣла,
 Столь хитрыя, мудренныя, что въ нихъ
 Разумнѣйшій, великій человѣкъ,
 Ну человѣкъ такой, чтобы природа
 Могла сказать объ немъ: вотъ человѣкъ! —
 И глупъ и малъ, какъ мой послѣдній рабъ.

III.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ и ЦАРЕВИЧИ.**ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.**

Любезные царевичи мои!
 Въ нашъ царскій садъ повадилась Жарь-Птица
 И яблоки завѣтныя воруетъ
 И прилетаетъ каждую ночь. Такъ я
 Хочу теперь подумать вмѣстѣ съ вами,
 Что дѣлать съ ней? А такъ ее оставить
 Нельзя: она дотла опустошитъ
 Нашъ садъ. Да мнѣ царю и неприлично
 Давать себя въ обиду всякой дрянн!
 Скажите же, царевичи мои,
 Какъ поступить мнѣ съ нею? Ты сначала
 Подай совѣтъ, мой старшій сынъ Димитрій!

ДИМИТРИЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я думаю, что надобно сперва
 Навѣрное развѣдать, чья она;
 Потомъ посла къ тому царю отправить
 Сказать ему, что ваша-де Жаръ-Птица
 Повадилась летать въ нашъ царскій садъ.
 И яблоки воруетъ дорогія:
 Такъ мы по дружбѣ съ вами просимъ васъ.
 Унять ту птицу; мы-де не желаемъ,
 Чтобъ вѣчный миръ, который . . . .

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Ты, Василии?

ВАСИЛИЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я думаю такъ точно, слово въ слово,
 Какъ говоритъ мой старшій братъ: сперва
 Навѣрное развѣдать, чья она,
 Потомъ посла . . . .

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

А ты, Иванъ Царевичъ?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я думаю, что нечего тутъ думать!
 Поимать ее — и въ шляпѣ дѣло!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Какъ же

Поимать ее? Вотъ въ томъ-то и задача!
 Давно объ ней хлопочуть: карауль,
 Засада, часть дружины, вообще
 Противъ нея ловительныя мѣры
 Ужь приняты, но всё напрасно.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Что же,

Намъ прикажи: мы, сыновья твои,
Тебя мы любимъ больше, чѣмъ твоя
Засада, часть дружины, караулы
И прочія ловительныя мѣры,
Авось поймаемъ!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Да и въ самомъ дѣлѣ!

Совѣтъ разумный! Я съ тобой согласенъ,
Иванъ Царевичъ! Знаю это слово:
Авось! авось! О, сильно это слово!
Оно чудесно! Часто въ немъ одномъ
Заключены великія дѣла
И вѣчная блистательная слава!
Такъ точно ель, что крѣпкими корнями
Ухватится за землю, и подъ тѣнь
Раскидистыхъ, густыхъ своихъ вѣтвей
Укроетъ доль, и гордою вершиной
Уйдетъ въ лазурь небесную, таится
Въ одномъ летучемъ сѣмячкѣ! . . . Авось
Удастся вамъ, царевичи мои!
Поймать Жарь-Птицу. Безполезно мѣшкать
Въ такихъ дѣлахъ. Я вамъ повелѣваю,
Вамъ всѣмъ тронмъ, царевичи, ходите
Въ нашъ царскій садъ, по брату каждую ночь,
Ловить ее, сначала ты, Димитрій,
Потомъ Василій, наконецъ Иванъ..
Иванъ царевичъ, подойди ко мнѣ,
Дай мнѣ тебя разцѣловать, мой милый,
Любимый сынъ: ты освѣжилъ меня
Своимъ совѣтомъ. Весело мнѣ видѣть,

Что у тебя отважная душа.
Рости, мой сынъ, ты будешь богатырь!

IV.

ЦАРЕВИЧИ ДИМИТРІЙ и ВАСИЛІЙ.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Ты правду мнѣ сказалъ, любезный братъ,
Намъ не видать ее. Не напимъ силамъ
Устаивать противъ такого сна,
Къ которому во время караула
Такъ и влечетъ и клопнѣть человѣка,
Шелковый лугъ, весенняя прохлада
И тишина заповѣднаго сада,
И сладкая, безмѣсячная ночь.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Волшебный сонъ! лишь только я усѣлся
Подъ яблонью и бодро началъ думать,
Какъ не заснуть мнѣ въ эту ночь: меня
Вдругъ обняла, откуда ни возмись,
Такая лѣнь, рѣшительно и сладко,
Какъ рѣзвая прелестница, что я
Почти упалъ, и право ужь не помню,
Какъ я заснулъ.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Все это ничего!

Вѣдь батюшка увѣренъ, что Жаръ-Птица
Не прилетала обѣ эти ночи;
Но вотъ загадка: какъ намъ быть, когда
Иванъ Царевичъ . . . .

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Ты мнѣ страненъ, братъ;
Куда ему! и онъ проспнѣть, какъ мы!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Онъ очень счастливъ. И теперь уже
Его зовутъ любимымъ сыномъ. Мы же . . . .

V.

ТЪЖЕ и ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Миѣ право жаль, царевичи мои,
Что вы трудились понапрасну. Я
Васъ не впню, да какъ васъ и винить?
Не прилетала: нечего и дѣлать!
Гдѣ взять ее? Посмотримъ что-то скажетъ
Иванъ Царевичъ?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Можетъ-быть ему
И удалось ее увидѣть . . . .

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Да,
Оно не трудно, если прилетала.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

И близъ него свѣтилася, какъ солнце.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Что пользы въ этомъ, ежели она
И прилетала? Онъ еще такъ молодъ;
Онъ не сумѣетъ справиться съ такой
Чудесной птицей. Вѣрно оробѣетъ
И ничего не сдѣлаетъ . . . . Да вотъ онъ!

Стих. Языкова. Ч. II.

А, здравствуй, мой Иванъ Царевичъ! какъ
Ты ночь провелъ? Что это у тебя?

VI.

ТЪЖЕ и ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Перо Жаръ-Птицы.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Что ты, въ самомъ дѣлѣ?

Возможно ли!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я не поймалъ ея!

Пресильная, пребѣшанная птица!

Одно перо осталось у меня.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

А какъ его достала ты?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Очень просто:

Я взлѣзъ на яблонь, и въ густыхъ вѣтвяхъ
Подъ самую верхушкой притаился,
Сажу и жду, что будетъ? Ночь тиха,
Безмѣсячна, во всемъ саду ни листикъ
Не шевельнется; я на яблонѣ сажу.
Вдругъ вижу, что-то на краю небесъ,
Какъ звѣздочки, заискрилось; гляжу
Въ ту сторону; оно растетъ и будто
Летитъ, и въ самомъ дѣлѣ вѣдь летитъ! —
Все ближе, ближе, прямо на меня,
И къ яблонѣ — и листья зашумѣли;

Однакожь я ничуть не оробѣлъ.
 Сидитъ Жарь-Птица, — знаю . . . да какъ гаркну —
 И хватъ ее обѣими руками!
 Она рванулась, вырвалась и мигомъ
 Ушла изъ глазъ — въ далекій небосклонъ;
 А у меня въ рукѣ перо осталось.

ЦАРЬ ВИСЛАВЪ (*разсматривая перо*).

Прекрасное, рѣдчайшее перо!
 Какъ тяжело! знать цѣльно-золотое!
 Какъ тонко, нѣжно, гибко, что за цвѣтъ!
 Прекрасное, рѣдчайшее перо!
 Хотъ на шеломъ Рогеру! Слава Богу!
 Любезные царевичи, я радъ,
 Сердечно радъ жарь-птицыну перу!
 Теперь я ожилъ: я почти увѣренъ,
 Что не уйдетъ она отъ нашихъ рукъ.
 По прежнему ходите караулить,
 И съ нынѣшней же ночи. Я надѣюсь,
 Что ты Димитрій . . . Ну, Иванъ Царевичъ!
 А я грѣшилъ: я думалъ ты . . . анъ нѣтъ!
 Ты, какъ герой, ничуть не испугался —
 И дѣйствовалъ благоразумно. Славно!

(*Цѣлуетъ Ивана Царевича*).

Мой милый сынъ! Поди, мой другъ, къ себѣ
 И отдохни! А ты, Димитрій, снова
 Приготовляйся къ караулу. Я
 Хочу подумать, какъ мнѣ самый лучшій,
 Приличный ящикъ сдѣлать, иль ковчегъ
 Для этого чудеснаго пера,
 Цыпцино-драгоцѣнный! Позови (*Василью*)
 Сюда ко мнѣ дворцовыхъ столяровъ
 И рѣбниковъ: я дожидаюсь ихъ!

VII.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ и ЦАРЕВИЧИ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

И такъ Жаръ-Птица вовсе перестала
Летать къ намъ въ садъ, и все у насъ въ порядкѣ,
Спокойно, тихо, яблоки растутъ,
Красуются и зрѣютъ безобидно,
И вообще судьба ко мнѣ добра.
Мила со мной, любезна: все какъ было!
Но знаете ль, царевичи мои,
Чего теперь мнѣ хочется? Вчера
Послѣ обѣда сдѣлалась со мной
Безсонница . . . и не спалъ я, и думалъ
О томъ, о семь, и кое-что обдумалъ;
Потомъ я сталъ мечтать, мои мечты. —
Въ безсонницу онѣ празднлюбивы, —
Мои мечты пестрѣлись и кипѣли,
Какъ ярмарка — и вдругъ одна изъ нихъ,
Какъ юношу красавица, неожиданно
Блеснувшая въ народной толкотнѣ.
Одна изъ нихъ меня очаровала,
И ей одной я предался вполне,
Какъ юноша довѣрчиво и страстно:
Мнѣ хочется, царевичи мои,
Поймать Жаръ-Птицу неслемѣнно. Ею
Умножу блескъ престола моего,
И на землѣ далеко и широко
Прославлюся. Я объявляю вамъ,
Что награжу весьма великодушно
Того изъ васъ, кто мнѣ ее доставитъ:
Отдамъ ему полцарства моего.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Не нужно мнѣ полцарства твоего! —
А просто, такъ, изъ удали . . . я радъ
Хоть сеѣ же часть.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Молчи, Иванъ Царевичъ!

Съ тобой я буду послѣ говорить.
Вы старшіе царевичи! Вы оба
Любимые пособники мои,
Съ которыми, какъ съ лучшими друзьями,
Такъ счастливо привыкъ я раздѣлять
И сладкіе и горькіе плоды
Верховной власти! Я васъ знаю: вы
Для подвиговъ блестящихъ и высокихъ
Созрѣли; вы учились языкамъ,
Всемирную исторію читали;
Вы бойки правомъ, тверды, какъ желѣзо,
И вспыльчивы, какъ порохъ, вы здоровы,
Проворны, статны — именно герои!
Обоимъ вамъ, Дмитріи и Василіи,
Я предлагаю чрезвычайный трудъ,
Едва ли не отчаянный: сыскать,
Гдѣ бъ ни было, Жар-Птицу и живую
Доставить мнѣ. Я спрашиваю васъ,
Согласны ли вы ѣхать въ дальній путь,
Богъ вѣсть куда и въ чьи края?

ДИМИТРІЙ И ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧИ.

Мы рады,
Хоть сеѣ же часть.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Я это зналъ, друзья;
 Предвидѣлъ я, что будетъ вашъ отвѣтъ
 Рѣшителенъ, спартански смѣлъ и кратокъ.
 Вы рады, вы готовы сей же часъ,
 Богъ вѣсть куда! Такъ человѣкъ, въ которомъ
 И мудрая природа и наука
 Окончили свое святое дѣло
 Развитія божественной души,
 Радошенъ, бодръ и свѣтелъ, онъ идетъ
 Въ безвѣстный путь на подвигъ многотрудный.
 Благодарю васъ, милые мои
 Царевичи, сберитесь поскорѣе,
 Поряцарски — да тотчасъ и въ дорогу
 Подъ утреннимъ сіяніемъ небесъ,
 При вѣяньи прохладнаго зефира.
 Теперь же вы примите мой совѣтъ,
 Отеческій, напутный. Ахъ, друзья,
 Что наша жизнь? Она всегда виситъ
 На волоскѣ, чуть держится, — тѣмъ паче.
 Когда опасность . . . будьте осторожны.
 Друзья мои, старайтесь невѣздѣ
 Храбриться иль отважничать. Берите
 Терпѣніемъ, сноровкою, гдѣ можно.
 И хитростью. Обдумывайте строго
 Свой каждый шагъ заранѣ, а потомъ
 И дѣйствуйте, надѣясь на судьбу;
 Не мѣшкайте въ дорогѣ, особливо
 Въ гостинницахъ, въ трактирахъ. Нѣжныхъ связей
 Съ гулливыми красавицами, братства
 Съ фиглярами, съ бродяжными жидами,
 Съ цыганами, гудочниками — бойтесь;

Игорныхъ же бесѣдъ и академій,
 И сволочи распивочныхъ домовъ,
 Пожалуйста, бѣгите, какъ чумы;
 Велите ваши сабли наточить,
 Какъ можно лучше. Я же валъ даю,
 На всякой случай, пару самострѣловъ
 Новѣйшаго устройства: въ три минуты
 Бьютъ 52 раза прямо въ цѣль,
 Прехитрые!.. возьмите по коню
 Съ моей конюшни, ты Кизляръ-Агу,
 Или Мустафу, а ты, Василій, — Негра!
(Димитрій и Василій Царевичи уходятъ).

VIII.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ и ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Мой другъ, Иванъ Царевичъ! Ты со мной
 Останься, мой милый сынъ, отцу
 Единственной утѣхой и отрадой.
 Ты молодъ: ты не силенъ перенестъ
 Опасности и всякія невзгоды
 Далекаго и труднаго пути.
 Тебѣ со мной не будетъ скучно. Я
 Отдамъ тебѣ особенную часть
 Правленія, которая полегче...
 Бумажную; ты вникнешь, ты поймешь...
 Да что же ты задумался и плачешь?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Царь-батюшка! Прости мнѣ эти слезы!
 Могу ли я не плакать? Мнѣ досадно,
 Что ты меня оставилъ одного

Въ презрѣннѣи. Я чѣмъ же хуже братьевъ?
 За что же имъ широкая дорога
 Добыть себѣ геройскихъ, свѣтлыхъ дѣлъ?
 А я сиди прикованный къ столу . . . .
 Позволь и мнѣ отыскивать Жарь-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Никакъ нельзя, мой милый сынъ: ты молодъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Ахъ, молодъ я — вотъ вся моя вина!
 Я младшій братъ, но развѣ у меня
 Глаза не блещутъ, сердце не играетъ.
 И кровь кипитъ не бурно, и рука
 Не пламенно хватается за мечъ,
 При имени опасности и славы?
 Нѣтъ! Душно мнѣ въ чертогахъ безопасныхъ,
 Невыносимо-горько: я хочу,
 Не этой жизни медленной, не этой
 Работы вялой, смирной, я хочу
 Душѣ разгулу, сердцу впечатлѣннѣи,
 Необычайныхъ, рѣзкихъ, роковыхъ!
 О! понимаю, страстно понимаю,
 Что говоритъ мнѣ кровь моя! . . . .

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Помилуй!

Что ты, мой сынъ! ты вышелъ изъ себя!
 Ты весь дрожишь, плаешь; вижу я.
 Самъ вижу я, куда тебя влечетъ
 Младой души широческнй порывъ.
 Но выслушай. что я тебѣ скажу:
 Не хочешь ты заняться, такъ сказать,
 Словесностью. бумагами; не любишь

Смирннаго, сидячаго труда
 И письменныхъ обдумываній; я
 Найду тебѣ работу поживѣе:
 Вотъ хочешь ли, я поручу тебѣ
 Верховное смотрѣніе за всѣмъ;
 Ты будешь ѣздить, будешь замѣчать.
 Гдѣ что и какъ; ты будешь въ хлопотахъ,
 Въ движеніи, ты станешь мнѣ изустно
 Докладывать . . . .

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Все это не по мнѣ!

Пусти меня отыскывать Жаръ-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

А я одинъ останусь, милый сынъ!
 Самъ посуди, я человѣкъ и смертенъ,
 И я же старъ, и немощенъ, и хилъ:
 Что ежели скончаюся въ то время,
 Какъ нѣтъ изъ васъ ниодного при мнѣ?
 Кто сбережетъ общественный порядокъ,
 Нашъ царскій тронъ, казну? Ты знаешь чернь!
 Она всегда глупа и легковѣрна,
 Особенно въ рѣшительные дни:
 Какой-нибудь отважный пустозвонъ
 Расскажетъ ей безсмысленную сказку.
 Въ набатъ ударить, кликнетъ кличъ: толпа
 Взовлнуется кровавой суматохой,
 И дикая, неистовая хлынетъ
 Мятежничать. Несчастливая страна
 Наполнится усобицей, враждой
 И всякою республикой, бѣдами
 И гибелью. Тогда сосѣды наши,
 Какъ воронъ крови, ждущіе раздора

Въ чужомъ народѣ, ото всѣхъ сторонъ,
 Голодные и хищные, сберутся
 Терзать мое наслѣдіе. Тогда
 Что будетъ съ вами, сыновья мои?
 Гдѣ вы себѣ пристанище найдете?
 Такъ, я страшусь грядущаго! Предвижу
 Несчастія . . . .

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Вольно тебѣ страшиться,
 Царь-батюшка! Еще ты, слава Богу,
 Не дряхлый старецъ; немощи твои
 Не велики и часто не замѣтны;
 Ты свѣжъ и бодръ!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Нѣтъ, то ли я былъ прежде!
 Ахъ, молодость, зачѣмъ она прошла!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Пусти меня отыскивать Жарь-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Нельзя, мой сынъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Не я ль тебѣ досталъ
 Ея перо? а братья что поймали?
 За что же я останусь? Сдѣлай милость,
 Царь-батюшка, прошу тебя, молю,
 Пусти меня: я знаю, что достану
 И привезу тебѣ Жарь-Птицу; знаю
 И чувствую, что привезу навѣрно . . . .
 Я очень счастливъ, я ее поймаю.
 Пусти меня отыскивать Жарь-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Нѣтъ, не могу . . . .

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ я умру съ тоски.

Сойду съ ума! Въ мечту объ ней такъ сильно,
Такъ пламенно влюбился я! Объ ней
Всегда, вездѣ, во снѣ и на яву
И думаю и брежу день и ночь.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ .

Вотъ то-то же, любезный сынъ, ты слишкомъ
Горячъ, способенъ чрезвычайно скоро
Въ мечту влюбляться: это очень вредно,
Опасно даже; мы нерѣдко видимъ . . . .

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Какъ хорошо, какъ весело намъ будетъ!
Мы для нея на самомъ видномъ мѣстѣ
Построимъ домъ, какихъ не много въ мірѣ:
Пространныя, высокія палаты,
Съ зеркальными окошками, съ крыльцомъ,
Украшеннымъ столбами въ два ряда;
А въ высотѣ, надъ пышною столбницей
Заблещутъ въ яркихъ, золотыхъ лучахъ,
Огромныя, сочинены прекрасно,
Щиты: большая, бронзовая повѣсть
Чудснаго ловленія Жаръ-Птицы,
И съ надписью: да знаетъ несомнѣнно
Всемирная исторія, что ты,
Въ такой-то годъ правленія твоего
Соорудилъ такія-то палаты;
Когда жь онѣ совсѣмъ готовы будутъ . . . .

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Я думаю, что можно ихъ поставить
Въ саду, среди лужайки, за прудомъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Мы сдѣлаемъ великолѣпный праздникъ,
Пиръ на весь мѣръ. Народу отовсюду
Тьма тьмущая, безоблачное небо,
День дышанцій прохладою весны;
Ужь будетъ праздникъ! Звонъ колоколовъ
Всѣхъ колоколенъ, мы въ единый гулъ
Торжественный, какъ въ колоколъ единый,
Огромнѣйшій, гудящій громогласно,
Сольемъ — и надъ ликующимъ народомъ
Его подыmemъ въ небѣ голубомъ!
Велимъ налить изъ пушекъ безъ умолку
И потчивать безчисленныхъ гостей
Обѣдомъ, яствами сахарными, медами,
Виномъ и пивомъ, вдоволь, до упаду:
А вечеромъ — музыка роговая,
Катанье, пляски, пѣсни, хороводы,
И блескъ и трескъ потѣшнаго огня!
Пусти меня отыскивать Жарь-Птицу!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ (*подумавъ*).

Жаль мнѣ съ тобою разстаться, милый сынъ,
А надобно: иначе мы другъ съ другомъ
Никакъ не сладимъ. Ты горячъ и пылокъ!
Ну такъ и быть, ужь поѣзжай и ты!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Что слышу я, царь-батюшка! Я ѣду,
Я отыщу Жарь-Птицу непременно,

И привезу ее тебѣ живую!
 Царь-батюшка, прощай же, я не долго . . . .
 Не стану медлить, я готовъ въ дорогу.
 Сейчасъ же ѣду! Скоро мнѣ коня!

(уходитъ).

IX.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (въ лѣсу, идетъ верхомъ).

Не весело мнѣ ѣхать! Этотъ лѣсъ
 Большой, дремучій, мрачный и, какъ видно,
 Принадлежащій царству тишины,
 Неспоко-скучень! Ёду третью сутки,
 И много уже проѣхалъ, а ни съ кѣмъ
 Не встрѣтился и ничего не видѣлъ.
 Кромѣ лѣсной дороги да небесъ,
 Протянутыхъ, какъ лента голубая,
 Высоко, въ даль за мной и предо мной.
 Какая глушь! Здѣсь мертвое молчанье
 И непробудный сонъ: въ тиши лѣсной
 Не свиснетъ птичка, лѣшій не аукнетъ:
 Лишь изрѣдка скакунъ мой удалой
 Встряхнетъ своей нахмурой головой,
 И забренчитъ опущенной уздой,
 Или въ кремень стальнымъ копытомъ стукнетъ.
 И ты, мой конь, задумался . . . грустнѣшь?
 Не унывай, товарищъ! не всегда же
 Поѣдемъ мы такимъ дремучимъ лѣсомъ!
 Бодрѣ будь! надѣйся несомнѣнно:
 Куда-нибудь насъ выведетъ дорога,
 Куда-нибудь выходить же она!
 Мой добрый конь! повесели меня!
 Разбудимъ лѣсъ громоподобнымъ стукомъ.

Твоихъ копытъ, укоротимъ дорогу
 Твоимъ широкимъ скокомъ! Ну, мой конь,
 Неси меня, порадуй господина,
 И рѣзвымъ вѣтромъ бѣга твоего
 Отвѣй тоску отъ головы его! (скачетъ).
 Вотъ этакъ лучше! Вотъ ужъ и поляна!
 И три дороги на три стороны,
 И столбъ стоитъ, и на столбѣ слова.
 Посмотримъ, что имѣетъ онъ сказать! (читаетъ).

«Ежели кто поѣдетъ отъ сего столба прямо, тотъ
 будетъ голоденъ и холоденъ; кто же поѣдетъ въ пра-
 вую сторону, тотъ будетъ здоровъ и живъ, а конь его
 убить; а кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ будетъ
 убить, а конь его живъ и здоровъ будетъ».

Куда жь мнѣ ѣхать? Прямо отъ столба?
 Я нелюблю, я вовсе не способенъ
 Ни голодать, ни холодать. Направо?
 Жаль мнѣ коня! Да и себя мнѣ жаль:
 Идти пѣшкомъ . . . . умаешься, устанешь!
 Потомъ лежи и отдыхай, потомъ
 Опять иди и снова отдыхай.
 Нѣтъ, это скучно, мѣшкотно; а я
 Сказалъ отцу, что скоро ворочусь
 Съ Жарь-Птицею, я долженъ торопиться.
 Куда жь мнѣ ѣхать? Развѣ ужъ налѣво,
 Чтобы меня убили . . . а мой конь,
 Мой вѣрный, добрый конь, надежный мой товарищъ.
 Остался бы покинутымъ подъ верхъ
 Разбойнику? Нѣтъ, этого не будетъ.
 Нѣтъ! добрый конь, сворачивай направо:
 Я не люблю пророчествъ никакихъ,
 Не вѣрю имъ, я знаю, врутъ они.

X.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (*въ лѣсу сидитъ*).

Чтобъ у тебя всегда болѣли зубы,
 Проклятый волкъ! Ты самый хищный звѣрь!
 Чѣмъ я тебя обидѣлъ, огорчилъ,
 Что ты зарѣзалъ моего коня,
 Товарища и друга моего?
 Чѣмъ виноватъ онъ? Голоденъ ты что ли?
 И мажь тебѣ пространный этотъ лѣсъ
 Ловить твою несчастную добычу?
 Нѣтъ! такъ ужь ты и жаденъ и свирѣпъ!
 Мой добрый конь! какъ тѣшилъ онъ меня!!
 И не за то ль озлился на него
 Ты, лютый звѣрь, что на твоей дорогѣ
 Такъ весело и смѣло онъ скакалъ
 И громко топалъ бурными ногами,
 Что растревожилъ самого тебя
 И все твое зеленое жилище?
 Какъ я усталъ! А долго ли я шель,
 И много ли прошелъ я? То ли было . . . .
 Ахъ, добрый конь мой, что я безъ тебя?
 Проклятый волкъ! осиротилъ меня.

XI.

(*Изъ лѣсу выходитъ спрытый волкъ*)

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Прости меня, Иванъ Царевичъ!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Что ты?

Прочь отъ меня, разбойникъ! прочь поди!

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Мнѣ жаль тебя, Иванъ Царевичъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Поздно

Ты обо мнѣ жалѣешь.

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Право жаль.

И знаешь ли? Вѣдь я почти невиненъ,
 Что твоего коня я растерзалъ:
 Я только былъ орудіемъ судьбы
 И дѣйствовалъ невольно, исполняя
 Ея законъ, жестоко-непреложный.
 Ты помнишь, что предсказывалъ тебѣ
 Дорожный столбъ? Ты выбиралъ дорогу,
 Но будь спокоенъ: я тебѣ слуга,
 Хочу помочь твоей большой бѣдѣ,
 И помогу: садись-ко на меня,
 И поѣзжай на мнѣ куда угодно,
 Какъ на конѣ, на самомъ удаломъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Пожалуй, я отъ этого не прочь,
 Чѣмъ мнѣ пѣшкомъ тащиться. Хорошо!
 Будь мнѣ конемъ. Вотъ видишь ли въ чемъ дѣло:
 Меня послалъ царь-батюшка достать
 И привезти ему Жаръ-Птицу: такъ вези
 Меня туда, въ то царство, понимаешь?

(Садится верхомъ на волка).

Ну! я совѣмъ! Несись во весь опоръ,
 Мой сѣрый конь, мохнатый мой скакунъ!

XII.

СЪРЫЙ ВОЛЕЪ.

Приѣхали! Слѣзай съ меня, мой витязь!
 Вотъ черезъ эту каменную стѣну
 Переберись; а тамъ въ саду Жарь-Птица.
 Давно ужъ ночь, уснули сторожа;
 Иди себѣ, не бойся ихъ ни мало:
 Они обыкновенно крѣпче спятъ,
 Чѣмъ прочія хранительныя власти.
 Да вотъ тебѣ совѣтъ мой: ты Жарь-Птицу
 Берп смѣлѣй, во снѣ она смирна,
 И вынь ее изъ клѣтки золотой,
 И унеси; а клѣтку золотую
 Оставь, какъ есть, не тронь ее, она
 Съ механикой, со штукаю, отъ нея
 Звончатая, чувствительныя струны
 Проведены къ дворцовымъ карауламъ;
 Онѣ какъ разъ подымутъ шумъ и крикъ,
 Тогда тебѣ не мновать бѣды!

XIII.

ЦАРЬ ДОЛМАТЪ и СКАЗОЧНИКЪ.

(Царь Долматъ лежитъ на кровати, передъ нимъ на полу сидитъ сказочникъ).

СКАЗОЧНИКЪ.

Былъ чудный царь, великій безпримѣрно;
 Задумалъ онъ народъ свой просвѣтить,
 Народъ привыкшій въ захоусты жить,
 Почти безкнижный, очень суевѣрный
 И закоснѣлый въ рабствѣ. Какъ съ нимъ быть?
 Царь былъ премудръ и началъ онъ сначала:

Сталъ самаго себя онъ просвѣщать —
 И благодать Господня возсіяла
 Ему, наукъ живая благодать.
 Но этого казалось недовольно
 Тому царю, единому въ царяхъ:
 Оставилъ онъ вѣнецъ и градъ престольной,
 Пошелъ узнать въ далекихъ сторонахъ
 Все нужное для своего народа;
 И все узналъ онъ собственнымъ трудомъ,
 И ко своимъ пришелъ, равно знакомъ
 Съ вождемъ царствъ и звѣзднымъ чертежомъ,
 Съ порядкомъ битвъ и стрѣлкой морехода,
 Съ ножомъ врача, съ киркой и долотомъ!

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Вотъ хорошо! Люблю такія сказки,
 Спокойныя, гдѣ творческій талантъ
 Ведетъ меня къ назначенной метѣ
 Прямымъ путемъ; и мнѣ тогда легко:
 Я слѣдую за нимъ, не утомляясь,
 Бровей не хмуря, думаю подробно
 О всемъ, что мнѣ рассказываютъ; ясно
 Соображаю, какъ и въ чемъ тутъ дѣло,
 И сказка вся съ начала до конца
 Передо мной ложится на виду.
 И любо мнѣ и сладко, что я понялъ
 Всѣ хитрости, которыя талантъ
 Употребилъ въ ней, свойственно своей
 Возвышенной природѣ создавать
 Умно. Межъ-тѣмъ часы едва замѣтно
 Идутъ, идутъ, и благотворный сонъ
 Мои зѣницы тихо закрываетъ,
 И долго, долго въ самой сладкой нѣгѣ

Меня дѣлѣть. Поутру проснусь
 Здоровъ и свѣтелъ. Тутъ-то я доволенъ,
 Что слушалъ сказку; тутъ-то я вполне
 И чувствую и вижу на себѣ,
 Какъ нужны и пріятны человѣку
 Словесныя искусства и талантъ,
 Развившіяся въ порядкѣ. Продолжай!
 Нѣтъ, погоди! Я слышу . . . . Такъ, звонятъ!
 И крикъ и шумъ, неужели пожаръ?
 Охъ! Я боюсь пожара, какъ огня!

XIV.

ТѢЖЕ и СТРАЖА СЪ ИВАНОМЪ ЦАРЕВИЧЕМЪ.

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Что за тревога? Что за крикъ и шумъ?

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Все слава Богу! поймали вора
 Въ твоємъ саду: хотѣлъ унести Жаръ-Птицу.

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Сковать его, въ тюрьму его скорѣ!
 Судить его шемякинскимъ судомъ! . . . .
 Ко мнѣ его сію жь минуту! . . . .

(Вводятъ Ивана Царевича).

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Вотъ онъ!

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Кто ты таковъ?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я сынъ царя Выслава,
Иванъ Царевичъ.

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Сынъ царя Выслава . . . .
Андроновича что-ли?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Точно такъ!

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Послушай, другъ мой, какъ тебѣ не стыдно
Птицъ воровать! Твое ли это дѣло?
Вѣдь ты царевичъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я не виновать . . . .

Меня послалъ царь-батюшка поймать
И привезти ему Жаръ-Птицу; намъ
Она премного сдѣлала вреда:
Изволила повадиться въ нашъ садъ
По яблоки завѣтныя, и яблонь
Испортила, хотъ брось . . . . Меня послалъ
Царь-батюшка . . . .

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Такъ развѣ ты не могъ

Не воровски, а честно и почтенно
Достать ее? Ты просто попросилъ бы:
Тогда бы я, принявъ въ соображенъе,
Что твой отецъ извѣстный государь,
Что ты Иванъ Царевичъ, сынъ его,
Рѣшился бы по милости моей

Тебѣ отдать, пожаловать Жарь-Птицу.
Ты поступилъ иначе. Что жь ты взялъ?
Тебя жь поймали, привели на судъ
Передъ царя, и что царю угодно,
Тому и быть съ тобою! Я бы могъ
Тебя жестоко, славно проучить
За дерзкій твой поступокъ; я бы могъ
Провозгласить торжественно и громко
Во всѣхъ газетахъ, что такой-то
Иванъ Царевичъ, сынъ царя Выслава,
Воруеть птицъ и пойманъ, уличенъ
И прочее; я могъ бы сверхъ того
Еще нанять, положимъ хоть десятокъ,
Ученыхъ и безсовѣстныхъ мужей,
Чтобы они особенныя книги
Писали и печатали вездѣ
О томъ, что ты не годенъ никуда:
Тебя разсмотрятъ, разберутъ, обсудятъ,
Опишутъ съ головы до ногъ, и все,
Что про тебя узнать и сочинить
Возможно, все узнается и будетъ
Разглашено отъ Кяхты до Багдада,
Отъ Колы до Помпеева столба!
Потомъ изъ тѣхъ газетъ и книгъ, мой милый,
Ты перейдешь въ пословицу, а тамъ
Того и жди, что именованъ твоимъ
Бранчивыя старухи на торгу
Кидать въ мальчишекъ станутъ, словно грязью:
Но я не строгъ, я пощажу тебя
За то, что ты извѣстной царской крови,
И что твои уста окружены
Не жесткими, свирѣпыми усами
И бородой, а мягкимъ, нѣжнымъ пухомъ;

И пощажу тебя, Иванъ Царевичъ,
 Когда ты мнѣ дашь слово, что ты мнѣ
 Сослужишь службу; я прощу тебя
 И сверхъ-того отдамъ тебѣ Жаръ-Птицу,
 И ты со мной разстанешься, какъ съ другомъ,
 И выйдешь изъ царства моего
 Въ большомъ почетѣ, какъ высокій гость,
 Какъ сынъ царя, съ которымъ я желаю
 Вести пріязнь и дружбу.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я согласенъ.

Какая жь это служба?

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Вотъ какая:

Есть царь Афронъ, и у царя Афона
 Есть превосходный, златогривый конь;
 Такъ ты достань мнѣ этого коня;
 А не достанешь: нѣтъ тебѣ пощады!
 Согласенъ ты на это?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я согласенъ.

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

И слово мнѣ даешь, что непременно
 Добудешь златогриваго коня,
 И мнѣ его отдашь?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Даю и слово.

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Итакъ прощай же, будь здоровъ и дѣйствиуй,
 Ты молодецъ. Прощай Иванъ Царевичъ!

(*Иванъ Царевичъ уходитъ*).

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Досказывай же сказку: спать пора!

СКАЗОЧНИКЪ.

Царь былъ великъ: такъ нечему дивиться,
 Что многіе не поняли его
 И вздумали за старое вступиться,
 За глушь непросвѣщенья своего,
 И заговоръ составили кровавый
 Противъ царя, который, какъ отецъ,
 Смирять строптивость грубыхъ ихъ сердець,
 Открылъ для нихъ дорогу свѣтлой славы
 И цѣлый міръ возвышенныхъ трудовъ
 Для ихъ ума, любившаго дотоѣ
 Бездѣйствіе, сидѣніе въ неволѣ,
 Завѣщанной отъ ихъ же праотцевъ, —
 И заговоръ составили кровавый . . . .
 Но царь другой, тотъ, коего законъ
 Выводитъ день и ночь на небосклонъ,
 Хранитъ небесъ порядокъ величавый,
 Кто далъ намъ жизнь и душу сотворилъ, —
 Тотъ . . . подвиги и мысли свѣтозарны
 Великаго царя благословилъ . . . .
 И замыселъ неудался коварный:
 А между-тѣмъ . . . . .

ЦАРЬ ДОЛМАТЬ.

Прекрасная и нравственная сказка!

(Сказочнику).

Миѣ кажется тутъ можно перервать
 Разсказъ: тутъ, вѣрно, будетъ переходъ
 Къ чему-нибудь дальнѣйшему. Довольно!
 Я засыпаю, ты молчи и спи!

XV.

ТРАКТИРЪ.

ХОЗЯЙКА и ДВОЕ ГОСТЕЙ.*(Хозяйка сидитъ у окна за книгой).*ГОСТИ *(перестаютъ играть въ карты).*

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Уфъ, я усталъ, я не могу играть!
 Сегодня полно! — Битыхъ семь часовъ
 Мы не вставали съ мѣста — это слишкомъ!
 И вѣчно я проигрываю! Точно,
 Мнѣ на роду написано погибнуть
 Отъ рукъ твоихъ, любезнѣйшій!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Сегодня

Тебѣ несчастье: какъ же быть, мой другъ!
 День на день не приходится. Фортуна
 Непостоянна, вѣтрена. Ты помнишь,
 Какъ я тебѣ проигрывалъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Да, помню,
 И есть чѣмъ хвастать! Это капля въ морѣ
 Въ сравненіи съ моими векселями.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Вольно жъ тебѣ играть на векселя!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

А гдѣ мнѣ взять наличныхъ, если нѣтъ ихъ!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Извѣстно гдѣ: имѣнье заложил!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Заложено.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Продай его.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Задаромъ?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Не хочешь ли, я у тебя куплю?
Я дамъ тебѣ не дешево. Скажи,
Почемъ ты просишь за душу? Рѣшайся:
На чистоганъ игра повеселѣе.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Да чище ли?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Ты шутишь очень много.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Я не шучу.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Ну, вотъ ужь и надулся!
Какъ будто самъ ты новичокъ въ игрѣ,
Какъ будто я сегодня въ первый разъ
Игралъ съ тобою. Мы давно знакомы,
Мой другъ, — ты самъ не ангелъ чистоты
По этой части; перестань сердиться.
Сыграемся хоть завтра же.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Прибавь

Сегодняшній мой проигрышь къ тому,
Что у тебя записано за мною.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

(Записываетъ и показываетъ ему книжку)

Смотри же самъ. Такъ, кажется?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Такъ точно *(встаетъ)*.

Какъ я усталъ, и голова болитъ!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

(Встаетъ и подходитъ къ хозяйкѣ, припавъ)

Конченъ конченъ дальній путь.

Вижу край родимый!

Сладко будетъ отдохнуть

Мнѣ съ подругой милой.

Я говорю, что наша Кунигунда
Красавица, что у нея глаза
Чудесные, румянецъ самый свѣжій.
Приманчивый, что славно управляетъ
Она своимъ трактиромъ, знаетъ свѣтъ,
Всегда одѣта чисто, новомодно,
И сверхъ-того добра, литературна,
Читала всѣ новѣйшіе романы.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Я не хочу тебѣ противорѣчить.
Хоть и могъ бы; я и самъ люблю
Прелестную, живую Кунигунду,
И чувствую, что я имѣю честь

Принадлежать къ числу людей, къ которымъ
 Она весьма нѣжна и благосклонна.
 Я не хочу, а могъ бы доказать,
 Что красота ея непостоянна,
 Что поутру она совсѣмъ не то,
 Что вечеромъ.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Неправда!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Я сужу

По собственнымъ моимъ соображеніямъ:
 Ей по утрамъ не должно бы казаться
 Своимъ гостямъ; она бы несравненно
 Сильнѣе волновала нашу кровь.
 Она у насъ вечерняя звѣзда,
 А по утрамъ ей лучше бъ не всходить
 На горизонтъ: тогда у ней лицо
 Не хорошо . . . болѣзненнаго цвѣта,
 Не весело и даже какъ-то жестко
 На взглядъ, не сладко; вялые глаза
 Не свѣтятся, отгѣнены жестоко
 Лазурными дугами; грудь болитъ,
 И шаткая и вялая походка.
 А вечеромъ смотри: какая прелесть!
 Шѣнительна, какъ молодость, бѣла,
 Румяна, какъ бѣлила и румяна,
 И всякаго готова соблазнить.

ХОЗЯЙКА.

Вы очень глупы, и всегда равно
 И поутру и вечеромъ.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Онъ проигрался, и сердитъ на всѣхъ :
Не обижайся! Это не надолго!

(входитъ еще гость).

А, здравствуйте! — Я васъ давно искалъ,
Желалъ васъ видѣть . . . .

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Поздравляю васъ
Съ находкою и вмѣстѣ съ исполненіемъ
Желанія!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Какъ шла у васъ игра?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Что новаго?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Въ газетахъ ничего.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

А въ письмахъ?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Въ письмахъ тоже, что въ газетахъ!
Однакожь есть и новость : говорятъ,
Что будутъ къ намъ, на этой же недѣлѣ,
И проживуть у насъ до бѣлыхъ мухъ,
Два иностранца — два родные брата
И богачи, — и денегъ не жалѣютъ;
А странствуютъ incognito : одинъ
Подъ именемъ Мельмота, а другой
Подъ именемъ втораго Казановы!

Они любезны, милы, мастерски
Танцуютъ, любятъ веселиться,
Играютъ въ вистъ и по большой.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

А въ банкъ?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Объ этомъ я не знаю; но конечно
И въ банкъ играютъ; ѣздятъ же они,
Какъ слышно, для ученыхъ розысканій
О птицахъ. Впрочемъ это пустяки!
Они богаты, молоды и просто
Таскаются по разнымъ государствамъ
И городамъ, чтобъ деньги разсорить,
А между-тѣмъ время провести
Съ пріятностью не въ сидячей жизни.

(Подходитъ къ Кулигундѣ)

Я радуюсь, что вижу васъ опять
Здоровыми по прежнему. Я слышалъ
Отъ вашего дворецкаго, что вы
Больны не въ шутку — вѣрно простудились.
Позвольте вамъ замѣтить: вы себя
Не бережете . . . .

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Я согласенъ съ вами,
Что ей бы не мѣшало обходиться
Съ своимъ здоровьемъ нѣсколько скромнѣе, —
Хоть ради насъ.

ХОЗЯЙКА.

Я не была больна.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ (*Къ 1-му, смотря на часы*).

Для васъ же лучше. — Не пора ли намъ
На балъ, теперь давно десятый часъ!

ДИМИТРІЙ и ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧИ (*входятъ*).

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Шампанскаго и трубку табаку!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Шампанскаго! (*Садится*) Пора намъ отдохнуть —
Жаръ, вѣтеръ, пыль, претряская дорога,
Мосты чуть живы, мерзкій перевозъ,
Гора крутая . . . .

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Смѣю ли спросить:
Вы только-что приѣхали?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ точно:
Несносная, смертельная ѣзда!
Особенно гдѣ гати . . . .

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Ваша правда.
У насъ дороги очень, очень плохи.
Могу ль узнать, откуда вы?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Изъ Дувра.
Мы ѣздили по западу Европы;
Мы странствуемъ, — приѣхали и къ вамъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Какая цѣль поѣздокъ вашихъ?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Все,

Особенно же птицы. Намъ бы нужно
Найти одну рѣдчайшую . . . . Да здѣсь
Едва ли есть такія птицы : здѣсь
Климатъ холодный, и сама природа
Весьма обыкновенная.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

У насъ

Нѣтъ рѣдкихъ птицъ, индѣйки, гуси, галки . . . .

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Дрозды, сороки, воробьи . . . .

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Грачи . . . .

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Тетерева и прочія простыя . . . .

(Приносятъ вино и бокалы).

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ *(наливая)*.

Угодно вамъ шампанскаго?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Позвольте

Поздравитъ васъ съ приѣздомъ!

(Къ первому и второму)

Господа!

Васъ просятъ пить шампанское!

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ГОСТИ *(Пьютъ)*.

Съ приѣздомъ!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Вино не дурно. Здѣшняя хозяйка
Извѣстна тѣмъ, что погребъ у нея
Отличнѣйшій — всѣ вины выписныя!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

И тѣмъ еще, что и сама она
Прекрасна и любезна. Кунигундой
Зовутъ ее.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Прекрасное вино!

ХОЗЯЙКА.

Я никогда не подаю дряннаго :
Пошлюсь на всѣхъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

А знаете ли вы,
Любезная, какимъ изъ вашихъ винъ
Вы можете похвастать?

ХОЗЯЙКА.

Я не знаю :

Всѣ хороши!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Какое лучше всѣхъ?

ХОЗЯЙКА.

Ей-ей не знаю. Я не пью вина.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

А я такъ знаю! — Это вашъ рейнвейнъ,
Такой рейнвейнъ, что этакого мало
И за границей. Вотъ такъ ужь вино!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Подать рейнвейну!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

И зеленыхъ рюмокъ!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Скажите мнѣ, здѣсь весело живутъ?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Порядочно : умѣютъ ѣсть и пить :
Съѣзжаются на балы, на обѣды;
Есть много ловкихъ молодыхъ людей,
И здѣшнихъ и приѣзжихъ; есть игра
Вистъ, экарте, направо и налѣво . . . .

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Все это мило. Стало-быть, у васъ
Гражданственность довольно развита!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Такъ, въ городахъ, которые побольше,
А въ маленькихъ не очень; да нельзя
И требовать, чтобы такъ скоро; впрочемъ
И тамъ уже замѣтенъ шагъ впередъ :
И тамъ уже трюфоль и ерофеичъ
Усибно вытѣсняются мадерой,
Полушампанскимъ, ромомъ; три листа
И горка — вистикомъ и банчикомъ; и тоже
Бываютъ танцы . . . .

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Есть у васъ театръ?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Театра нѣтъ. За то къ намъ приѣзжаютъ
Заморскіе фиגляры, прыгуны
И оптики. *(Приносятъ вино).* Вотъ рейнвейнъ! *(Смотритъ
на бутылку)* Тотъ самый
(Пьетъ).

Не правда ли, отличное вино?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Да, хорошо, хотя и молодое!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Къ намъ не доходитъ старое вино.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

А молодое здѣсь не долговѣчно.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Да, можно похвалиться, что у насъ
Пьютъ сильно.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Почему же и не пить,
Когда есть деньги!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

У меня до васъ
Покорнѣйшая просьба.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Говорите,
Я очень радъ . . . .

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Вотъ вмѣстѣ съ нами, — я ручаюсь вамъ,
Что балъ прекрасный, — я васъ познакомлю

Съ хозяиномъ; онъ добрый старичокъ
И хлѣбосоль, и мастеръ угостить;
Жена его любезна, молода.
Поѣдемте! Тамъ весело, тамъ будетъ
Весь городъ; вы увидите всѣхъ нашихъ
Красавиць, — есть прेमилыя, — рѣшайтесь!
Всѣ васъ полюбятъ, примутъ, какъ родныхъ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Намъ надобно съ дороги отдохнуть.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Вы послѣ отдохнете — и съ дороги
И съ базу разомъ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я почти согласенъ.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

И я согласенъ. Ѣдемъ, такъ и быть.
Но поидемъ переодѣться. Кунигунда!
Намъ комнату! . . . .

(Димитрій Царевичъ и Василій Царевичъ уходятъ).

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Не слишкомъ наряжайтесь.
Всѣ знаютъ, что вы прямо изъ коляски.
Пріятное знакомство . . . .

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Мнѣ они
Поправились, — особенно вотъ этотъ.
Что потчивалъ шампанскимъ.

второй гость.

Молодцы!

Какъ вѣжливы, какое обхожденье.
Привѣтливость и ловкость!

третій гость.

Какъ умны,

Учены, добры, милы!

второй гость.

Не жеманны;

Я полюбилъ ихъ, только-что они
Вопли.

третій гость.

Я также, и тотчасъ узналъ,
Что это люди перваго разбора.
Вѣдь хорошо я сдѣлалъ . . . .

первый гость.

Что на балъ

Уговорилъ ихъ? очень хорошо!

третій гость.

Мнѣ хочется, чтобы они у насъ
Какъ можно дольше пробыли; они
Любезные, порядочные люди.
Богатые; ихъ надобно ласкать.
Умѣть цѣнить ихъ.

первый гость.

Это мы съумѣемъ!

Лишь только бъ намъ ихъ заманить въ игру;
Сначала помаленьку и прохладно;
А тамъ знай нашихъ! . . . .

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Мы гостеприимны.

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Не должно врать . . . .

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Ты самъ остерегайся!

Ты по вранью здѣсь первый человѣкъ!

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Нѣтъ, извините — вы себя забыли!

Какая скромность!

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Что вы, господа!

Вы не поссорьтесь! Чу! они идутъ.

(Дмитрій Царевичъ и Василій Царевичъ приходятъ).

ТРЕТИЙ ГОСТЬ *(подастъ имъ шляпы).*

Вотъ ваши шляпы! Мы на балъ приѣдемъ,

Какъ слѣдуетъ, не рано и не поздно.

(Всѣ уходятъ).

XVI.

СЪРЫЙ ВОЛКЪ *(одинъ).*

Мнѣ нравится мой витязь! Онъ красавецъ.

Смѣлъ, добродушенъ, жизненная сила

Въ немъ весело играеть и кипить,

Въ немъ лишь одно неловко, не похвально

И мнѣ прискорбно: онъ мои совѣты

Позабываетъ въ самое то время,

Какъ долженъ ихъ исполнить. Молодъ онъ,
 Неостороженъ; а бѣда какъ тутъ.
 Но это я прощаю. Человѣкъ
 Всегда таковъ, покуда самъ собою
 Не испыталъ и послѣ не обдумалъ
 Всѣхъ случаевъ опасныхъ и несчастныхъ,
 Которые возможны, поколику
 Они возможны. Я того и жду,
 Что онъ опять забудетъ мой наказъ:
 Онъ соблазнится золотою уздой,
 Возметъ ее и сдѣлаетъ тревогу!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Прости меня, мой добрый Сѣрый волкъ!
 Я виновать, опять въ просакъ попался.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Вотъ молодость! Она воображаетъ,
 Что ей довольно всюду и всегда
 Одной своей незрѣлой головы.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я со стѣны прыгнулъ благополучно,
 Все было тихо, на дворѣ широко
 Покоился крѣпчайшій караулъ
 Въ объятіяхъ весенняго Морфея;
 Я шелъ, твердя въ умѣ твои слова:
 Не брать узды! Не брать узды! и этакъ
 Добрался до конюшни, и въ нее
 Вошелъ, взглянулъ: а на стѣнѣ узда!
 Я и теперь еще не понимаю,
 Какъ я тогда смѣшался, я забылъ

И твой приказъ . . . и самого себя, —
 Вся въ дорогихъ каменьяхъ, въ жемчугахъ
 И золотая, отъ нея лучи! —
 Я протянулъ къ ней руки и лишь началъ
 Снимать ее съ высокаго гвоздя —
 Вдругъ звонъ и крикъ, и страшная тревога!
 Меня схватили молодца, и прямо
 На судъ, какъ разъ передъ царя Афона;
 Царь вспыхнулъ, расходился, и меня
 Сердитыми вопросами осыпалъ.
 Я отвѣчалъ ему чистосердечно,
 Кто я таковъ, и для чего зашелъ
 Въ его конюшню. Онъ хотъ и смягчился;
 Но ужь мыль-мыль мнѣ голову! Потомъ
 Исторія похожая на ту,
 Что у меня была съ царемъ Долматомъ:
 И царь Афонъ даруетъ мнѣ прощенье,
 Отдастъ мнѣ златогриваго коня,
 Когда ему я службу сослужу;
 Вотъ видишь ты, въ чемъ дѣло: онъ влюбленъ,
 И горячо, рѣшительно влюбленъ
 Въ какую-то прекрасную Елену;
 Онъ самъ принадлежитъ ей и желаетъ,
 Чтобъ и она ему принадлежала,
 Желаетъ страстно, жаждетъ и кипитъ!
 Такъ я взялся, далъ рыцарское слово
 Достать ему предметъ его любви.
 Не знаешь ли, мой добрый Сѣрый волкъ,
 Скажи ты мнѣ, что это за Елена?

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Верхъ совершенства, чудо красоты,
 Любезности и вообще всего,

Что зажигаетъ въ сердцѣ молодомъ
Огонь любви прекрасной и живой.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Эге, ге, ге!

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Ну, мой Иванъ Царевичъ!

Я потружусь; я сослужу тебѣ
Большую службу, я тебѣ достану
Прекрасную Елену; а тебѣ
Ее похитить самому нельзя,
Повѣрь ты мнѣ. Садись-ка на меня,
Поѣдемъ мы въ то царство. Я тебя
Оставлю на дорогѣ одного
Во чистомъ полѣ, подъ зеленымъ дубомъ.
Тамъ жди меня, я скоро ворочусь
Съ прекрасною Еленой, и тебѣ
Отдамъ ее руками.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Добрый волкъ!

А мнѣ было хотѣлось самому . . . .
Да все равно, я на тебя надѣюсь
И буду ждать. *(Садится верхомъ на волка).*
Пошелъ же поскорѣ!

XVII.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ *(Подъ зеленымъ дубомъ).*

Свѣтла, чиста небесная лазурь;
Прохладенъ воздухъ, доли и холмы
Цвѣтутъ; стрекочетъ подмуравный міръ;
Журчатъ ручьи и свищеть соловей.

Прекрасный день! люблю тебя, весна!
Пора любви, красавица годинъ,
Своею нѣгой, свѣжестью своей
Ты оживляешь душу, поднимаешь
Въ ней легкія и страстныя мечты
И помыслы, и весело они
Играють и летаютъ надъ землею
Въ благоуханномъ воздухѣ твоемъ
Подъ сводомъ неба ясно-голубымъ!

А что со мною будетъ, если волкъ
Меня обманетъ, убѣжитъ домой,
А я останусь пѣшъ и одинокъ . . . .
Здѣсь, подъ зеленымъ дубомъ? Я не знаю,
Чье это царство и куда идти?
Жду не дождусь; теперь ужь третьи сутки
Кончатся съ тѣхъ поръ, какъ онъ меня
Покинулъ здѣсь. О нѣтъ! Онъ добрый малой,
Смѣль и проворенъ, служить мнѣ охотой,
Достанетъ онъ прекрасную Елену.
Верхъ совершенства! Стало-быть она
Весьма громка своею красотой,
Когда извѣстна и въ глуши лѣсной!
Я буду волку вѣчно благодаренъ
За эту службу: ею повершатся
Благополучно поиски мои!
Немедленно явлюсь къ царю Афрону,
Отдамъ ему прекрасную Елену;
Возьму золотогриваго коня;
Потомъ отдамъ коня царю Долмату,
И получу желанную Жарь-Птицу,
И съ этою блистательной добычей
Домой, домой, и прямо во дворець,
И батюшку на старости утѣшу!

XVIII.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ и СЪРЫЙ ВОЛКЪ СЪ ЕЛЕНОЙ.

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Иванъ Царевичъ, принимай руками
 Прекрасную Елену, вотъ она!
(Кладетъ ее на лугъ, она въ безпамятствѣ).
 Она дорогой чувства потеряла,
 Она чуть дышетъ, не глядитъ, чрезмѣрно
 Испугана, потрясена ужасно;
 Я такъ незапно выхватилъ ее
 Изъ тишины отческаго сада,
 Изъ круга милыхъ, молодыхъ подругъ,
 Прислужницъ, нянекъ, мамокъ, и такъ быстро
 Скакалъ съ моею ношей дорогой,
 Боясь погони и поимки, что она,
 Воспитанная въ нѣгѣ и покоѣ,
 Имѣла право обмереть со страху
 И задохнуться на моей спинѣ;
 А впрочемъ я берегъ ее, слегка
 Придерживалъ зубами, чтобъ никакъ
 Не уязвить чувствительнаго тѣла.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ *(смотритъ на Елену).*

Жестокъ ты, волкъ!

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Небось: она очнется,
 Дай только ей немножко отдохнуть.
 И подлинно, прекрасная Елена!
(смотря на нее).
 Чудесный, неподобный идеаль!
 Пыящее сляніе живыхъ

Подробностей, оттѣнковъ и частей
 И сладостныхъ округлостей съ живою
 И сладостною мыслию всего
 Созданія въ одно очарованье!
 Иванъ Царевичъ, посмотри сюда!
 Какъ живописно съ этого чела
 Прелестнаго, упали эти кудри,
 Волнистыя и мягкія, какъ шолкъ,
 И черныя, какъ воронь-птица ночи,
 На бѣлизну и ясность молодую
 Ея лица, на полноту грудей,
 Высокихъ, пышныхъ, царственныхъ грудей!
 Что за рѣсницы! Длинныя, густыя.
 Глаза у ней! Ахъ, мой Иванъ Царевичъ,
 Я видѣлъ ихъ, я видѣлъ этотъ рай
 Живительныхъ желаній и томленій,
 Восторговъ, нѣгъ, отрадъ, самозабвеній,
 Разнообразный, полный рай любви!
 Глаза у ней большіе, голубые,
 И свѣтятся они такимъ огнемъ
 И жгучимъ и умильнымъ, что я самъ . . .
 Я, сѣрый волкъ . . . . Прекрасная Елена!
 Откройте ваши глазки, посмотрите:
 Здѣсь не обидятъ вашей красоты,
 Не бойтесь!

ЕЛЕНА (*смотритъ кругомъ себя*),

Что сдѣлалось со мною? Гдѣ я? . . . .

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Худаго съ вами ничего; а гдѣ вы?
 На это я могу вамъ отвѣчать
 Лишь то, что вы находитесь теперь

За тридевять земель оттуда, гдѣ
Вы были дома.

ЕЛЕНА.

Я несчастная . . . . Куда
Меня . . . . Такъ точно, все это не сонъ,
Меня разбойники украли, я умру . . . .

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Разбойники! Прекрасная Елена!
Не бойтесь насъ! Такіе ли бываютъ
Разбойники? Вотъ этотъ человѣкъ,
Вотъ этотъ витязь, посмотрите: онъ
Ни живъ, ни мертвъ, стоитъ, какъ полоненный,
Глаза потушилъ, руки опустились;
А отчего? Все оттого, что вы
Очнулись, вы . . . чудо красоты!
И онъ увидѣлъ ваши голубые
Глаза, и въ васъ влюбился всею душой.
А я, кто я? Я добрый, сѣрый волкъ
И нахожуся въ должности коня,
А иногда и въ должности посланца
У витязя, который передъ вами!
Я сѣрый волкъ и звѣрь, а не разбойникъ.

ЕЛЕНА.

Зачѣмъ же я похищена?

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

На это

Отвѣтитъ вамъ мой витязь. Вы не бойтесь!
Иванъ Царевичъ тихъ и благонравенъ,
Застѣнчивъ даже; отвѣчай скорѣе,
Иванъ Царевичъ, не робѣй, мой витязь!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Меня послалъ Царь-батюшка поймать . . . .
Достать ему чудесную Жарь-Птицу . . . .
И привезти . . . .

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Прекрасная Елена!

Не будьте строги, улынитесь! Что вамъ
Одна улыбка! (*Елена улыбается*) Вотъ давно бы такъ!
Улыбка ваша, право, слаще меда.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

А ты какъ знаешь, что такое медъ?

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Признаться, по наслышкѣ. У меня
Былъ нѣкогда пріятель задушевный,
Медвѣдь, Кузьма Ивановичъ, мой землякъ;
Окончивъ курсъ ученія въ Сморгонской
Гимназіи, онъ вышелъ изъ нея,
И странствовалъ съ повадыремъ, и много
Земель различныхъ видѣлъ, потѣшая
Людскую праздность пляскою своею;
Потомъ въ лѣса родные возвратился,
Сорвавшись съ цѣпи: такъ онъ говорилъ.
Онъ возвратился, правда, старикомъ,
Измученнымъ, беззубымъ; но за то
Преопытнымъ и мудрымъ, какъ Улень.
Такъ отъ него-то много я узналъ
О медѣ и о свѣтѣ вообще.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я думаю, прекрасная Елена,
Вы страшно испугались въ ту минуту,
Какъ сърыій волкъ похитилъ васъ изъ саду.

ЕЛЕНА.

Смертельно испугалась.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Мнѣ досадно,
Мнѣ больно, что усердный мой слуга
Такъ быстро мчалъ васъ; впрочемъ онъ боялся
Погони и поимки, торопился
Скорѣй ко мнѣ.

ЕЛЕНА.

Прошу васъ мнѣ сказать,
Зачѣмъ меня такъ неучтиво, странно
Похитили?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Прекрасная Елена!
Я васъ не зналъ, я полагалъ, что вы
Красавица, какихъ и я довольно
Видалъ; бывало: взглянешь на нее
И вспыхнешь и пробудятся въ тебѣ
Волненія, восторги и мечты
Тѣлесныя и ровно ничего
Духовнаго: живѣе сердце, кровь
Живѣе . . . . Ахъ, прекрасная Елена!
Ахъ, вы не то, нѣтъ, я увидѣлъ васъ
Спокойно, равнодушно; я хотѣлъ
Полюбоваться вами, посмотрѣть
Красавицу, которую такъ славятъ
Вездѣ и всѣ, а не влюбляться въ васъ.
И долго, долго я на васъ глядѣлъ
Безстрастно и свободно; но потомъ,
Лишь только вы очнулись, и взгляды
Мои впились въ ваши: я не знаю,

Что сдѣлалось со мной! Затрепеталъ
 Я трепетомъ нечувственнымъ; во мнѣ
 Творилось что-то новое; мнѣ было
 И радостно, и страшно, и легко;
 Я полонъ сталъ невыразимой нѣги,
 Сладчайшей и высокой; полонъ сталъ
 Невыразимой силы, тишины
 И ясности блаженства неземнаго!
 Казалось мнѣ, что бытіе мое
 Не прежнее, что въ бытіе иное
 Перенесенъ я, въ дивный, чистый міръ
 Гармоніи и свѣта! Я люблю!
 Я васъ люблю. прекрасная Елена,
 Люблю васъ каждымъ помысломъ души
 И каждымъ чувствомъ сердца васъ люблю;
 Все, чѣмъ живу и движусь, чѣмъ я мыслю,
 Желая, вѣрю и надѣюсь. все,
 Все это — ваше; вы мой свѣтлый рай,
 Моя звѣзда, мое предназначенье;
 Вы мнѣ отвѣтъ на роковой вопросъ:
 Быть или не быть? Прекрасная Елена!

СВРЫЙ ВОЛКЪ.

Иванъ Царевичъ! не пора ль тебѣ,
 Къ царю Афрону вымѣнить коня?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Ноди ты прочь съ твоимъ царемъ Афрономъ!
 Ты видишь: мнѣ теперь не до него!
 Оставь меня!

СВРЫЙ ВОЛКЪ.

Ты сердисься, Юпитеръ . . . .

ИВАШЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Прекрасная Елена! я далъ слово
Царю Афрону васъ ему доставить:
Вотъ для чего похищены вы были,
Вотъ этимъ волкомъ. Этотъ царь Афронъ
Вашъ давній, постоянный обожатель;
Скажите мнѣ, желаете ли вы
Къ царю Афрону?

ЕЛЕНА.

Я его не знаю . . . .
Онъ сватался когда-то за меня,
И то заочно, я его не знаю.

ИВАШЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Ахъ! Не велите мнѣ васъ отдавать
Царю Афрону: онъ васъ не пойметъ,
Я лучше . . . . Онъ не силенъ такъ любить,
Какъ я люблю васъ. Вы владѣйте мною:
Я васъ введу въ отеческій мой домъ,
Къ царю Выславу; онъ благословитъ
Мою любовь, я буду счастливъ вами,
Я буду вамъ повиноваться; буду
Всѣ ваши мысли, всѣ слова и взгляды,
Всю вашу волю свято выполнять,
Привѣтливо и весело; я буду
Гордиться, величаться, ликовать
Тѣмъ, что я вашъ. Прекрасная Елена!
Согласны вы?

ЕЛЕНА.

Я плѣнница, я жертва
Безопасности придворныхъ сторожей . . . .
О, будь со мной, что надобно судьбѣ!

Я ей во всемъ смиренно отдалась;
 Я не ропщу, я не могу желать
 Къ царю Афрону . . . .

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Я васъ поздравляю,
 Прекрасная Елена, съ женихомъ
 Достойнымъ васъ по крови, по душѣ,
 По сердцу, лѣтамъ, ростомъ и лицомъ!
 Иванъ Царевичъ, что же ты молчишь?
 Счастливейшій изъ смертныхъ!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Добрый волкъ!

Чѣмъ я могу тебя благодарить?
 Я совершенно счастливъ! Это солнце
 Любви мое; оно всѣ дни мои
 Освѣтитъ ясно тихими лучами,
 Согрѣетъ нѣжно сладкой теплотой,
 И дивною красотою изукраситъ,
 И жизнью прелестной оживитъ.
 Теперь домой! Послушай, милый волкъ!
 Тебѣ не будетъ тяжело везти
 Обоихъ насъ? Вези насъ легкой рысью!

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Нѣтъ, мой Иванъ Царевичъ, погоди:
 Ты позабылъ, что надобно тебѣ
 Добыть Жаръ-Птицу.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Какъ ее добудешь?

Отдать мою прекрасную Елену
 Царю Афрону! Не отдамъ никакъ,

Ни за табунъ коней золотогривыхъ,
И ни за что на свѣтѣ не могу,
Да, не могу!

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

А рыцарское слово?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (*задумывается*).

Что ты сказалъ? Ахъ, правду ты сказалъ!
Да я несчастный, вотъ моя судьба!
И полюбилъ . . . глубоко, вдохновенно,
На весь мой вѣкъ прекрасную Елену . . . .
И съ ней разстаться! и ее отдать! . . . .
Я самъ умру! Мнѣ легче умереть,
Чѣмъ одному скитаться по землѣ!

(*Плачетъ*).

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Не плачь, Иванъ Царевичъ!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Ахъ, мой добрый волкъ;
Какъ мнѣ не плакать? Слезы льются сами;
Мнѣ тяжело, смертельно тяжело . . .
Я гибну . . . я лишусь моей Елены!

ЕЛЕНА (*плачетъ*).

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Ужь развѣ мнѣ вступить въ ваше дѣло,
Прекрасная Елена?

ЕЛЕНА.

Добрый волкъ!

Спаси его, спаси обоихъ насъ!

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Я вамъ слуга, прекрасная Елена :
 Спасу я васъ обоихъ, — успокойтесь!
 Садитесь-ка на сѣраго слугу!
 Я повезу васъ самой нѣжной рысью,
 Прохладно и сохранно въ государство
 Царя Афона; тамъ, Иванъ Царевичъ,
 Найдемъ мы лѣсъ, а въ томъ лѣсу поляну,
 И въ той полянѣ мы одну оставимъ.
 Прекрасную Елену не надолго.
 Я обернусь прекрасною Еленой,
 И ты отдашь меня царю Афрону,
 И на своемъ конѣ золотогривомъ
 Туда пріѣдешь; я же у него
 Останусь погостить, повеселиться
 Не болѣе трехъ сутокъ, убѣгу,
 И снова къ вамъ явлюся вамъ служить.

XIX.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ, ЕЛЕНА и СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

(*Въ лѣсу*).

ЕЛЕНА.

Любезный волкъ! я буду вѣчно помнить,
 Чѣмъ я тебѣ обязана, ты спасъ
 Обоихъ насъ: благодарю тебя!

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

И есть за что, прекрасная Елена!
 Ахъ, если бы вы видѣли, какъ я
 Васъ представлялъ передъ царемъ Афрономъ!
 Комедія! Когда Иванъ Царевичъ
 Покончилъ съ нимъ дѣла свои, и вышелъ

Изъ комнаты, гдѣ приняты мы были
 Блнстательно и радостно и имъ
 Самимъ и ловкой, пестрою толпой
 Золотошвейныхъ царедворцевъ; царь
 Махнулъ рукой, и я осталась съ нимъ
 Наединѣ. Онъ предложилъ мнѣ сѣсть;
 Я сѣла на диванъ подъ балдахиномъ,
 Задумчиво склонилась головой
 Къ высокой спинкѣ, очи и уста
 Полузакрyla томнымъ выраженьемъ
 Пльнительной усталости, а руки
 На бархатныхъ подушкахъ разметала;
 Во всей во мнѣ была видна печаль,
 Но тихая и нѣжная печаль,
 Подобная тѣмъ тонкимъ и прозрачнымъ,
 И мимолетнымъ вешнимъ облакамъ,
 Которыми скрываетъ иногда,
 Какъ бѣлой дымкой, пурпуры свои,
 Свой пышный блескъ веселая денница.
 Онъ преспокойно сѣлъ противъ меня,
 И занимался долго созерцаньемъ
 Моей всесовершенной красоты,
 Безпрестанно взглядами своимъ,
 Смиранными и сладкими, на мнѣ
 И медленно и мягко разсыпаясь.
 Я видѣла, что я ему мила,
 И что ему легко и хорошо.
 Потомъ сказалъ: прекрасная Елена!
 Простите мнѣ любовь мою; она,
 Отверженная . . . такъ неутомимо
 Гнула мнѣ сердце, такъ немилосердо
 Томила душу, такъ несносно-душнымъ
 Мнѣ сдѣлала путь жизни, что я вналь

Въ уныніе, въ оцѣпенѣнье чувствъ,
 Въ разладъ идей; я сталъ угрюмъ, какъ ночь
 Октябрская ненастная, ослабъ
 Душой и тѣломъ; только и желалъ
 Что умереть, — и наконецъ рѣшился!
 Но вдругъ случилось! . . . Тутъ онъ разсказалъ
 Исторію, какъ ты, Иванъ Царевичъ,
 Къ нему пришелъ, и какъ ты общалъ
 Достать ему предметъ его любви
 Въ обмѣнъ на златогриваго коня.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Да, царь Афронъ — не промахъ: онъ хотѣлъ
 Взять за коня прекрасную Елену!
 Положимъ, что и дорогъ этотъ конь:
 Онъ златогривый . . . все-таки онъ лошадь!

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Онъ говорилъ мнѣ объ высокихъ чувствахъ,
 Которыя возобновились въ немъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ я вблизи ему сіяю,
 Его кумирь, звѣзда и небеса!
 И говорилъ онъ многословно, жарко,
 Игрою души влюбленный чрезъ край,
 И пѣной удалыхъ словокруженій
 Кипѣла и блистала рѣчь его.
 Я слушала и слушала, и вдругъ
 Мнѣ захотѣлось позабыться сномъ —
 И я зѣвнула; онъ замѣтилъ это,
 И замолчалъ и потихоньку вышелъ,
 На цыпочкахъ, не смѣя идохнуть.

ЕЛЕНА.

Онъ очень милъ.

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Какъ всякій человѣкъ.

Въ присутствіи красавицы, точь-въ-точь
 Такой, какъ вы, прекрасная Елена.
 Я позабылась самымъ крѣпкимъ сномъ,
 И долго имъ покоилась и встала,
 Пробуждена горячимъ поцѣлуемъ
 Полднейнаго сіянія небесъ.
 Тотчасъ вокругъ меня засуетился
 Игривый рой прислужницъ молодыхъ :
 Предо мной наставили уборовъ
 Съ три короба; во всемъ богатство, роскошь
 И прелесть свѣжей выдумки и вкусъ.
 Я нарядилась въ бездну жемчугу,
 Въ тьму брилліантовъ, въ пышность и во блескъ!
 И засіяла, солнце красоты,
 Въ окнѣ надъ садомъ, а сама заплѣла :
 «Лишь только занялась заря
 И солнце взошло вверхъ, горя,
 И освѣтило земный кругъ,
 Пошла пастушка съ стадомъ въ лугъ
 Къ потоку чистыхъ водъ.»

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Тутъ есть и смыслъ; а то обыкновенно
 Красавицы поютъ такую гиль,
 Что право уши вянуть.

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Царь Афронъ

Меня услышалъ и ко мнѣ явился
 Съ привѣтствіемъ; поднесъ мнѣ пучъ цвѣтовъ,
 Прелестныхъ ботаническихъ растеній,
 И похвалилъ мой голосъ.

ЕЛЕНА.

Очень миль!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Онъ человѣкъ лѣтъ сорока семи.

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Обѣдали мы вмѣстѣ; онъ шутилъ
Довольно остроумно, я смѣялась
Такъ непритворно, что онъ мнѣ сказалъ:
Я радъ сердечно, что у васъ характеръ
Игривый и веселый — признаюсь:
Я не люблю красавицъ заунивныхъ,
Задумчивыхъ, томящихся и слезныхъ!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Онъ въ этомъ правъ, я тоже не люблю . . . .

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

По вечеру гуляли мы въ садахъ,
И по пруду каталися съ пальбой
И пѣснями, а прудъ былъ освѣщенъ
Потѣшными огнями — вообще
Веселостей и блеску было вдоволь.

ЕЛЕНА.

И все ему не въ прокъ?

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Все суета!

Назавтра онъ водилъ меня смотрѣть
Различныя полезныя постройки:
Теплицы, пчеловодство, домоводство
И прочее; онъ самъ мнѣ толковалъ,
Что, почему и для чего; потомъ

Спросилъ меня, что болѣе всего
 Мнѣ нравится въ его хозяйствѣ? Я
 Глаза склонила и сказала тихо :
 Молоденькіе шленскіе барашки.
 Тутъ царь Афронъ задумался, но вдругъ
 Сжалъ руку мнѣ и на меня взглянулъ
 Такъ нѣжно, такъ любовно, такъ глубоко,
 Что у меня кровь бросилась въ лицо!
 Онъ мнѣ сказалъ: прекрасная Елена!
 Назначьте день, счастливѣйшій мой день,
 Когда исполнѣ вы будете моею?
 Угодно ли вамъ завтра? Я смутилась,
 И трепетно и робко отвѣчала :
 Я непротивна . . . Мы пришли домой,
 И онъ тотчасъ отдалъ приказанье
 Готовить праздникъ; онъ былъ внѣ себя
 Отъ радости, что завтра наша свадьба.
 День догоралъ, прекрасенъ вечеръ былъ :
 Мнѣ захотѣлось походить въ саду
 И по полю, — онъ отпустилъ меня.
 Окружена блестящею толпою
 Прислужницъ, нянекъ, мамокъ и другихъ
 Чиновъ придворныхъ, я въ саду гуляла
 И вышла въ поле. Вдалекѣ чуть видно
 Синѣлся лѣсъ, я сѣла на травѣ
 И приказала имъ сѣсть; а сама
 Въ то самое мгновенье, какъ они
 На землю опускались, вдругъ вскочила
 И поминай какъ звали: прямо въ лѣсъ —
 Тамъ обернулась въ свой родимый видъ,
 И къ вамъ сюда, за тридевять земель,
 Скорѣ вѣтра прибѣжалъ вашъ волкъ,
 По прежнему готовый вамъ служить.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Вотъ молодецъ! Знай нашихъ! Каково!

ЕЛЕНА.

Миѣ жаль царя Афрона.

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Ничего!

Утѣшится и вѣрно перестанетъ
Васъ обожать; самъ вшновать: зачѣмъ
Влюбляться заочно . . . .

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Милый волкъ!

Миѣ полюбился златогривый конь:
Не можешь ли ты сдѣлать, ухитриться,
Чтобы и онъ остался у меня?
Вѣдь ты волшебный . . . .

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Я люблю тебя,

Иванъ Царевичъ, я готовъ на все,
Тебѣ въ угоду: буду златогривымъ
Конемъ. Ты за меня возмешь Жаръ-Птицу;
Я убѣгу отъ царя Долмата,
И вновь тебѣ твой добрый сѣрый волкъ.

XX.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ, ЕЛЕНА и СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

СЪРЫЙ ВОЛКЪ.

Да, царь Долматъ не удалой наѣздникъ,
Не молодецъ; лишь я прибавилъ бѣгу,

И вздыбился и бурно поскакалъ;
 Онъ оробѣлъ, онъ задрожалъ, какъ листь,
 Поводья бросилъ, вскрикнулъ: помогите!
 И бухъ съ меня на землю — я и радъ,
 Что съ нимъ легко раздѣлался — и мигомъ
 Къ вамъ прибѣжалъ. Онъ ѣздитъ очень плохо,
 Ему не кстати златогривый конь!
 Вотъ здѣсь мы остановимся: ты помнишь,
 Иванъ Царевичъ, здѣсь, на этомъ мѣстѣ,
 Я встрѣтился съ тобою въ первый разъ,
 Здѣсь растерзалъ я твоего коня,
 И вотъ теперь до этого же мѣста
 Довезъ тебя. Теперь есть у тебя
 Ретивый конь; Жарь-Птицу ты досталъ,
 И сверхъ - того досталъ себѣ невѣсту
 Прекрасную. На этомъ самомъ мѣстѣ
 Разстанемся. Прощай, Иванъ Царевичъ!
 Мой витязь добрый, будь счастливъ во всѣхъ
 Твоихъ дѣлахъ. Прекрасная Елена!
 Живите съ нимъ любовно, не слабѣйте
 Въ желаніи принадлежать ему,
 Какъ золоту блескъ золота, веснѣ
 Весенняя прохлада, лѣту лѣтній
 Жаръ и огню *сіяніе денное*;
 Единственно и крѣпко будьте вы
 Всегда здоровы, радостны; цвѣтите,
 Прекрасная Елена, упивайтесь
 Сладчайшими восторгами любви
 И юности счастливаго Ивана
 Царевича. А мнѣ теперь позвольте
 Оставить васъ: и мнѣ пора домой
 Въ мои родныя горы и вертены,
 Въ затишныя поляны и лѣса.

Иванъ Царевичъ! Я тебѣ служилъ
 Усердно; вамъ, прекрасная Елена,
 Служилъ усердно; весело мнѣ было
 Вамъ угождать; не долги и легки
 Казались мнѣ большіе перебѣги
 И трудности, какія ради васъ
 Переносилъ я; вы меня ласкали,
 Мнѣ вѣрили, вы называли волка
 Своимъ слугою милымъ и любезнымъ.
 Я отслужилъ вамъ, я не нуженъ вамъ,
 Я не могу туда, гдѣ вы живете.
 Прости меня, Иванъ Царевичъ! если
 Я огорчилъ тебя когда-нибудь,
 Неволею или волей огорчилъ,
 Прости меня и позабуди о томъ.
 А ежели я былъ тебѣ полезенъ
 Моею службою — ахъ, Иванъ Царевичъ,
 Не поминай же лихомъ ты меня.
 Прошу тебя, когда тебѣ случится
 Быть на охотѣ, и узнаешь ты,
 Что псы твои залаяли по волку, —
 Останови ихъ, не вели имъ гнаться
 За нимъ, пусть онъ бѣжитъ въ свой лѣсъ
 И поживетъ еще на бѣломъ свѣтѣ.
 Прощай, Иванъ Царевичъ, добрый мой,
 Прощайте . . . .

(Ублгаетъ).

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Онъ разжалобилъ меня,
 До слезъ меня разжалобилъ, — мой вѣрный
 Слуга, какого мнѣ ужъ не найти . . . .
 Я имъ доволенъ. (Плачетъ) Мы домой поѣдемъ;

Здѣсь недалеко. То-то будетъ радъ
 Царь-батюшка. Онъ выйдетъ на крыльцо
 Встрѣчать меня, онъ обойметъ меня,
 И самъ заплачетъ сладкими слезами
 Живѣйшаго восторга. Я скажу:
 Царь-батюшка! я вамъ привезъ Жарь-Птицу
 И съ клѣткою, а вотъ моя невѣста,
 Прекрасная Елена! Полюбите
 Ее, она прекрасна и душой!
 А этотъ конь — онъ златогривый конь, —
 Большая рѣдкость! Онъ весьма хорошъ
 Вамъ въ бѣгвые дрожки, онъ не дурень,
 А рѣзвоногъ и крѣпокъ, добрый конь!
 Ахъ милая Елена! мой отецъ
 Тебя полюбитъ — я любимый сынъ
 Его — и я съ тобою буду жить
 Такъ весело, такъ счастливо, что диво.
 И что за садъ у моего отца!
 И яблоки единственныя въ мѣрѣ.

XXI.

**ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ УБИТЫЙ. ЕЛЕНА, ДИМИТРІЙ ЦАРЕ-
 ВИЧЪ И ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.**

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ не ушла же ты отъ нашихъ рукъ.
 Прекрасная чудесная Жарь-Птица!
 И съ клѣткою! и златогривый конь,
 И сверхъ-того и эта прелесть! Кто ты,
 Несчастливая, безъ друга и въ лѣсу?
 Да полно плакать. Какъ тебя зовутъ?
 Скажи скорѣе; а не то, ты знаешь,

Ты видѣла, что мы шутить не любимъ.
Ну кто же ты?

ЕЛЕНА.

Прекрасная Елена!

ДМИТРИЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Прекрасная Елена! Слышишь, братъ?
Прекрасная Елена! Вотъ она!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Та самая Елена, о которой
Молва кричитъ во веѣ свои уста,
Что на землѣ нѣтъ ровно ничего
Подобнаго ей красотою.

ДМИТРИЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Ты ли.

Та самая? скорѣе отвѣчай,
Не бойся.

ЕЛЕНА.

Я прекрасная Елена.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ (*смотритъ на нее*)

Такъ какъ же быть: кому изъ насъ обонхъ,
Любезный братъ, принадлежитъ она?

ДМИТРИЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я старшій; разумѣется, что мнѣ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Нѣтъ, я тебѣ ея не уступлю;
Она и мнѣ понравилась, и я
Съ тобою ровень правомъ на нее.

И то сказать, на что тебѣ Елену:
Вѣдь ты влюбленъ.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Пожалуйста, не ври.
Въ кого же я влюбленъ?

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

А въ Кунигунду?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Не правда.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Какъ не правда? Ты при мнѣ
Ей изъяснялся въ пламенной любви,
Нелицемерной, вѣрной, домогильной
И даже замогильной, и потомъ
Мнѣ говорилъ, ну, помнишь поутру?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Я изъяснялся въ пламенной любви
Трактирщицѣ, любезной Кунигундѣ,
Я говорилъ . . . . Но я тогда былъ пьянъ,
Жестоко пьянъ, съ похмѣлья послѣ бала
И той проклятой ночи, какъ меня
Картежники едва не удушили.
Пропу не вѣрить пуншевымъ парамъ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ жеребій, — пускай же насъ разсудить
Сама судьба!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Пожалуй!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Вотъ сейчасъ.

(Дѣлаетъ жеребьи).

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

А ты послушай, милая, ни слова
 Не смѣй промолвить обо всемъ, что здѣсь
 Ты видѣла и слышала, ни слова!
 Молчи и знай, что если хоть во снѣ
 Ты . . . я тебѣ вотъ этой самой саблей
 Срублю головку; помни, будь умна,
 Не смѣй и плакать, и кажись веселой,
 И будь тиха, и вовсе покорись
 Своей судьбѣ.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Вотъ жеребьи. Сначала

Метнемъ на рѣзвый.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ *(вынимаетъ)*.

Рѣзвый мой!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Такъ точно!

Теперь вотъ эти: конь или Елена?

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ *(вынимаетъ)*.

Нѣтъ счастья мнѣ! Мнѣ златогривый конь!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Вотъ то-то же! Прекрасная Елена.
 Ты радуйся, что не ему досталась:
 Я на тебѣ женюсь непременно,
 И станемъ жить да поживать. Теперь
 Пора домой!

ДМИТРИЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Ты помни же, Елена . . . .

(*Улыбаются*).

XXII.

**ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ, ДМИТРИЙ ЦАРЕВИЧЪ, ВАСИЛІЙ
ЦАРЕВИЧЪ и ЕЛЕНА.**

(*Объедаютъ*).

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Я этому не вѣрю: невозможно,
Чтобъ человѣкъ, который съ юныхъ лѣтъ
До старости любилъ уединенье
И тишину ученаго труда,
Бѣжалъ разврата, жилъ благочестиво,
Возвышенный и дѣльный человѣкъ,
Вдругъ сдѣлался гулякой, чертоплясомъ.
Мерзавцемъ, волокитой. Я никакъ
Не вѣрю: есть въ природѣ переходы,
А такихъ отчаянныхъ скачковъ
Не можетъ быть. Прекрасная Елена!
Вы ничего не кушаете . . . Что вы
Такъ пасмурны? Ужь вы здоровы ли?

ДМИТРИЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Она здорова, но нельзя же ей,
Царь-батюшка, не погрустить, покуда
Не обоняла въ нашей сторонѣ,
Не осмотрѣлась; ей у насъ все вновь,
Все будто бы чужое. Сверхъ-того,
Скажу тебѣ всю правду, мы се
Похитили такъ смѣло и внезапно.
Такъ быстро торопились отъ погони,

И чтобъ скорѣй обрадовать тебя
 Жарь-Птицей, — что прекрасная Елена
 Устала съ перепугу и со спѣху.
 Дай срокъ : она привыкнетъ съ нами жить
 И насъ полюбитъ всѣхъ до одного,
 И разцвѣтетъ, и будетъ весела!
 Не правда ли, прекрасная Елена,
 Вы скоро къ намъ привыкнете?

ЕЛЕНА.

Не знаю.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

И больше всѣхъ полюбите меня?

ЕЛЕНА.

Не знаю я.

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Вѣдь вы моя невѣста!

ЦАРЬ ВИСЛАВЪ.

А гдѣ-то онъ, мой другъ Иванъ Царевичъ?

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Мы ничего не слышали объ немъ,
 Хотя вездѣ справлялись.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Гдѣ-нибудь
 Теряетъ время. ищетъ вамъ Жарь-Птицу,
 Которая находится у васъ!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Знать, онъ заѣхалъ чрезъчуръ далеко,
Иль заплутался.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Иль сидитъ въ плѣну.

Да, признаюсь! я очень удивился
Царь-батюшка, когда узналъ отъ васъ,
Что и его вы тоже отпустили
Отыскивать Жарь-Птицу; онъ дитя!
Ну мало ли, что можетъ съ нимъ случиться.
Мы, напримѣръ, мы, кажется, не дѣти,
И мы не разъ спасались отъ бѣды
Лишь случаемъ. Большіе переѣзды,
Вертепы, горы, дикіе лѣса,
Наполненные лютыми звѣрями,
И кое-гдѣ разбойники — не шутка!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Ты правъ, мой сынъ: не должно было мнѣ
Пускать его. Да мнѣ же и хотѣлось,
Чтобы онъ остался утѣшать меня;
Я всячески доказывалъ ему,
Что молодъ онъ, что этотъ подвигъ труденъ,
Опасенъ, что мнѣ нужно при себѣ
Имѣть всегда хоть одного изъ васъ;
Я говорилъ, что мало ли что можетъ
Вдругъ сдѣлаться. Онъ плакалъ, горячился,
Упрашивалъ меня, мнѣ представлялъ
Свои причины, мысли и надежды
Такъ жалобно и страстно, что я самъ
Разнѣжился и отпустилъ его.
Ахъ, живъ ли ты, мой другъ, Иванъ Царевичъ!

(Плачетъ).

(Елена плачетъ).

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Царь-батюшка! смотрите, какъ она
Васъ полюбила, милая Елена!
Заплакала, увидя ваши слезы!

ЕЛЕНА.

Я не могу не плакать!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Перестаньте, что вы!
Вы позабыли добрый мой . . . . совѣтъ!
Не плачьте же — вотъ выпейте вина!

(Входитъ Иванъ Царевичъ. Елена бросается ему на шею)

ЕЛЕНА.

Иванъ Царевичъ! мой Иванъ Царевичъ!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Мой милый сынъ, ты живъ и цѣлъ, мой сынъ!
А мы-было . . . . Прекрасная Елена!
Что это значить? Гдѣ же вы его? . . .

ЕЛЕНА.

Онъ мой женихъ, мой милый и сердечный,
Иванъ Царевичъ. Онъ досталъ для васъ
Жаръ-Птицу, златогриваго коня,
И для себя невѣсту, но дорогой
Его убили, а его добычу
Похитили!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ *(на колыняхъ)*

Царь-батюшка, прости насъ,
Мы виноваты! Братъ Иванъ Царевичъ!
Мы виноваты, мы тебя убили!
Присвоили себѣ твое добро,
Твои злодѣи . . . .

ДМИТРИЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Зависть насъ смутила.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Я ровно ничего не понимаю :
Они тебя убили, милый сынъ,
Такъ какъ же ты живой къ намъ воротился?

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я въ самомъ дѣлѣ былъ убитъ; они,
Царь-батюшка, зарѣзали меня
И мертваго покинули въ лѣсу.

ДМИТРИЙ И ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧИ.

Иванъ Царевичъ, добрый, милый братъ!
Иванъ Царевичъ! будь великодушень!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я былъ бы съѣденъ хищными звѣрями
И птицами; но, зная, судьбѣ угодно,
Чтобы не то случилось. Сѣрый волкъ,
Волшебный волкъ, пріятель мой, который
Мнѣ чрезвычайно много услужилъ
Въ моихъ дѣлахъ (я всѣмъ ему обязанъ),
Нечаянно зашелъ въ тотъ самый лѣсъ,
Узналъ меня, и, сжалясь надо мною,
Сталъ думать, какъ помочь моей бѣдѣ!
Сталъ думать; вотъ увидѣлъ онъ, что воронъ
И съ нимъ два вороненка прилетѣли
Поѣсть меня. Онъ спрятался за кустъ,
И только-что они на мнѣ усѣлись
И начали свой голодъ утолять —
Онъ прыгъ изъ-за куста на вороненка,
Схватилъ его и хочетъ растерзать!

Тогда взмолился волку старый воронъ,
 Чтобъ не губилъ онъ дѣтища его.
 Послушай же ты, воронъ вороновичъ!
 Сказалъ ему мой добрый волкъ: слетай
 За тридевять земель, и поскорѣе
 Мнѣ принеси воды живой и мертвой.
 Не принесешь, такъ будешь ты безъ сына;
 А принесешь, я отпущу его
 И цѣлымъ и здоровымъ. Принесу,
 Сказалъ ему проворно старый воронъ, —
 И полетѣлъ, и воротился къ волку
 На третьи сутки, и принесъ ему
 Два пузырька съ лѣкарствомъ. Сѣрый волкъ
 Взялъ ихъ, а вороненка разорвалъ,
 И части sprыснулъ мертвою водою,
 И вороненокъ сросся отъ лѣкарства;
 Тутъ sprыснулъ онъ его живой водою,
 И вороненокъ ожилъ, встрепенулся
 И улетѣлъ; волкъ за меня принялся:
 Онъ вылѣчилъ меня отъ смерти, рассказалъ
 Мнѣ это приключенье, и довезъ
 Меня домой до городской стѣны.

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Теперь я понялъ. Ахъ они злодѣи!
 Братоубійцы! . . .

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Братъ, Иванъ Царевичъ,
 Царь-батюшка, прекрасная Елена!
 Простите насъ!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Прочь отъ меня!

ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Не будемъ
Впредь никогда, исправимся, полюбимъ
Всѣхъ васъ. Ахъ, будьте милосерды,
Простите насъ, прекрасная Елена!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Я васъ прощаю, встаньте!

ЕЛЕНА.

Я прощаю!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Царь-батюшка, ужели ты одинъ . . . .

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Ты слишкомъ добръ, Иванъ Царевичъ. Встаньте!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ и ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

(Встаютъ и обнимаютъ брата)

Дай намъ обнять тебя, любезный братъ,
Забудь великодушно.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Все забуду!

И станемъ жить, какъ братья жить должны!
Царь-батюшка, она моя невѣста!

ЕЛЕНА.

Ты мой женихъ, моя любовь и радость,
Мой нѣжный другъ!

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ и ВАСИЛІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

(Съ бокалами въ рукахъ).

Да здравствуютъ Иванъ
Царевичъ и прекрасная Елена!

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ (*береть бокаль*).

Да здравствуетъ Царь-батюшка и вы,
Со мною помирившеся братья!

ЦАРЬ ВЫСЛАВЪ.

Живите мирно, сыновья мои,
Единодушно, ласково другъ съ другомъ,
Безхитростно, и будете счастливы,
И будете отрадою отцу
На старости. Благодарю тебя,
Иванъ Царевичъ, видѣлъ я Жарь-Птицу:
Прекрасная, единственная, чудо!
Величиной съ павлина! Золотыя
И радужныя перья! А глаза,
Какъ двѣ звѣзды востока! Для нея
Мы выстроимъ высокія палаты
Съ зеркальными окопками! Василий,
Поди и прикажи подать сюда
Десятокъ яблоковъ завѣтныхъ! Это птица!
Особенно мнѣ правится у ней
Хвостъ! Вотъ такъ хвостъ! величественный хвостъ!
Раскидистый и разными лучами
Сіяющій . . . .

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Да здравствуетъ Жарь-Птица!

НАТАЛЬЯ АЛЕКСѢЕВНА ЯЗЫКОВОЙ.

Прошла суровая година вьюгъ и бурь
Надъ пробудившейся землѣю,

Полна тепломъ и тишиною,
 Сіяетъ вешняя лазурь.
 Ея растаяны лучами,
 Сбѣжали съ горъ на долъ глубокіе снѣга;
 Ручей, усиленный водами,
 Сверкаетъ и кипитъ гремучими волнами,
 И пѣной плещетъ въ берега.
 И скоро холмъ и долъ въ свои ковры зелены
 Роскошно уберетъ царица красныхъ дней,
 И въ лиственной тѣни засвищетъ соловей
 И сладкогласный и влюбленный.
 Какъ хороша весна! Какъ я люблю ее
 Здѣсь, въ сторонѣ моей родимой,
 Гдѣ льется мирно и незримо
 Мое привольное житье;
 Гдѣ я могу такимъ покоемъ наслаждаться,
 Какого я не зналъ нигдѣ и никогда,
 И мыслить, и мечтать, и страстно забываться
 Передъ свѣтильникомъ труда;
 Гдѣ озаренъ его сіяньемъ величавымъ,
 Поникнувъ на руку безоблачнымъ челомъ,
 Я міру чуждъ, и радостямъ лукавымъ,
 И суетамъ, господствующимъ въ немъ;
 И счастливъ, не хочу ни въ мраморны палаты,
 Ни въ шумъ блистательныхъ пировъ!
 И васъ зову сюда, подъ мой наслѣдній кровъ,
 Уединеніемъ богатый,
 Въ просторъ и тишь, на злачны скаты
 Моихъ березовыхъ садовъ,
 Въ лѣсъ и поляны за дорогой,
 И къ рѣчкѣ, шепчущей подъ сумракомъ ракитъ,
 И къ зыбкимъ берегамъ, гдѣ апсть красноногой
 Безпечно бродитъ цѣль и сытъ;

Зову на свѣтлый прудъ, туда, гдѣ тѣнь густую
 Склонилъ къ водамъ нагорный садъ,
 Туда и на мостки и въ лодку удалю,
 И весла дружно загремятъ!
 Я васъ сюда зову гулять и прохладяться,
 Пить медъ свободнаго и мирнаго житья,
 Закатомъ солнца любоваться,
 И засыпать подъ трели соловья.

ПЕТРУ НИКОЛАЕВИЧУ ШЕНЕЛЕНУ.

Онъ прищурился спѣсво,
 Онъ глядитъ черезъ плечо;
 Аргамакъ его ретивой
 Разыгрался горячо,
 Чуетъ всадникову волю,
 И могучъ и рѣзвоногъ,
 Мчится съ нимъ по чисту полю:
 То-то топотъ, то-то скокъ!

Это твой скакунъ удалый,
 Это ты, когда-то, мой
 Собесѣдникъ запоздалый
 Тамъ, у жизни молодой
 На привольи просвѣщенья!...
 Ты оставилъ мирныхъ музъ,
 И воинскія ученья
 Полюбилъ, крутя свой усь.

И досуга полковаго
 Въ сизыхъ, дымныхъ облакахъ

Потонувъ, ты чуждъ былого,
Пребывающій въ мечтахъ
Про великія награды
Бога копій и мечей;
А потѣхи и прохлады
И надежды юныхъ дней,

Книжный бытъ и Нины милой
Взоры полные любви,
Все, что прежде кипятило
Чувства свѣжія твои,
Ты забылъ. А юность наша,
Хороша была она:
Хороша была, какъ чаша
Искрометнаго вина!

Рѣзвый блескъ ея и сладость,
И хвала за то судьбѣ!
Я воспѣлъ друзьямъ на радость,
Въ украшеніе себѣ,
И гузливые бывало
Чтятъ поэта своего! . . . .
Гдѣ жь они? Однихъ не стало,
А другимъ не до него!

Я жь и нынѣ, музъ поклонникъ,
Помню молодость мою
И тебѣ, мой милый конникъ,
Братски руку подаю!
Будь ты смѣлъ передъ врагами,
Дорогъ родинѣ своей,
И геройскими дѣлами
Возрастай и просвѣтлѣй.

ЕВГЕНИЮ АБРАМОВИЧУ БАРАТЫНСКОМУ.

Покинулъ лиру ты. Въ обычномъ шумѣ свѣта
 Тебѣ не до нея. Я помню этотъ шумъ,
 Я знаю этотъ шумъ. Онъ вреденъ для поэта:
 Снотворно дѣйствуетъ на умъ!

Счастливъ, кто убѣжалъ изъ свѣтскихъ наслажденій,
 Отъ городскихъ забавъ, превратностей и смутъ
 Далеко въ тишь и глушь, въ приволье вдохновеній,
 Въ душеспасительный пріютъ.

Иди же ты въ свои родимыя долины,
 На свѣжіе луга поемныхъ береговъ,
 Подъ тѣнь густыхъ вѣтвей, гдѣ трели соловьины,
 Гдѣ лепетаніе ручьевъ.

Свобода и покой, хранители поэта,
 Дадутъ твоей душѣ и бодрость и просторъ,
 И вдохновеніемъ, какъ было въ прежни лѣта,
 Свѣтло заискрится твой взоръ.

И лиру ты возмешь, проснется золотая,
 И снова запоетъ о жизни и любви,
 И звуки полетятъ, красуясь и играя,
 Живые, чистые твои!

Не медли, другъ и братъ. Судьбу твою рѣшила
 Поэзія. О! Будь же вѣренъ ей всегда:
 Она одна тебѣ прибѣжище и сила,
 Она твой долгъ, твоя звѣзда!

И что же на землѣ и сладостнѣй и краше?
 Дай руку мнѣ! Возстань съ возвышеннымъ челомъ,
 И ради нашихъ музъ, и ради дружбы нашей,
 Явись на поприщѣ твоемъ!

Явись и торжествуй, и славою своею
 Обрадуй вновь Парнасъ и оживи меня!
 Да многіе пѣвцы исчезнуть передъ нею,
 Какъ снѣгъ передъ лицомъ огня!

А. С. ПУШКИНУ.

Не вовсе чужа Бога свѣта
 Въ моей неполной головѣ,
 Не вѣря вѣтренной молвѣ,
 Я благосклоннаго привѣта —
 Клянусь парнасскимъ божествомъ,
 Клянуся юности дарами:
 Наукой, честью и виномъ
 И вдохновенными стихами —
 Въ тиши безвѣстности, не ждалъ
 Отъ сына музы своенравной,
 Равно торжественной и славной
 И высшей рока и похвалъ.
 Пѣвецъ единственной забавы,
 Пѣвецъ вакхическихъ картинъ,
 И . . . . скихъ дѣвъ и . . . . скихъ винъ,
 И прозелить журнальной славы,

.....
 .....
 .....

Такъ я тебя благодарю.
 Богъ вѣсть что въ мірѣ ожидаетъ
 Мои стихи, что буду я
 На темномъ полѣ бытія,
 Куда неопытность моя
 Меня зачѣмъ-то порываетъ;
 Но будь, что будетъ — не боюсь:
 Въ бытописаньи русскихъ музъ
 Меня твое благоволенье
 Предастъ въ другое поколѣнье.
 И сталь плѣшиваго косца,
 Всему ужасная, не скоситъ
 Тобой хранимаго пѣвца.
 Такъ камень съ низменныхъ полей
 Носитель зевсовыхъ огней,
 Играя, на гору заноситъ.

М А Л А Г А .

Въ мои былые дни, въ дни юности счастливой,
 Вино шипучее я пилъ,
 И вкусъ, и блескъ его, и хмѣль его игривый,
 Друзья, не мало я хвалилъ;
 Сверкало золотомъ, кипѣло пѣной бѣлой
 Насъ развивавшее питье,
 Воспламенялось и кипѣло
 Воображеніе мое;
 Надежды и мечты, свободныя, живыя,
 Летали весело, легко,
 И заносилися, прекрасно-молодыя,

Онъ далеко, высоко!
 Шумъ, пѣсни, крикъ и звонъ въ прелестный гулъ сли-
 вались;
 Студентскій пиръ порядкомъ шолъ,
 И чаши объ полъ разбивались,
 Разгульный тѣша произволъ!

Остепеняють насъ и учатъ насъ замѣтно
 Лѣта и бремя бытія:
 Такъ нынѣ буйный хмѣль струи золотоцвѣтной
 Не веселитъ меня, друзья,
 Ни кипятокъ ея, ни блескъ ея мгновенной;
 Такъ нынѣ мнѣ уже милѣй
 Напитокъ смирный и безпѣнный,
 Вино густое, какъ елей,
 И черное, какъ смоль, какъ очи дѣвы горной,
 И мягкосладкое, какъ мѣдъ;
 Милѣй мнѣ тихій пиръ и разговоръ неспорной,
 Рѣчей и мыслей плавный ходъ;
 Милѣй почтительно-ласкаемая чаша,
 Чѣмъ пѣсни, крикъ, и звонъ, и шумъ!
 Друзья, странна мнѣ юность наша:
 У ней все было наобумъ!

НИЦА ПРИМОРСКАЯ.

Теперь, когда у насъ природный, старый другъ
 Морозовъ и снѣговъ и голосистыхъ вьюгъ,
 Господствуетъ зима, когда суровый холодъ
 Къ намъ въ дома просится и стучаетъ, какъ молотъ.

Въ ихъ стѣны мерзлыя, когда у насъ земля
 Сномъ богатырскимъ спитъ и блескомъ хрустала
 Осыпаны дубы и сосны вѣковыя;
 Здѣсь нѣтъ снѣговъ и бурь, здѣсь яркоглубыя
 И по весеннему сіяютъ небеса;
 Лимонные сады, оливныя лѣса,
 И роза милая, и пальма величава,
 И знаменитый лавръ, и пышная агава
 Открыто нѣжатся при шумѣ водъ морскихъ.
 Благословенный край! Отрада для больныхъ!
 Зимовье праведно хвалимое врачами!
 И много здѣсь гостей! Ихъ цѣлыми семьями
 Сюда изъ дальнихъ странъ сгоняетъ аквилонъ;
 Здѣсь и россійской князь, здѣсь и нѣмецкій фонъ,
 И англійскій млордъ, ихъ жены, дѣти, слуги
 Проводятъ мирныя приморскіе досуги
 На тепломъ берегу, на ясномъ свѣтѣ дня;
 Житье здѣсь хоть куда для самага меня!
 Здѣсь есть и для меня три сладостныя блага:
 Уединенный садъ, видъ моря и малага.

ПЕРЕѢЗДЪ ЧЕРЕЗЪ ПРИМОРСКІЯ АЛЬНЫ.

Я много претерпѣлъ и побѣдилъ невзгодъ,
 И страховъ и досадъ, когда отъ Комскихъ водъ
 До Средиземныхъ водъ мы странствовали, строгой
 Судьбой гонимые: окольною дорогою,
 По горнымъ высотамъ, въ осенній хладъ и мракъ,
 Мѣстами какъ-нибудь, мѣстами кое-какъ,
 Тащили мулы насъ и тощи и нерьяны:

То вредоносные миланскіе туманы,
И долгіе дожди, которыми Туринъ
Тогда печалился, и грязь его долинь,
Не давно выплывшихъ изъ бури наводненья;
То вѣтеръ съ сыростью, и скудость отопленья
Въ гостинницахъ, гдѣ блескъ, и пышность, и просторъ,
Хрусталь, и серебро, и мраморъ, и фарфоръ,
И стѣны въ зеркалахъ, глазамъ большая нѣга!
А нѣтъ лишь прелести осенняго ночлега:
Продрогшимъ странникамъ нѣтъ млага тепла;
То шемонтская пронзительная мгла,
И вдругъ, неожиданная подъ небесами юга,
Лихая дочь зимы, знакомка наша, вьюга,
Которой пѣніе и сладостно подъ часъ
Намъ людямъ сѣвернымъ, баюкавшее насъ.
Насъ встрѣтила въ горахъ, летая, распѣвая,
И славно по горамъ гуляла удалая!
Все угнетало насъ. Но берегъ! День встаетъ!
Италянскій день! Открытый неба сводъ
Лазурью, золотомъ и пурпурами блещетъ,
И море свѣтлое колышется и плещетъ!

ЮГАННСБЕРГЪ.

Изъ горъ, которыми картинный рейнскій край
Гордится праведно, плѣнительный, какъ рай,
Которыхъ имена далеко и далеко
Но свѣту славятся, честимыя высоко,
И радуютъ сердца, и движутъ разговоръ
На сѣверныхъ пирахъ, одна изъ этихъ горъ.

Не то, чтобъ цѣлостью громадныхъ стѣнъ и башенъ
 Старинныхъ верхъ ея понинѣ былъ украшенъ,
 Не то, чтобъ рыцарей гнѣздившихся на ней
 Исторія была древнѣе и полнѣи,
 Была прекраснѣе воинская ихъ слава,
 Одна изъ этихъ горъ, она по Рейну справа,
 Вдали отъ береговъ, но съ волнъ его видна,
 Ивановъ гора, достойно почтена
 Всѣхъ выше славою: на ней растетъ и зрѣеть
 Вино первѣйшее; предъ тѣмъ виномъ блѣднѣетъ
 Краса всѣхъ прочихъ винъ, какъ звѣзды предъ луной
 О! Дивное вино! Струею золотой
 Оно бѣжитъ въ стаканъ, не пѣнно, не игриво,
 Но важно, весело, величественно, живо,
 И охмѣляетъ насъ и нѣжить, такъ сказать,
 Глубокомысленно. Такая благодать,
 Что старецъ, о дѣлахъ минувшихъ разсуждая,
 Воспламеняется, какъ радость молодая,
 Припомнивъ день и часъ, когда онъ пилъ его
 Въ кругу друзей, порой разгула своего,
 Тамъ, тамъ у рейнскихъ водъ подъ липою зеленою
 Такая благодать, что внукъ его ученый
 Желалъ бы на свои студентскіе ширы,
 Хоть изрѣдка, вина съ Ивановой горы.

МОРСКАЯ ТОНЯ.

Море ясно, море блещетъ;
 Но уже, то здѣсь, то тамъ,
 Тѣнь палетная трепещетъ,

Пробѣгая по зыбямъ;
 Вдругъ поднимутся и хлынуть
 Темны водныя струи,
 И высоко волны вскинуть
 Гребни бѣлые свои;
 Буря будетъ, тучи грянуть,
 И пучина зареветъ.
 Рыбаки проворно тянутъ
 Неводъ на берегъ изъ водъ.
 Грузно! Что ты, сине море,
 Дало имъ за тяжкій трудъ?
 Много ты въ своемъ просторѣ
 Водишь рыбъ и всякихъ чудъ;
 Много камней самоцвѣтныхъ,
 Жемчуговъ и янтарей,
 Драгоценностей несмѣтныхъ,
 Соблазняющихъ людей,
 Въ роковой твоей пучинѣ,
 Бережетъ скупое дно:
 Что жь ты дало ль море сине
 Рыбакамъ хотъ на вино?
 Неводъ вытащенъ. Немного
 Обитателей морскихъ.
 Отъ сокровищъ бездны строгой
 Нѣтъ подарковъ дорогихъ!
 Вотъ лежитъ, блестя глазами,
 Злой, прожорливый мокой
 Съ костоломными зубами!
 Вотъ огромный блинъ морской
 Красноносый, краснотубый,
 Съ отвратительнымъ хвостомъ!
 Да скатавшася въ клубы
 На раздольѣ волновомъ,

Воза съ два морскаго сору,
 И одинъ морской паукъ;
 А тащили словно гору,
 А трудились сотни рукъ!
 • Море стихло, море ясно;
 Въ хрусталѣ его живомъ
 Разыгрался день прекрасной
 Златомъ, пурпуромъ, огнёмъ;
 Видомъ моря любоваться
 Собралась толпа гостей.
 Ей мѣшаютъ наслаждаться
 Рыбаки: бѣгутъ за ней
 И канючатъ, денегъ просятъ:
 Бѣднякамъ изъ•бедны водъ
 Сѣти длинныя выносятъ
 Непитательный доходъ!

Б У Р Я.

Громадныя тучи нависли широко
 Надъ моремъ, и скрыли блистательный день;
 И въ синюю бездну спустилась глубоко,
 И въ ней улеглася тяжелая тѣнь:
 Но бездна морская уже негодуеть;
 Ей хочется свѣта и ропщеть она,
 И скоро, могучая, встанеть грозна,
 Пространно и громко она забушуеть.

Великую силу уже подымая,
 Полки онъ строить изъ водныхъ громадъ;

И валъ-великанъ, головою качая,
 Становится въ рядъ, и ряды говорятъ;
 И вотъ свои смуглыя лица нахмуря,
 И бѣлыя гребни колебля, они
 Идутъ. Въ черныхъ тучахъ блеснули огни,
 И громъ загудѣлъ. Начинается буря.

Э Л Е Г И Я.

День ненастный, темный; тучи
 Низко, низко надъ горой,
 Вялы, тихи и плакучи,
 Длинной тянутся грядой;
 Садъ безлюдень, смолкли птицы,
 Деревя дождемъ шумять:
 Двѣ красавицы-дѣвицы,
 Двѣ пѣвуны, двѣ сестрицы
 Не пойдутъ сегодня въ садъ!

А вчера онѣ, при треляхъ
 Соловья и при лунѣ,
 Тамъ летали на качеляхъ
 Соблазнительно однѣ;
 И качели ихъ качаютъ
 Мягко, будто на рукахъ:
 Осторожно поднимаютъ,
 Осторожно опускаютъ
 Быстролетный свой размахъ!

А вчера поклонникъ скромный
 Граціи, медикъ молодой,

Удовольственно и томно
 Любовался ихъ игрой,
 И размашисто качалась,
 Какъ онѣ, его мечта,
 Поднималась, опускалась:
 Ей легко передавалась
 Ихъ летаній быстрота.

День ненастный, день враждебный
 Очарованнымъ сердцамъ,
 И ходьбѣ многоцѣлебной,
 И лекарственнымъ водамъ!
 Но за то въ немъ нѣтъ томленья,
 Лѣни, жару; онѣ здоровъ
 Мнѣ въ тиши уединенья,
 Для свободы размышленья,
 Для писанія стиховъ.

П Л О В Е Ц Ъ .

Еще разыгрывались воды,
 Не подымался бѣлый валъ,
 И громъ летящей непогоды
 Лишь на краю небесъ чуть видномъ рокоталъ;

А онѣ, пловецъ, онѣ былъ далѣко
 На синевѣ стеклянныхъ волнъ,
 И день сіялъ еще высоко,
 А въ пристань ужъ вбѣгалъ его послушный челнъ.

До разгремѣвшагося грома,
 До бури водъ, желанный брегъ
 Увидѣлъ онъ, и вкусить дома
 Родной веселый пиръ и сладостный ночлегъ.

Хвала ему! Онъ отплылъ рано:
 Когда дремали небеса,
 И въ морѣ блескъ луны багряной
 Еще дрожалъ, ужъ онъ готовилъ паруса,

И поднялъ ихъ онъ, бодръ и свѣтелъ,
 Когда едва проснулся день,
 И въ третій разъ пропѣвшій пѣтель
 Къ работѣ приглашалъ заспавшуюся лѣнь.

У Н Д И Н А.

Когда невесело осенній день взойдетъ
 И хмурится; когда и дождикъ ливня льетъ,
 И снѣгъ летитъ, какъ пухъ, и окна залѣпляетъ;
 Когда каминъ уже гудитъ и озаряетъ
 Янтарнымъ пламенемъ смиренный твой пріютъ,
 И у тебя тепло; а твой любимый трудъ,
 Отъ скуки и тоски заступникъ твой надежной,
 А тихая мечта, милѣе дѣвы нѣжной,
 Привыкшая тебя ласкать и утѣшать,
 Уединенія краса и благодать,
 Чуждается тебя; бездѣйственно и сонно
 Идетъ за часомъ часъ, и ты неутомонно
 Кручиннишься: тогда будь дома и одинъ,

Стола не уставляй богатствомъ рейнскихъ винъ,
 И жженки изъ вина, изъ сахару, да рому,
 Ты не вари: съ нея бываетъ много грому;
 И не зови твоихъ товарищей-друзей
 Пображничать съ тобой до утреннихъ лучей:
 Друзья, они придуть и шумно запируютъ,
 Состукнуть чаши въ ладъ, тебя назовутъ,
 И пѣсню запоютъ во славу лучшихъ лѣтъ;
 Развеселишься ты, а можетъ-быть и нѣтъ:
 Случалось, что хмѣль усиливалъ кручину!
 Ихъ не зови; читай Жуковскаго Ундину:
 Она тебя займетъ и освѣжитъ; ты въ ней
 Отраду вѣрную найдешь себѣ скорѣй.
 Ты будешь полонъ силъ и тишины высокой,
 Какихъ не дать тебѣ ни твой разгулъ широкой,
 Ни пѣсня юности, ни чашъ заздравный звонъ,
 И былъ твой грустный день, какъ быстролетный сонъ!

ВЪ СТИХАМЪ МОИМЪ.

Небо знойно, воздухъ мутенъ,
 Горный ключъ чуть-чуть журчитъ,
 Садъ тѣнистый безпріютенъ,
 Не шелохнетъ и молчитъ.

Попечитель винограда,
 Лѣтній жаръ ко мнѣ суровъ;
 Онъ противенъ мнѣ излада,
 Онъ, томящій до упада,
 Рыжій врагъ моихъ стиховъ.

Ну-те, братцы, вольно, смѣло!
 Собирайся рать моя!
 Намъ давно пора за дѣло,
 Ну, проворнѣе, друзья!

Неповертливо и ломко
 Слово жметя въ мѣрный строй,
 И выходитъ стихъ не ёмкой,
 Стихъ растянутый, негромкой,
 Сонный, слабый и плохой.

Право лучше знаменитой
 Нашъ морозъ: хотъ онъ порой
 И стучится къ намъ сердито;
 Но тогда каминъ со мною.

Мнѣ тепло, и горя мало,
 Хорошо душѣ тогда:
 Въ стихъ слова идутъ не вяло,
 Строенъ, крѣпокъ онъ удаю
 И способенъ хотъ куда!

КОРАБЛЬ.

Люблю смотрѣть на синее море,
 Въ тотъ часъ, какъ съ края въ край на волновомъ
 просторѣ,

Гроза рокочетъ и реветъ;
 А побѣдитель волнъ, громовъ и непогодъ,
 И смѣлъ, и гордъ своею славой,
 Корабль въ даль бурныхъ водъ уходитъ величаво!

ДЕВЯТОЕ МАЯ, 1839.

То ли дѣло, какъ бывало
 Въ Дерптѣ шумно, разудало
 Отправляя я этотъ день!
 Русскихъ, насъ тамъ было много,
 Жили мы тогда не строго,
 Собрались мы въ садѣ, подъ тѣнь,
 На лугу кружкомъ сидѣли:
 Ужь мы пили, ужь мы пѣли!
 Въ удовольствіи хмѣльномъ
 Самъ стихи мои читалъ я,
 И чтанье запивалъ я
 Сокрушительнымъ питьемъ;
 И друзья меня ласкали:
 Миѣ они рукоплескали,
 И за здравіе мое
 Чаши чокалися звонко,
 Чаши, налитыя жжёнкой:
 Безподобное житье!

Гдѣ жь я нынѣ? Какъ жестоко,
 Какъ внезапно, одиноко,
 Отъ моихъ счастливыхъ дней
 Унесенъ я въ страны дальни,
 Путешественникъ печальный,
 Не великій Одиссей!
 Рейнгъ увижу! Старецъ славный,
 Онъ Дунаю братъ державный,
 Онъ студентамъ доброхотъ;
 На своихъ коняхъ нерьяныхъ,

На своихъ волнахъ стекляныхъ
Онъ меня перевезетъ
Въ садъ веселый и богатый,
На холмы и горы скаты
Виноградниковъ своихъ;
Тамъ остатки величавы
Вѣры, мужества и славы
Воевателей былыхъ;
Тамъ въ тиши, въ виду ихъ дерзкихъ
Стѣнъ и башенъ кавалерскихъ,
Племя смирное цвѣтетъ,
И поэтъ изъ странъ далѣкихъ,
Съ водъ глубокихъ и широкихъ,
Съ водъ великихъ, съ волжскихъ водъ,
Я тебѣ, многовѣнчаный
Старецъ - Рейнъ, вѣнокъ нежданный
Изъ стиховъ моихъ совью!
И для гостя дорогаго,
Изъ ведра заповѣднаго,
Рюмку синюю твою
Вѣковымъ виномъ нальешь ты
И поэту поднесешь ты:
Помню я: въ твоемъ винѣ
Много жизни, много силы;
Но увы мнѣ! старецъ милый,
Пить его уже не мнѣ!

**ГРАФУ ВЛАДИМИРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
СОЛЛОГУБУ.**

Тебя — ты мнѣ родня по мѣсту воспитанья,
 Моихъ стиховъ, моей судьбы,
 По лѣтамъ юности, години процвѣтанья
 Работъ ученыхъ и гульбы,
 Студентскихъ праздниковъ, студентскихъ пѣснопѣній
 И романтическихъ одеждъ,
 Годины свѣтлыхъ думъ, веселыхъ вдохновеній,
 Желаній гордыхъ и надеждъ,
 Ты добрый молодець, себя не погубившій
 Въ стѣлпцѣ, на бою суетъ,
 Свободною душой, почтенно сохранившій
 И жаръ, и доблесть юныхъ лѣтъ,
 И крѣпкую любовь къ отеческому краю,
 И громозвучный нашъ языкъ —
 Тебя привѣтствую, тебя благословляю,
 Тебя, счастливый ученикъ
 Той жизни сладостной, которую стихами
 Я горячо провозглашалъ,
 Илѣнявшійся ея блестящими дарами
 И лестью дружескихъ похвалъ;
 Привѣтствую тебя, подъ знаменемъ Камены,
 На много, много славныхъ дѣлъ!
 Люби ее всегда, не жди отъ ней измѣны,
 Ея любовью твердь и смѣль!
 Обманчивой волной молвы не увлекайся,
 Не вѣрь ни бранямъ, ни хваламъ
 Продажныхъ голосовъ, въ ихъ споры не мѣшайся
 Въ ихъ непристойный крикъ и гамъ,

Но чувствуя себя, судьбы своей высокой
 Не забывая никогда,
 Но тихъ и величавъ, проникнутой глубоко
 Святыней чистаго труда,
 Будь самъ себѣ судьей, суди себя сурово . . . .
 И паче всякаго грѣха,
 Бѣги ты лѣни: въ ней слабѣютъ умъ и слово.
 Полетъ мечты и звонъ стиха;
 Ты будь неутомимъ! Когда на Русь Святую,
 Когда въ чужбинѣ я свою
 Неугомонную тоску перетоскую
 И чашу горькую допью,
 Въ Симбирскъ я возвращусь, въ мое уединенье,
 Въ покой родимаго гнѣзда,
 На благодатное, привольное сидѣнье,
 Здоровъ и радостенъ; тогда
 Меня ты посѣтишь въ моемъ пріютѣ миломъ;
 Тогда камнѣ, домашній другъ
 Моихъ парнасскихъ дѣлъ, янтарнымъ, яркимъ пыломъ
 Освѣтитъ мирный нашъ досугъ,
 И мы, по способу пѣвца Вильгельма-Теля,
 Составимъ славное питье,
 И будемъ бражничать и вмѣстѣ полны хмѣля
 Помянемъ деритское житье,
 И наши прошлыя, лирическія лѣта;
 Потомъ, давай твоихъ стиховъ
 И прозы, все читай! Я слушаю поэта,
 До ночи слушать я готовъ
 Тебя; въ созданіяхъ души твоей прекрасной
 Въ картинахъ вѣрныхъ и живыхъ,
 Въ гармоніи стиха съ игрою мысли ясной
 И вдохновеніяхъ твоихъ
 Легко, восторженно забудусь я съ тобою . . . .

Часы летять, давно погасъ
 Каминъ, давно мой цуниъ простылъ передо мною,
 И вотъ денница занялась! . . . .

М А Я К Ъ.

Межъ моремъ и небомъ, на горной вершинѣ
 Отважно поставленъ бросать по водамъ,
 Отраднѣй, спасительнѣй свѣтъ кораблямъ.
 Застигнутымъ ночью на бурной пучинѣ.

Ты волю благую достойно творишь:
 Встаешь ли свирѣбое море волнами,
 Волнами хватая тебя, какъ руками,
 Обрунить тебя въ глубину: ты стоишь!

И небо въ тебя свѣтопоснаго мечеть
 Свой громъ, раздробляющій горы: ты цѣль:
 Онь, словно какъ пыль, по тебѣ пролетѣлъ,
 И бурное море тебѣ рукоплещеть!

КРЕЙЦНАХСКІЯ СОЛОВАРИИ.

Предо мной скалы и горы!
 Тѣсно сковываетъ взоры
 Высь подоблачныхъ громадъ!
 Вотъ на солнечномъ ихъ скатѣ

Жарко нѣжится въ халатѣ
 Полосатомъ виноградѣ!
 Вотъ густая сѣнь акаціи,
 Для больныхъ мужчинъ и грацій
 Садъ съ цѣлебнымъ ручейкомъ!
 Два сарая подѣ горами
 Длинные, черны, съ шатунами
 Съ иксіонскимъ колесомъ!
 Скучный видъ! Вотъ гдѣ я нынѣ!
 Въ щели горъ, въ глухой лощинѣ,
 На лѣкарственныхъ водахъ!
 Жду отъ нихъ себѣ помощи!
 Сбился я съ моеи дороги
 Сильно къ Нѣмцамъ за Крейцнахъ.

Г А С Т У Н А .

Такъ, вотъ она, моя желанная Гастуна,
 Издревле славная, *Gastuna tantum una*
 Чудесной силою цѣлительныхъ ключей!
 Великій Парацельсъ, мудрѣйшій изъ врачей,
 Глубокомысленный таинственникъ природы
 Уже изслѣдовалъ живыя эти воды;
 Онъ хвалитъ ихъ, и самъ предписывалъ больнымъ,
 И вновь они цвѣли, здоровьемъ молодымъ!
 Великій человекъ! Хвала его не втунѣ:
 Донынѣ многіе находятъ лишь въ Гастунѣ
 Возстановленіе своихъ упавшихъ силъ;
 И я изъ дальнихъ странъ къ ея ключамъ спѣшилъ,

Въ предѣлѣ подоблачный, на этотъ воздухъ горный,
Прохладно-сладостный, чудесно-животворный! . . . .

Э Л Е Г И Я .

Толпа ли дѣвочекъ крикливая, живая,
На фабрику сучить сигары поспѣшая,
Шумить по улицѣ; иль добрый нашъ сосѣдь,
Окончивъ чтеніе сегодняшнихъ газетъ,
Уже глядитъ въ окно и тихо созерцаетъ.
Какъ близъ него кузнецъ подковы подшиваетъ
Коровѣ, иль ослу; иль пара дюжихъ псовъ.
Тележку полную капусты иль бобовъ
Тащить по мостовой, работая всей силою;
Служанка-ль, красота развившаяся мило,
Склонилась надъ ведромъ, готова мыть крыльцо,
А колоды, между-тѣмъ румянить ей лицо,
А вѣтранный зефиръ заигрываетъ съ нею,
Теребить съ плечъ платокъ, и раскрываетъ шею,
Прельщенный пышностью живыхъ лицей и розъ;
Повозникъ ли, бичомъ пощелкивая, возъ
Высокой, громоздкой и длинной-передлинной,
Гдѣ нѣсколько семей подъ крышкою холстинной,
Разнобоярщина изъ многихъ странъ и мѣстъ,
Нашли себѣ весьма удобный переѣздъ,
Свой поновѣсный возъ къ гостинницѣ подводить,
И самъ почтенный Дицъ, встрѣчать его выходить,
И Золотой Сарай хлопочетъ и звонить;
Иль вдругъ вся улица народомъ закипитъ:
Торжественно идетъ музыка боевая,

За ней гражданскій полкъ, воинственно ступая.
 Въ великолѣпнн, въ порядкѣ строевомъ
 Красуется, неся ганавскій огонь и громъ:
 Защита вѣчныхъ правъ, полезное явленье;
 Торопится ль въ нашъ домъ на страстное сидѣнье
 Прелестница, франтя нарядомъ щегольскимъ,
 И новымъ зонтикомъ, и платьемъ голубымъ,
 Та бѣлотѣлая и сладостная Дора . . .
 Взойдетъ ли ясная осенняя аврора,
 Или туманный день печалень и сердитъ,
 И снѣгомъ и дождемъ въ окно мое стучить —
 И чтобъ ни дѣлалось передо мною: мукъ
 Однѣ и тѣжъ со мной; возьму ли книгу въ руки,
 Берусь ли за перо; всегда со мной тоска.
 Пора же мнѣ домой . . . Россія далека!
 И трудно мнѣ дышать, и сердце замираетъ;
 Но никогда меня тоска не угнетаетъ
 Такъ сокрушительно, такъ грубо, какъ въ тотъ часъ,
 Когда вечерннй лучъ давно уже погасъ,
 Когда все спитъ, когда одни мои лишь очи
 Не спятъ, лишеныя благословеннй ночи.

Э л е г и я .

Здѣсь горы съ двухъ сторонъ стоятъ, какъ двѣ стѣны:
 Межъ ними тѣсннй долъ и царство тишины.
 Однообразне въ глуши уединенья;
 Градскія суеты, градскія наслажденья
 Здѣсь рѣдко видятся и слышатся: пороф
 Пройдетъ съ курантами потѣшникъ площадной.

Старикъ, усердный жрецъ и музыки и Вакха;
 Пройдетъ комедія: сынъ Брута или Гракха
 И свищетъ онъ въ свирѣль, и бьетъ онъ въ барабанъ.
 Ведя полдюжины голодныхъ обезьянъ!
 Тоска несносная! Но есть одна отрада:
 Между густыхъ вѣтвей общественнаго сада
 Мелькаетъ легкая, летучая, какъ тѣнь,
 Красавица; свѣтла и весела, какъ день,
 Она живительно бодритъ и поднимаетъ
 Мои падающій духъ; она воспаляетъ
 Во мнѣ желаніе писать стихи ей въ честь,
 Стихи любовные. Еще отрада есть:
 Вогъ вечеръ, воздухъ свѣжъ, деревья погемнѣли,
 И, чу! поетъ она; серебряныя трели,
 Играя и кружась, взвиваясь надо мной,
 Манятъ, зовутъ меня волшебю въ міръ иной,
 Въ мои былые дни, и нѣга въ грудь мнѣ льется,
 И сладко, сладко мнѣ, а сердце такъ и бьется! . . .

СЕРЖАНТЪ СУРМИНЪ.

(БЫЛЬ.)

Былъ у меня пріятель, мой сосѣдъ,
 Старикъ, почти семидесяти лѣтъ,
 Старикъ, какихъ весьма немного нынѣ,
 Здоровой; онъ давно ужъ заплатилъ
 Свой долгъ отчизнѣ: въ гвардіи служилъ
 Еще при матушкѣ Екатеринѣ,
 При Павлѣ онъ съ Суворовымъ ходилъ

Противу Галловъ. Мой сосѣдь любилъ
 Поговорить, и говорилъ прекрасно,
 О прошломъ вѣкъ, жарко, даже страстно!
 Ко мнѣ въ деревню, по воскреснымъ днямъ,
 Онъ приѣзжалъ, не скучно было намъ!
 Я вообще выслушиваю жадно
 Изустныя преданья, въ нихъ у насъ
 Для будущей исторіи запасъ,
 И мой сосѣдь, рассказывалъ такъ складно,
 Что хоть куда! Одинъ его рассказъ
 Я повторю стихами, какъ съумѣю:
 Употребляя въ немъ прозопопею:
 «Вотъ то то же! Вы спорите всегда!
 Въ нашъ вѣкъ, ни чуть не хуже люди были
 И что бы вы объ немъ ни говорили,
 А жить не трудно было намъ тогда!
 Согласенъ я, что черезчуръ любили
 Роскошничать и денегъ не щадили
 Тогдашніе большіе господа!
 За то они гораздо проще были,
 Они добрѣе, мягче были къ намъ,
 Неименитымъ, маленькимъ чинамъ.
 Въ нашъ вѣкъ вельможа важный и почтенный
 Былъ неприступенъ, крутъ между вельможъ;
 А съ прочими былъ тихъ обыкновенно
 И миловалъ полезно молодежь,
 Уча ее не ради разглашенья
 Ея грѣховъ, а ради исправленья!
 У насъ въ полку служилъ сержантомъ сынъ
 Какого-то степнаго дворянина,
 Саратовской губерніи, Сурминъ:
 Я зналъ его, собой онъ былъ картина:
 Высокъ и статенъ, боекъ и умѣнъ,

И не буйнѣ, и всѣмъ хорошѣ былъ онѣ;
 Лишь та бѣда, что молодецѣ дружилсѣ
 Со всякой дрянью, не разборчивѣ былѣ
 По этой части, только и ходилѣ
 Что на картѣжѣ, и къ банку пристрастился
 Онѣ всей душой и службу позабылѣ!
 И день и ночь бывало съ игроками,
 Какъ бы припросѣ къ зеленому столу,
 Растрепанѣ, безобразнѣ, весь въ мѣду,
 Угрюмый, сонный, съ красными глазами!
 Мы думали, погибнетѣ нашѣ Сурминѣ!
 А каково отцу, когда онѣ знаетѣ,
 Какъ сынѣ живетѣ и время убиваетѣ!
 Еще гвардеецѣ! Онѣ срамитѣ свой чинѣ!
 Однажды онѣ поутру занималсѣ
 Игрою въ банкѣ, вдругѣ стукѣ шаговѣ раздалсѣ,
 И шастѣ курьерѣ: «Кто здѣсь сержантѣ Сурминѣ?»
 Онѣ боекѣ былѣ, однако же смѣшалсѣ,
 Меня... я... «Вы, къ свѣтлѣйшему сейчасѣ
 Пожалуйте! Со мною же! Есть дѣло!»
 Къ Потемкину? Не сонѣ ли? Вотѣ-те разѣ!
 Что жѣ, такѣ и быть! Сурминѣ поѣхалѣ смѣло
 Къ свѣтлѣйшему. Роскошныхѣ комнатѣ рядѣ
 Сержантѣ проходить; мраморныя залы,
 Какъ царскія, убранствами блестятъ,
 Полны гостей; вельможи, генералы,
 Въ звѣздахѣ и лентахѣ, въ красныхѣ, въ голубыхѣ,
 Стоять и ждутѣ! Сержанта мимо ихѣ
 Ведетѣ лакей учтивый и проворный,
 И въ кабинетѣ. «Сюда-съ прошу покорно,
 Свѣтлѣйшій здѣсь, сюда!» Сурминѣ вошелѣ
 И видитѣ: самѣ Потемкинѣ на кровати
 Сидитѣ въ пунцовомѣ бархатномѣ халатѣ.

Пьетъ кофе; возлѣ приготовленъ столъ
И карты. Князь было взглянулъ сурово,
Но вдругъ сказалъ: «Ахъ, это ты! Здорово,
Сурминъ! Ты въ банкъ играешь? Точно такъ,
Играю, ваша свѣтлость, почему же
И не играть? Отвѣтствовалъ смѣльчакъ,
Мнѣ отъ того на свѣтѣ жить не хуже!»
Садись, играй со мной, да не робѣй!
Потемкинъ сталъ метать. Они играли
И горячо и долго; перестали,
И выигралъ сержантъ пять сотъ рублей.
Князь отдалъ деньги. На другой день тоже
Сурминъ былъ позванъ къ первому вельможѣ,
Игралъ съ нимъ въ банкъ, и выигралъ опять,
Такъ и потомъ исторія тянулась;
Онъ радъ ее хоть вѣчно продолжать:
Ему fortuna сладко улыбнулась!
Ему житье! Еще и то сказать:
Когда Сурминъ по комнатамъ проходитъ
Изъ кабинета князя, какъ герой;
Сановники кругомъ его толпой:
Тотъ руку жметъ ему, другой заводитъ
Съ нимъ разговоръ, и сталъ Сурминъ знакомъ.
Со знатью, сталъ на балы, маскарады
Онъ ѣздитъ, тамъ ему всѣ рады,
И всѣ его ласкаютъ, онъ въ большомъ
Ходу, въ кругу высококъ; раздружилися
Со сволочюю, сталъ книги покупать,
И объ чинахъ, о будущемъ мечтать,
Процвѣлъ душой, совсѣмъ перемѣнился!
Сталъ ѣздить онъ въ одинъ семейный домъ.
Понравился красавицѣ, влюбился
И вѣрно скоро будетъ женихомъ,

Она согласна! . . . Цѣлый городъ знаетъ,
Что сватовство на ладъ уже пошло,
А между-тѣмъ Потемкинъ продолжаетъ
Играть съ нимъ въ банкъ. Однажды повезло
Свѣтлѣйшему, и сталъ онъ бить жестоко
За картой карту, бить, и бить, и бить;
Тому бы перестать, перегодить
Хоть до другаго утра, нѣтъ далеко!
Что будетъ, будетъ, панъ или пропасть!
Сержантъ еще играетъ, проигралъ
Еще, и много, денегъ не достало;
Онъ проигралъ часы и перстень, мало!
Еще играетъ, очередь дошла
До платья, до камзола и мундира,
До прочаго, и вотъ бѣднѣ Ира
Сурминъ, увы! спустилъ все до гола!
Тутъ князь сказалъ: «Я больше не играю!
А ты раздѣнся, мнѣ отдай свой долгъ,
Да и ступай домой.» Сурминъ примолкъ,
Глаза потупилъ. Я воображаю
Его досаду, страхъ и стыдъ! Хорошъ
Онъ вылетитъ теперь изъ кабинета
Потемкина, какъ разъ въ толпу вельможъ!
И что объ немъ молва большаго свѣта
И тамъ, и тамъ, вездѣ заговорить?
Онъ счастье зналъ, и вдругъ неосторожно
Все потерялъ! Оно, какъ призракъ ложный,
Изчезло, самъ онъ навсегда убить
И для чиновъ, и для невѣсты милой
И для всего, чѣмъ сердце полно было.
Бѣда, бѣда и только! Князь сердить
И пристаётъ и требуетъ ужасно:
Сурминъ чуть живъ, такъ и дрожить несчастный!

Весь поблѣднѣлъ, и слезы въ два ручья!
 «Ахъ, ваша свѣтлость! Ахъ, не будьте строги!
 Помилуйте! Приходить смерть моя!
 Помилуйте!» И повалился въ ноги
 Свѣтлѣйшему. Ну, полно же, вставай!
 Сказалъ Потемкинъ, я твой долгъ забуду,
 Прощу тебѣ, ты мнѣ лишь слово дай
 Не братья въѣкъ за карты. Въѣкъ не буду,
 Клянусь вамъ, ваша свѣтлость, никогда
 Играть не буду въ карты! Побожился,
 И съ той поры онъ бросилъ навсегда
 Картежныя бесѣды, онъ женился
 Превыгодно и службу продолжалъ,
 Украшенный чинами, орденами,
 Въ отставку вышелъ. Тутъ онъ разсказалъ,
 Ужъ бригадиръ, какими онъ судьбами
 Исправился и человѣкомъ сталъ:
 Онъ молодъ былъ, связался съ подлецами
 И въ шайкѣ ихъ онъ вовсе бы пропалъ . . . .
 Отецъ услышалъ про его несчастье,
 И написалъ письмо чрезъ одного
 Стариннаго знакомца своего
 Къ свѣтлѣйшему, прося принять участие
 Въ житьѣ-бытьѣ заблудшаго сынка,
 И князь исполнилъ просьбу старика!»

КЪ РЕЙНУ.

Я видѣлъ, какъ бѣгутъ твои зелены волны:
 Онѣ, при вѣснемъ свѣтѣ дня,

Играя и шумя, летучимъ блескомъ полны,
 Качали ласково меня;
 Я видѣлъ яркія, роскошныя картины:
 Твои изгибы, твой просторъ,
 Твои веселые каштаны и райны,
 И виноградъ по склонамъ горъ,
 И горы, и на нихъ высокія могилы
 Твоихъ былыхъ богатырей,
 Могилы рыцарства, и доблести, и силы
 Давно, давно минувшихъ дней!
 Я Волжанинъ: тебѣ привѣты Волги нашей
 Принесъ я. Слышалъ ты объ ней?
 Великъ, прекрасенъ ты! Но Волга больше, краше,
 Великолѣпнѣе, пышнѣй,
 И глубже, быстрая, и шире, голубая!
 Не такъ, не такъ она бурлитъ,
 Когда поднимется погодка верховая
 И бѣлый валъ заговоритъ!
 А какова она, шумящихъ волнъ громада,
 Весной, какъ съ выси береговъ
 Черезъ ея разливъ не перекинешь взгляда,
 Черезъ море водъ и острововъ!
 По царству и рѣка! . . . Тебѣ привѣтъ заздравный
 Ея, властительницы водъ,
 Обширныхъ русскихъ водъ, простершей ходъ свой
 славный,
 Всегда торжественный свой ходъ,
 Между холмовъ, и горъ, и доловъ многоплодныхъ
 До темныхъ Каспія зыбей!
 Привѣты и ея притоковъ благородныхъ,
 Ея подручицъ и князей:
 Тверцы, которая безбурными струями
 Лелѣетъ тысячи судовъ,

Идущихъ пестрыми, красивыми толпами
Подъ звучнымъ пѣніемъ пловцовъ;
Тебѣ привѣтъ Оки поемистой, дубравной,
Въ раздольѣ муромскихъ песковъ
Текущей царственно, блистательно и плавно,
Въ виду почтенныхъ береговъ, —
И храмы древніе съ лучистыми главами
Глядятся въ ясны глубины,
И тихій благовѣсть несетъ надъ водами,
Завѣтный голосъ старины!
Суры, красавицы задумчиво бродящей,
То въ густоту своихъ лѣсовъ
Скрывающей себя, то на поляхъ блестящей
Подъ опахаломъ парусовъ;
Свіяги пажитной, игривой и безсонной,
Среди хозяйственныхъ заботъ,
Любящей стукъ колесъ, и плескъ неутомной,
И гулъ работающихъ водъ;
Тебѣ привѣтъ изъ странъ Біарміи далекой,
Привѣтъ царицы хладныхъ рѣкъ,
Той Камы сумрачной, широкой и глубокой,
Чей сильный, бурный водобѣгъ,
Подъ кликами орловъ свои валы сѣдые
Катя въ кремнистыхъ берегахъ,
Несетъ желѣзо, лѣсъ и горы соляныя
На исполнскихъ ладіяхъ;
Привѣтъ Самары, чье теченіе живое
Не слышно въ говорѣ гостей,
Ссыпающихъ въ суда богатство полевое,
Пшеницу — золото полей;
Привѣтъ проворнаго, лихаго Черемшана,
И двухъ Иргизовъ луговыхъ,
И тихо-струйнаго, привольнаго Сызрана,

И всѣхъ и большихъ и меньшихъ,
 Несмѣтныхъ данниковъ и данницъ величавой,
 Державной сѣверной рѣки,
 Привѣты я принесъ тебѣ! . . . Теки со славою,
 Князь многихъ рѣкъ, свѣтло теки:
 Блистай, красуйся, Рейнъ! да ни грозы военной,
 Ни пѣсенъ радостныхъ врага
 Не слышишь вѣчно ты; да миръ благословенный
 Твои поконтъ берега!
 Да сладостно, на нихъ мечтая и гуляя,
 Въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей,
 Цѣлуются любовь и юность удалая
 При звонѣ синихъ хрусталей!

КАРОЛИНЪ КАРЛОВИЧЪ ПАВЛОВОЙ.

Забыли вы меня! Я самъ же виноватъ:
 Гдѣ я теперь, зачѣмъ меня взяла чужбина?
 Гдѣ я перебивалъ? Вотъ онъ Мариенбадъ,
 Ганау, старый Дицъ, его тѣнистый садъ;
 Вотъ рейнскихъ береговъ красивая картина,
 Крейцнахъ и черные сараи и Гофратъ,
 Полковникъ, колесо, Амалія и Пина!
 Вотъ край подоблачный! Громады горъ и скаль,
 Чудесные мосты, роскошныя дороги,
 Гастуна славная, куда я такъ желалъ . . .
 Вотъ Зальцбургъ, и Тироль, и Альповъ выси строги,
 Ихъ вѣчный ледъ и съ нихъ лющійся кристалъ,
 Кричатъ орлы и скачутъ козероги,
 И вѣтеръ осени качаетъ темный лѣсъ!

Вотъ и Ломбардія! Веселыя долины,
 Румяный виноградъ, каштаны и раины,
 Лазурь и пурпуръ полуденныхъ небесъ!
 Великолѣпныя палаты и столбницы
 Надъ яснымъ зеркаломъ потоковъ и озеръ!
 Часовни странныя, пугающія взоръ,
 Канюки и калекъ и нищихъ вереницы,
 Ватага южныхъ вѣдьмъ, красавицы-дѣвицы . . . .
 Вдали концы швейцарскихъ горъ!
 Вотъ Комо! Берега съ прозрачными домами!
 Вотъ площадь и фигляръ, махающій руками!
 И пристань, озеро, и въ чистотѣ зыбей
 Колеблются цвѣта расписанныхъ ладей
 И бѣлыхъ парусовъ играющіе плески;
 На площади народъ гулливой и живой,
 Италіи народъ пѣвучій, удалой,
 И деревянные Тедески!
 Вотъ пасмурный Миланъ съ поникшею головою,
 Туринъ и Піемонтъ гористый! Вотъ Савона!
 Отважный путь лежитъ надъ бездною, на тычкѣ!
 И вотъ онъ, островокъ, чуть видный вдаль,
 Какъ облачко на краѣ небосклона,
 Не важный на моряхъ, но важный на рѣкѣ
 Временъ, гдѣ онъ горитъ звѣздой Наполеона!
 Вотъ Ница — вотъ гдѣ я! Вотъ городъ и заливъ,
 Приморскіе сады лимоновъ и оливъ,
 И свѣтлый рядъ домовъ съ заѣзжими гостями,
 И воздухъ сладостный, какъ медъ!
 О много, много странъ, въ мой длинный, черный годъ,
 Я видѣлъ скучными глазами!
 Скитаюсь по водамъ цѣлебнымъ, и увы!
 Еще пью чашу водъ! Горька мнѣ эта чаша!
 Тоска меня томить! Дождусь ли я Москвы?

Когда узнаю я, что дѣлаете вы?
 Какъ распѣваетъ муза вапа?
 Какой вѣнокъ теперь на ней?
 Теперь, когда она, родная намъ, гуляетъ
 Среди московскихъ музъ и царственно сіяетъ,
 Она, любезная начальница моей!

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА.

СКАЧКОВЪ, ВЛАСЬЕВЪ, ХВОРОВЪ, ДРЯНСКОЙ, ПРОН-
СВОЙ. (*Всѣ навеселя въ разныхъ градусахъ*).

СКАЧКОВЪ.

Ужь пить, такъ пить. Держаться середины
 Я не могу: оно и мудрено,
 Здѣсь, напимѣрь, когда такія вины
 Намъ предстоятъ, какъ вотъ мое вино,
 Кипучее, разгульное, живое,
 И свѣтлое, и свѣтлозолотое!
 Люблю его и пью его давно,
 Какъ вѣрный другъ ему не измѣняя
 Съ младенчества. Ахъ, юность удалая!
 Друзья мои, зачѣмъ она прошла!
 А хороша, какъ хороша была,
 Пира надеждъ, восторговъ и желаній!...
 Да, господа, хочу я предложить
 Одинъ законъ для нашихъ засѣданій —
 Законъ равенства: поровну всѣмъ пить,
 Чтобъ не было различныхъ состояній

Въ кругу друзей, и были бѣ всѣ равно . . . .
Согласны вы? *(Поетъ)* Прекрасное вино!

ХВОРОВЪ.

Согласны.

ДРЯНСКОЙ.

Я согласенъ, утверждаю,
Законъ премудрый!

СЛАЧКОВЪ.

Я провозглашаю
Торжественно, теперь же укрѣпимъ
И навсегда . . . .

ПРОНСКОЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, мы не хотимъ,
Мы отрицаемъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Думаемъ иначе;
Я докажу, что этакой законъ,
Законъ равенства вреденъ и смѣшонъ,
Всегда, вездѣ, въ кругу друзей тѣмъ паче,
Гдѣ всякой дома, всякому должно
Быть весело.

ДРЯНСКОЙ.

И всякой пей свободно,
Какъ, и когда, и что ему угодно:
Вотъ нашъ законъ!

СЛАЧКОВЪ *(пѣетъ вино)*.

Вкуснѣйшее вино!
Я имъ доволенъ: утѣшеній много

Въ немъ нахожу, имъ освѣжаюсь я.
 Друзья мои! Идя земной дорогой,
 Мы охаемъ подъ ношей бытія,
 Мы устаемъ, трудясь до упаду;
 Такъ намъ ей-ей отраднo иногда
 Освободить плеча пзъ-подъ труда
 Жестокаго, прилечь подъ тѣнь, въ прохладу,
 И скушать двѣ-три кисти винограду!

ХВОРОВЪ.

Ты говоришь, Скачковъ, какъ бы поэтъ . . . .
 Мысль не нова, а выражена мило.

СКАЧКОВЪ.

Я не поэтъ, однакожь время было,
 Я писывалъ то пѣсню, то сонетъ
 Красавицѣ; я предавался мрачно
 Своей любви, и гордо воспѣвалъ
 Тоску, луну и все . . . .

ХВОРОВЪ.

Ты подражалъ . . . .

СКАЧКОВЪ.

Кому это?

ХВОРОВЪ.

И подражалъ удачно
 Кубенскому, который въ свой черёдъ
 Самъ подражалъ, самъ корчилъ онъ Виктора Гюго.

СКАЧКОВЪ.

Ты правъ. Я избѣгаю спора:
 Вы критики несноснѣйшій народъ!

А впрочемъ, какъ бы вы ни разсуждали,
 Кубенскій былъ рѣшительно поэтъ,
 Какихъ еще немного мы видали:
 Умень, ученъ и двадцати трехъ лѣтъ,
 Онъ понялъ жизнь, на мѣръ глядѣлъ глубоко,
 Великое и доброе постигъ,
 Трудолюбивъ, прочелъ онъ груды книгъ,
 Зналъ языки; стоялъ бы онъ высоко
 Въ словесности. Ахъ, братцы, жаль его!
 Нежданая, ужасная утрата!
 Мы всѣ его любили, такъ какъ брата,
 Какъ генія, поэта своего!
 И вдругъ онъ умеръ. Помню очень ясно,
 Какъ вмѣстѣ мы встрѣчали новый годъ,
 Всѣ вмѣстѣ у Кубенскаго. Прекрасной
 Тогда былъ пиръ! И новый настанетъ;
 А лучшей другъ къ своимъ ужь не придетъ.

ХВОРОВЪ.

Прилично бы въ его поминовенье
 Всѣмъ по стакану. Выпьемъ же друзья! *(пьютъ)*.

СКАЧКОВЪ.

Кубенскій былъ намъ честь и прославленье.
 Роскошный цвѣтъ привольнаго житья,
 Онъ сочеталъ въ себѣ познанье свѣта
 Съ ученостью, свободу юныхъ дней
 И вѣрный взглядъ на жизнь и на людей
 Съ веселостью и пылкостью поэта!
 Былъ чистъ душой, да встрѣтитъ радость тамъ....
 Хвала ему и миръ его костямъ!

(Встаютъ и чокаются).

ВЛАСЬЕВЪ.

Чтобы у насъ объ немъ воспоминанье
Хранилось свято, сладостное намъ!

ДРЯНСКОЙ.

И каждый годъ такое жъ возліанье
Свершать по немъ!

ХВОРОВЪ.

И чаще я готовъ.

ДРЯНСКОЙ.

Какъ молодъ былъ и былъ всегда здоровъ,
И вдругъ онъ умеръ!

ХВОРОВЪ.

Бренное созданье!

Каковъ бы ни былъ человѣкъ, нашъ братъ.

ДРЯНСКОЙ.

И то сказать, онъ самъ же виновать :
Онъ страненъ былъ, зачѣмъ онъ не жилъ съ нами,
У насъ, въ Москвѣ? Погнался за чинами,
Переѣхалъ родъ жизни и климатъ,
Сталъ день и ночь работать черезъ силу
И заболѣлъ, взялъ отпускъ, и скорѣй
Въ тамбовскую деревню, тамъ въ могилу,
При помощи уѣздныхъ лѣкарей.

ХВОРОВЪ.

Не помню кто.... нѣтъ, помню, точно, Тлѣнской
Мнѣ сказывалъ, что онъ письмо читалъ
И шесть стиховъ, которые Кубенской

Передъ своею смертью написалъ
Какой-то теткѣ . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Я прошедшимъ лѣтомъ
Не разъ ему говаривалъ: зачѣмъ
Москву и насъ бросаешь ты совсѣмъ?
Останься здѣсь, займись своимъ предметомъ;
Передъ тобой великій міръ души;
Работай въ немъ на волѣ, будь поэтомъ
Возвышеннымъ и драму напиши!
Онъ пренебрегъ тогда моимъ совѣтомъ;
Онъ былъ упрямъ.

ДРЯНСКОЙ.

Онъ Гегеля не зналъ
И не любилъ Кузена . . . .

СКАЧКОВЪ.

А читалъ.

ХВОРОВЪ.

И вообще былъ чрезвычайно страненъ,
Хотѣлъ служить . . . .

СКАЧКОВЪ.

Да, службу знаю я!
Легко сказать. Послушайте, друзья,
Послушай, Пронской, что ты такъ туманенъ?
Нахмурился, въ себя препогруженъ,
Исполненъ думы, будто сочиняешь
Законъ природы . . . . Кстати бъ ей законъ
На новый годъ. Нѣтъ, знаю, ты мечтаешь
Объ Олинкѣ Варлянской . . . .

ПРОВСКОЙ.

Все ты знаешь!

И вотъ ошибся, вовсе не объ ней;
И что тебѣ? Вѣдь ты не понимаешь
Ея достоинствъ.

СБАЧКОВЪ.

Мракъ въ душѣ моей:

Звѣзда любви когда-то мнѣ свѣтила,
Твоя звѣзда, но только что манила,
И вотъ не къ ней летитъ мой мечты!

ПРОВСКОЙ.

Такъ и должны . . . .

СБАЧКОВЪ.

О чемъ же думалъ ты?

О чемъ-нибудь общественномъ и важномъ,
Скажи, о чемъ?

ПРОВСКОЙ.

Я думалъ . . . . какъ въ нашъ вѣкъ

Усовершенся, выросъ человѣкъ,
Въ своемъ быту, въ развитіи отважномъ
Своихъ идей, какую бездну силъ
Природы онъ себѣ поработилъ!
И какъ легко и вѣрно править ими
Теперь уже, а что еще вперёдъ,
Что сдѣлаетъ онъ силами такими,
Когда имъ дастъ повсюдный, полный ходъ?
Лѣтъ черезъ сто, какой переворотъ!
Гражданственность, науки, все пойдѣтъ,
Когда вездѣ желѣзныя дороги . . . .

Стих. Языкова. Ч. II.

СКАЧКОВЪ.

Вездѣ онѣ, о милосерды боги! . . .
 А знаешь ли ты, Пронской, что твоя
 Звѣзда, любовь и радость бытія,
 Прекрасная прочь отъ тебя склонила
 Свое лицо, весь жаръ лучей своихъ
 Къ другому . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Какъ, ужели измѣнила?

СКАЧКОВЪ.

Почти что такъ: у ней ужъ есть женихъ.

ПРОНСКОЙ.

Вотъ вздоръ! Когда . . . .

СКАЧКОВЪ.

А въ эти двѣ недѣли,
 Которыя такъ мимо пролетѣли
 Въ твоей тиши, въ сидѣніи твоёмъ
 За книгами и письменнымъ столомъ,
 Въ живительныхъ, несуетныхъ бесѣдахъ
 Съ главнѣйшими свѣтлами временъ.

ХВОРОВЪ.

Я слышалъ самъ.

ДРЯНСКОЙ.

Вездѣ на всѣхъ обѣдахъ
 Ужъ говорятъ . . . .

ХВОРОВЪ.

Женихъ въ нее влюбленъ
 До бѣшенства.

ДРЯНСКОЙ.

Вчера мы поздравляли
искую. Какія серги, шали
й дарить!

ВЛАСЬЕВЪ.

А кто ея женихъ?

СКАЧКОВЪ.

олодецъ, проворнѣе другихъ,
тнѣй, прѣзвѣстный Загорѣцкій.

ВЛАСЬЕВЪ.

чудеса! Нашла же за кого . . . .

ХВОРОВЪ.

эму же не выйдти за него?
еловѣкъ богатѣй, прямо свѣтскій,
нѣй, умнѣй, вовсе ей подѣ стать

ВЛАСЬЕВЪ.

я бы . . . .

ХВОРОВЪ.

Какъ эдакъ разсуждать!
женѣ я, другая бы, конечно . . . .
наши дни смѣшно любить безпечно;
разсчесть.

ДРЯНСКОЙ.

А можетъ-быть и вкусъ;
ительно . . . .

ПРОНСКОЙ.

Я, право, не сержусь,
отно мнѣ . . . . я предался сердечно,

Я предался вполнѣ моей любви;
 Чистѣйшія желанія мои
 Сливались въ ней. Мои труды, заботы,
 Мои печали, радости и сны
 И смѣлыхъ думъ свободные полеты,
 Всѣ были ей одной посвящены!
 А міръ мечты свѣтлѣе, выше, краше,
 Отраднѣе сущестственности нашей!
 Чудесный міръ, онъ мнѣ знакомъ, друзья.
 Въ него меня, какъ въ небо, уносила
 Моей любви таинственная сила,
 И гдѣ же онъ? И нѣтъ его! Гдѣ я?
 Кругомъ меня опять и мракъ и холодъ
 Земныхъ суетъ, опять я праха сынъ!
 Куда иду? Несчастливъ и одинъ . . . .

ХВОРОВЪ.

Не плачь, мой другъ.

СКАЧКОВЪ.

Ахъ, братецъ, какъ ты молодъ!
 Вотъ на и пей. Тоска твоя пройдетъ.
 Повѣрь ты мнѣ, въ винѣ такая жъ сила,
 Какъ и въ любви; оно ей антидотъ.
 Я самъ любилъ, мнѣ также пзмѣнила
 Волшебница, и не твоей чета,
 И не въ Москвѣ, и чудо красота,
 И нѣмочка, въ Германіи, на Рейнѣ,
 Эмилиа; я также пылокъ былъ
 И тосковалъ, но скоро утопилъ
 Огонь любви на мѣстѣ же въ Рейнвейнѣ.
 И весель сталъ, какъ прежде: вотъ любовь!

Дрянской.

анскій правъ : « Не знаю, что любовь?
 « Стаканъ вина, иль дымъ священный?
 « Души припадокъ вдохновенный.
 « Иль разыгравшаяся кровь?»

Хворовъ.

унывай, садись за книги смѣло,
 емотри Гиббона своего :
 сдѣлаешь полезнѣйшее дѣло,
 мастерски переведешь его.

Дрянской.

что Гиббонъ? Вотъ есть надъ чѣмъ трудиться!
 устарѣлъ, прошла его пора . . .

Власевъ.

Ѣтую покрѣпче углубиться
 исторію Россіи до Петра,
 аконецъ рѣшить вопросъ великой.

Скачковъ.

орый окончательно рѣшенъ

Власевъ.

Не для меня.

Скачковъ.

Ахъ, Власевъ, ты уменъ,
 се читалъ, а судишь слишкомъ дико.
 а же намъ оставить нашу старь,
 ть ветхій, давнолѣтній календарь,
 ерестать напрасно шевыряться

Въ родной пыли; пора идти впередъ
И намъ.

Дрянской.

Нѣтъ, за Европой гнаться
Намъ тяжело; мы не такой народъ . . . .

Скачковъ.

Прикажешь намъ сидѣть, поджавши руки,
Безсмысленно и мертво ко всему,
Что движеть всѣхъ, что дѣлають науки
И тамъ и тамъ. Нѣтъ, мы по твоему
Давно уже погибли бы со скуки.

Власевъ.

А согласись, что пища есть уму
Прекрасная, питательная пища,
Уединяться отъ живыхъ людей
Въ священный мракъ давно минувшихъ дней,
На тихія, смиренныя кладбища
Исчезнувшихъ народовъ и царей!
Умъ творческой способностью своей
Влагаетъ жизнь въ могилы молчаливы,
И передъ нимъ онѣ краснорѣчивы,
И передъ нимъ вѣка, за рядомъ рядъ,
Встають, идутъ и внятно говорятъ;
Какъ наяву онѣ видятъ ихъ и слышать,
Онѣ судить ихъ и величаво писать
Свой судъ въ урокъ позднѣйшимъ временамъ.

Хворовъ.

И я люблю и занимался самъ
Исторіей, особенно Нибуромъ;
Я начиналъ его переводить.

ПРОНСКОЙ.

Мнѣ кажется, что можно бы сравнить
 Великаго историка съ авгуромъ:
 Историкъ также долженъ уходить
 Отъ шума и приличій современныхъ,
 На свѣтлый лугъ холмовъ уединенныхъ,
 Чтобъ наблюдать съ свободныхъ ихъ высотъ
 Судьбу вѣковъ, ихъ вѣщій крикъ и лѣтъ . . . .

СКАЧКОВЪ.

Ну полно, братъ, я не терплю сравненій.

ДРЯНСКОЙ.

За что это?

СКАЧКОВЪ.

Не трудно ихъ набрать.

ХВОРОВЪ.

Сравненія до ложныхъ заключеній
 Доводятъ насъ, и странно бѣ основать
 На нихъ науку или выводъ цѣлый.

ДРЯНСКОЙ.

Въ поэзіи . . . .

ХВОРОВЪ.

Тогда другое дѣло:
 Тамъ мѣсто имъ, они тамъ хороши.

ДРЯНСКОЙ.

Какъ напримѣръ сравненіе души
 Съ огнемъ лампы . . . .

ХВОРОВЪ.

Или жизни нашей

Съ несвязнымъ сномъ . . . .

СБАЧКОВЪ.

А молодости съ чашей

Вина. Друзья! давайте жь пить вино, (*пьетъ*)

Пока еще такъ чисто и прекрасно

Кипить, блестить и пѣнится оно.

ВЛАСЬЕВЪ (*смотритъ въ окно*).

Луна взошла и сыплеть свѣтъ свой ясной

На бѣлый снѣгъ! Серебряная ночь! (*задумывается*).

Вы помните: такая же точь въ точь

Она была, когда мы любовались

На видъ Кремля, Кубенскій съ нами былъ . . . .

ДРЯНСКОЙ.

И на своихъ негасахъ . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Говорилъ

Торжественно; мы долго восхищались

Величьемъ и славою Кремля!

И гдѣ поэтъ? Его взяла земля

И не отдастъ . . . .

СБАЧКОВЪ.

Скажи ты мнѣ, мой милой,

Ты Пронской, полно! Ты опять уныло

Задумался, скажи свой приговоръ:

Вѣдь ты читалъ ту книгу? Миръ явленіи

Изъ-за могилы. право, сущій вздоръ!

Дрянской.

Однако же, друзья, и до сихъ поръ
Не рѣшено . . . .

Провской.

Объ этомъ много мнѣній:
Защитники такихъ духовидѣній
Зашли уже чрезмѣрно далеко,
Предположивъ рѣшительно возможность . . . .

Дрянской.

А для ума почти равно легко
Доказывать неложность ихъ и ложность,
Не испытавъ на дѣлѣ.

Хворовъ.

Такъ, ты правъ,
Весьма легко, когда не испытавъ . . . .
Я думаю: обманъ воображенья . . . .
Иль выдумка, вѣдь Кернеръ самъ поэтъ.

Скачковъ.

Невѣжество или сумасшедшій бредъ.

Дрянской.

Но ежели достойныи уваженья
И всѣмъ пзвѣстный человѣкъ съ умомъ,
Правдивости и честности примѣрной,
Какъ дядя мой, и человѣкъ притомъ
Ученый и ничуть несуетливый,
Самъ Тимоѣй Петровичъ Волховской . . . .

Хворовъ.

Все пустяки!

ПРОНСКОЙ.

Такъ что же дядя твой?

ВЛАСЬЕВЪ.

Послушаемъ.

СКАЧКОВЪ.

Пожалуйста недолго.

Разсказывай! Пора намъ новый годъ
Встрѣчать, не то не встрѣченный придѣтъ . . . .

(Смотритъ на часы.)

Одинадцать.

ДРЯНСКОЙ.

Мой дядя жилъ за Волгой,
Въ деревнѣ; былъ онъ вообще любимъ
Сосѣдами, особенно жь съ однимъ
Ближайшимъ всѣхъ, съ майоромъ отставнымъ,
Съ Курковымъ былъ онъ друженъ. Самъ почтенный
Майоръ былъ очень старъ и домосѣдъ,
Такъ дядя мой ѣзжалъ, обыкновенно
По вечерамъ, къ нему играть въ пикетъ;
Они всегда садились въ кабинетѣ
Куркова, гдѣ висѣлъ большой портретъ
Хозяина. Майоръ былъ на портретѣ
И въ орденахъ, и въ пукляхъ, и съ косою,
И такъ похожъ, такъ дядѣ полюбился,
Что наконецъ онъ выпросить рѣшился
Его себѣ въ подарокъ. «Нѣтъ, другъ мой,
Сказалъ майоръ, нельзя. Помилуй, что ты?
Такой портретъ прекраснѣйшій! Работы
Левецкаго, тебѣ какая статья?
Самъ посудн, картина дорогая!»
Такъ дай же мнѣ его хоть срисовать,

Сказалъ мой дядя. «Это рѣчь другая!
 Возми, срисуй; однакожь уговоръ,
 Чтобъ мой портретъ черезъ полгода снова
 Былъ дома!» Дядя взялъ портретъ Куркова,
 И у себя повѣсилъ; а майоръ
 Черезъ три дни умеръ, и его картина
 Осталась дядѣ, другу напоминъ.
 И быть бы такъ, да сдѣлалась причина!
 Разъ дядя мой былъ дома и одинъ;
 Была ужь ночь; лакеи спать ложились,
 А онъ сидѣлъ за книгой . . . . Слышитъ: вдругъ
 По комнатѣ пронесся шумъ и стукъ
 Шаговъ, идутъ, и двери отворились!
 Вошелъ Курковъ, къ стѣнѣ приставилъ стулъ,
 Портретъ досталъ, со всѣхъ сторонъ обдулъ,
 Подъ мышку взялъ и съ нимъ проворно вышелъ.
 Не струсилъ дядя: тутъ же онъ вскричалъ
 Людей и дворню, домъ весь обыскалъ:
 Нигдѣ никто не видѣлъ и не слышалъ,
 Кто взялъ портретъ, и какъ пропасть онъ могъ.
 Тутъ вспомнили, что въ эту ночь былъ срокъ:
 Послать портретъ, по силѣ уговора,
 Въ майорской домъ. Мой дядя съѣздилъ самъ
 Въ село Куркова, въ кабинетъ майора
 Вошелъ: портретъ покойника былъ тамъ
 На прежнемъ мѣстѣ. Я васъ увѣряю . . . .
 Не вѣрю самъ, а дядя . . . .

СКАЧКОВЪ.

Знаю, знаю,
 И самъ могу . . . . Пожалуй и у насъ
 Въ семьѣ хранится этакой рассказъ,
 Еще отъ дѣда, также достовѣрный . . . .

ХВОРОВЪ.

Мы слушаемъ.

СКАЧКОВЪ.

У бабушки моей
 Былъ человѣкъ, слуга, ея лакей,
 Старикъ Миронъ; слуга онъ былъ примѣрной,
 Любилъ мести полы, и мелъ онъ ихъ всегда
 Такъ смирно, тихо мелъ, что господа
 Весьма остро за то его прозвали
 Мирономъ тихимъ. Умеръ оцъ. Такъ что жъ!
 Теперь такихъ усердныхъ не найдешь:
 Лѣнивѣе и хуже люди стали!
 Въ полночный часъ, Миронъ и мертвецомъ
 Ходилъ мести полы въ господскій домъ,
 И мелъ, какъ прежде. Многіе видали
 И много разъ, и дѣдъ мой видѣлъ самъ,
 И бабушка ходила со свѣчами
 Въ гостиную и наблюдала тамъ,
 Какъ по полу пыль ѣхала рядами
 Къ дверямъ сама, а щетки не видать!
 Вотъ вамъ, друзья, извольте разсуждать!

ХВОРОВЪ.

Все это вздоръ.

СКАЧКОВЪ.

А, я божиться буду,
 Что дѣдъ не лгалъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Я никакому чуду
 Не вѣрю.

СКАЧКОВЪ (садится за столъ).

Братцы, новый годъ встрѣчать
 Пора. Друзья, садитесь, начинаю
 Желанія . . . . Да слушайте жь, друзья,
 Садитесь всѣ. Впервыхъ я желаю,
 Начну съ себя, себѣ желаю я,
 Чтобъ я, Скачковъ, побольше занимался
 Дѣлами службы; чтобъ любилъ труды
 Полезные; чтобъ рѣже я влюблялся
 И рѣже бы въ армянины сады
 Ходилъ ловить обманчивые взгляды
 Сирень; впередъ чтобъ не былъ я сердитъ,
 Когда моимъ товарищамъ награды,
 Мѣста, кресты, и все такъ и летитъ;
 Чтобъ я сидѣлъ за важною работою,
 А не вертѣлся въ мелочныхъ чинахъ.
 Теперь, мои друзья . . . . (Слышенъ шептъ саней).

ВЛАСЬЕВЪ.

Подъѣхалъ кто-то
 Къ крыльцу . . . . нѣтъ, нѣтъ . . . .

ХВОРОВЪ.

На пѣгихъ лошадяхъ.

СКАЧКОВЪ.

Да слушайте жь! Теперь, друзья, желаю,
 Тебѣ, мой милой Пронской . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Нѣтъ, сюда

Приѣхалъ кто-то.

СКАЧКОВЪ.

Сядьте, господа,
И слушайте меня, я продолжаю:
Тебѣ, мой Пронской, на твоёмъ вѣку
Довольно ты любовныхъ тревоженій
Препобѣдилъ, тебя твой добрый геній . . . .

(Входитъ Кубенской ѣ обращается къ Хворову).

ХВОРОВЪ.

Ахъ, батюшки! *(Вылетая въ дверь)* Артемій, табаку!

КУБЕНСКОЙ.

Здорово, Пронской! Вотъ и я съ друзьями
Опять . . . . *(Вся отъ него отворачиваются въ испугъ).*
Друзья, Скачковъ!

СКАЧКОВЪ.

Поди ты! Нѣтъ, не я . . . .

КУБЕНСКОЙ.

Что это вы? . . . что дѣлается съ вами?
Помилуйте, послушайте, друзья!

ХВОРОВЪ *(обогаетъ)*.

Кубенской живъ, онъ живъ!

КУБЕНСКОЙ.

Смотрите сами.
Вотъ я, Кубенской, тотъ же . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Здравствуй, другъ!

ПРОНСКОЙ.

Ты не сердись, Кубенской : намъ сказали,
Что умеръ ты, такъ мы не полагали . . . .

ДРЯНСКОЙ.

Вольно жь пугать насъ. Этакой испугъ!

ХВОРОВЪ.

Всѣ думали . . . . а ты явился вдругъ,
Всѣ думали . . . .

КУБЕНСКОЙ.

Я боленъ былъ опасно,
Отчаянно . . . .

ДРЯНСКОЙ.

Да можно бы дать знать . . . .

КУБЕНСКОЙ.

Былъ при смерти, однакожь умирать
Не умеръ.

ВЛАСЬЕВЪ (*обнимаетъ его*).

Другъ, ты поступилъ прекрасно!

КУБЕНСКОЙ.

Я къ вамъ спѣшилъ, и вотъ всего-то съ часъ,
Какъ я въ Москвѣ. Я приглашаю васъ,
Друзья, ко мнѣ : мы встрѣтимъ, какъ бывало,
Студенчески и этотъ новый годъ,
Разгульно, шумно!

ДРЯНСКОЙ.

Звонко, разудало!

ХВОРОВЪ.

Какъ слѣдуетъ.

КУБЕНСКОЙ.

Веселый пиръ пойдетъ,
Какъ прошлый разъ.

ВЛАСЬЕВЪ,

И даже веселѣе

У мертвеца . . . .

КУБЕНСКОЙ.

Поѣдемъ же скорѣе.

Пора, друзья.

ВЛАСЬЕВЪ.

Поѣдемъ и пойдёмъ.

ДРЯНСКОЙ.

Подумаешь, вотъ слухи . . . .

ХВОРОВЪ.

Что жъ такое!

Не мы . . . .

КУБЕНСКОЙ.

Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно второе!

ВЛАСЬЕВЪ.

Какая ночь!

ПРОВСКОЙ.

Идемъ же . . . .

СКАЧКОВЪ.

И поемъ :

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus . . . .

(Всѣ подтягиваютъ.)

АЛЬПИЙСКАЯ ПѢСНЯ.

НА ГОЛОСЪ: «МАЛЕРУКЪ ВЪ ПОХОДѢ ПОВХАЛЪ».

Изъ тишины глубокой
 Родимаго села
 Судьба меня жестоко
 На Альпы занесла,

Гдѣ шаткія дороги
 Прилѣплены къ горамъ,
 И скачутъ козероги
 По горнымъ крутизнамъ, —

Гдѣ лѣсъ шумитъ дремучій
 Высоко близъ небесъ,
 И сумрачныя тучи
 Цѣпляются за лѣсъ, —

Гдѣ ярко на вершинахъ
 Блистаетъ вѣчный снѣгъ,
 И вторится въ долинахъ
 Ручьевъ гремучій бѣгъ.

И вотъ она Гастуна,
 Куда стремился я,
 Gastuna tantum una,
 Желанная моя!

Плохое новоселье,
 Домовъ и хижинъ рядъ . . . .

Надъ бездною въ ущельѣ
Они такъ и висятъ!

И словно звѣрь свирѣпый
Рѣка межъ нихъ реветъ,
Бѣгущая въ вертепы
Съ подоблачныхъ высотъ.

И шумъ безперестанный,
И стонъ стоитъ въ горахъ,
И небеса туманны,
И горы въ облакахъ.

И Ц А Р К Ъ .

Если бѣ ты была Юнона,
А любовникъ твой Зевесъ;
Садъ твой, милая Миньона,
Походилъ бы не на лѣсъ:
Въ немъ не ландыши простые
Осѣняла бѣ тѣнь дубовъ,
А блистательно-живые
Іакины золотые —
Драгоценности садовъ.

МОРСКОЕ КУПАНИЕ .

Изъ бездны морской бѣлоглавая встала
Волна, и лучами прекраснаго дня

Блестить подвижная громада кристала,
 И тихо, качаясь, идетъ на меня;
 Вотъ, словно въ раздумьи, она отступила,
 Вотъ, берегъ она подъ себя покатила,
 И выше сама поднялась и падеть;
 И громомъ, и пѣной пучинная сила,
 Холодная, бурно меня обхватила,
 Кружить, и бросаетъ, и душить, и бьетъ . . .
 И стихла. Мнѣ любо. Изъ грома, изъ пѣны
 И холода, лежокъ и свѣжъ, выхожу;
 Живѣ мои выпрямляются члены;
 Вольнѣ дышу, веселѣ гляжу
 На берегъ, на горы, на свѣтлое море;
 Мнѣ чудится, словно прошло мое горе,
 И юность, такая жъ, какъ прежде была,
 Во мнѣ встрепенулась, и жизнь моя снова
 Гулять, распѣвать, красоваться готова
 Свободно, безпечно, рѣзва, удала.

ПѢСНЯ БАЛТІЙСКИМЪ ВОДАМЪ.

Пою васъ, балтійскія воды! вы краше
 Другихъ, величайшихъ морей;
 Лазурно-широкое зеркало ваше
 Свободнѣ, чище, свѣтлѣй:
 На немъ не крутятся огромныя льдины,
 Въ щепы разбивая суда;
 На немъ не блуждаютъ холмы и долины
 И горы полярнаго льда;
 Въ немъ нѣтъ плотоядныхъ и лютыхъ чудовищъ

И мерзостныхъ гадовъ морскихъ;
 Но много прелестныхъ и милыхъ сокровищъ:
 Приволье янтарей золотыхъ
 И рыбы вкуснѣйшей! Балтійскія воды!
 На вольной лазури своей
 Носили вы часто въ старинные годы
 Станицы норманскихъ ладей;
 Слышали вы пѣсни побѣдныя скальда
 И буйные крики войны,
 И пѣсню любви удалаго Гаральда,
 Пѣвца непреклонной княжны;
 Носили вы древле и грузы богатства
 На Русь изъ нѣмецкой земли,
 Когда, сограждане ганзейскаго братства,
 И Псковъ и Новгородъ цвѣли;
 И нынѣ вы носите грозные флоты:
 Не рѣдко въ строю боевомъ
 Гуляютъ на васъ громовые оплоты
 Столицы, созданной Петромъ,
 И тысячи, тьмы росписныхъ пароходовъ
 И всякихъ торговыхъ судовъ
 Съ людьми и вещами всѣхъ царствъ и народовъ
 Изъ дальнихъ и ближнихъ краевъ.
 О! вы достославны и въ новые годы,
 Какъ прежде; но пѣсню мою,
 Похвальную пѣсню, балтійскія воды,
 Теперь я за то вамъ пою,
 Что вы, въ ту годину, когда бушевала
 На васъ непогода, — она
 Ужасна, сурова была: подымала
 Пучину съ далекаго дна,
 И силы пучинной и сумрака полны.
 Громады живаго стекла,

Качаяся, двигались шумныя волны,
 И бездна межъ ними ползла;
 И долго тѣ волны бурлили, и строго
 Онѣ разбивали суда,
 И долго та бездна зіяла и много
 Пловцовъ поглотила, — тогда,
 Въ тѣ страшные дни роковой непогоды,
 Почтенно уважили вы
 Елагинныхъ; вы ихъ на невскія воды
 Примчали, — и берегъ Невы
 Счастливо ихъ принялъ: за то вы мнѣ краше
 Всѣхъ южныхъ и сѣверныхъ водъ
 Морскихъ, и за то уваженіе ваше
 Мой стихъ вамъ и честь отдаетъ!

—

Э Л Е Г И Я .

—

Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался
 Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!
 Мой черный день не разгулялся,
 Мнѣ утѣшенья нѣтъ, какъ нѣтъ;
 Печальный, трепетный и томный
 Назздъ, въ отеческій мой домъ,
 Спѣшу, какъ птица въ кустъ укромный
 Спѣшить, забитая дождемъ.

—

НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ .

—

Благословляю твой возвратъ
 Изъ этой нехристи нѣмецкой,

На Русь. къ святынѣ москворѣцкой!
 Ты, слава Богу, счастливъ, братъ:
 Ты дома, ты уже устроилъ
 Себѣ привольное житье;
 Уединеніе свое
 Ты оградилъ и успокоилъ
 Отъ многочисленныхъ суетъ.
 И вредоносныхъ наводженій
 Мірскихъ, отъ праздности и лѣни,
 Отъ празднословиящихъ бесѣдъ,
 Высокой, вѣрною оградой
 Любви къ труду и тишинѣ;
 И своенравно и вполнѣ
 Своей работой и прохладой
 Ты управляешь, и цвѣтеть
 Твое житье легко и пышно,
 Какъ милый цвѣтъ въ тѣни затишной.
 У родника стеклянныхъ водъ!
 А я, по прежнему, въ Ганау
 Сижу, мнѣ скука и тоска
 Среди чужаго языка:
 И Гальмъ, и Гейне, и Ленау
 Передо мной, усердно ихъ
 Читаю я, но толку мало;
 Мои часы несносно вяло
 Идутъ, какъ безталанный стихъ;
 Отрады нѣтъ. Одна отрада.
 Когда передъ моимъ окномъ,
 Площадку гладкимъ хрусталёмъ,
 Оледенить година хлада:
 Отрада мнѣ тогда глядѣтъ,
 Какъ нѣмецъ скользкою дорогой
 Идетъ, съ подскокомъ жидконогой —

И баць да баць на гололедь!
 Краснорѣчивая картина
 Для русскихъ глазъ! Люблю ее!
 Но вѣдь томленіе мое
 Пройдетъ же — и меня чужбина
 Отпуститъ на святую Русь!
 О! я, какъ плаватель спасенной
 Отъ бурь и бездны тревоженной.
 Счастливъ и радостенъ явлюсь
 Въ Москву, что въ пристань. Дай мнѣ руку!
 Пора мнѣ дома отдохнуть;
 Я перекочкалъ трудный путь.
 Перетерпѣлъ тоску и скуку
 Тяжелыхъ лѣтъ въ краю чужомъ!
 За то смотри: гляжу героемъ;
 Давай же, братъ, собща устроимъ
 Себѣ пріютъ и заживемъ!

Э л е г и я.

Поденщикъ, тяжело навьюченный дровами.
 Идетъ по улицѣ. Спокойными глазами
 Я на него гляжу; онъ прежнихъ думъ моихъ
 Печальныхъ на душу мнѣ болѣе не наводитъ:
 А были дни — и вѣкъ я не забуду ихъ —
 Я думалъ: Боже мой! какъ онъ счастливъ! онъ ходитъ!

АЛЕКСѢЮ АНДРЕЕВИЧУ ЕЛАГИНУ.

Была прекрасна, весела
 Та живописная картина
 Свободной жизни, та година
 Достоинно-празднична была,
 Когда остатки вдохновеній
 Студентской юности моей
 Я допивалъ въ кругу друзей,
 Въ Москвѣ, и полонъ пѣснопѣніи,
 Стихомъ блистая удалымъ,
 Восторженъ, выше всякой прозы,
 Гулялъ у васъ — и дѣвы-розы
 Любили хмѣль мой, слава имъ!
 А нынѣ гдѣ, каковъ я нынѣ?
 О! знаю, чувствую: тому
 Душецвѣтенью моему,
 Той исторической картинѣ
 Не повториться никогда.
 Но ежели мои печали
 Минуютъ такъ, какъ миновали
 Мои златые дни — тогда
 Грѣшно бы, право, на досугѣ
 Не помянуть намъ за виномъ
 О томъ гуляніи моёмъ,
 Какъ о минувшемъ, миломъ другѣ.
 Не такъ ли? Я почти готовъ,
 Я радъ сердечно, я чужбину,
 Мою тоску легко покину,
 И прямо съ майнскихъ береговъ
 Въ Москву. Вы ждете — ѣду, ѣду,

Скачу, лечу, и вотъ, какъ разъ . . . .
 Я къ вамъ, сажуся подлѣ васъ,
 И наливаи сосѣдъ сосѣду!

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ.

КОМНАТА ВЪ ТРАКТИРѢ.

I.

ВЛАСЬЕВЪ.

Войди! Ахъ! здравствуй . . . .

СКАЧКОВЪ.

Здравствуй, братъ!

ВЛАСЬЕВЪ.

Откуда и куда ты?

СКАЧКОВЪ.

Возвращаюсь

Изъ дальнихъ странъ въ Россію.

ВЛАСЬЕВЪ.

Какъ я радъ

Тебѣ! Садись.

СКАЧКОВЪ.

Давно ужъ я толкаюсь

Межъ нѣмцами; пора мнѣ ко своимъ,
 Въ отечество : отечественный дымъ . . . .
 А ты, здоровъ? Не такъ ли?

ВЛАСЬЕВЪ.

Поправляюсь . . . .

Я хоть куда!

СКАЧКОВЪ.

Карлсбадъ тебѣ помогъ:

Чудесный ключъ!

ВЛАСЬЕВЪ.

Я имъ весьма доволенъ.

СКАЧКОВЪ.

И есть за что: ты словно не былъ боленъ,
 Сталъ молодцомъ, отъ головы до ногъ
 Включительно, ты потолстѣлъ прекрасно.
 Свѣжь и румянъ. Ты явишься домой.
 Милъ и любезенъ тѣломъ и душой.
 А между-тѣмъ ты ѣздилъ не напрасно
 И для ума, ты бросилъ высшій взглядъ
 На разные предметы, освѣжился
 Отъ жизни вялой, сонной, прокатился
 Въ Германію. И знаешь ли что, братъ?
 Женись-ка ты. Покинь свой бытъ келейной.
 Бесплодныя работы и мечты
 Студентскихъ лѣтъ, да смѣло въ міръ семейной,
 Въ объятія любви и красоты!
 Ты вѣрно счастливъ будешь, мнѣ, какъ другу,
 Повѣрь ты: одинокое житье
 Не хорошо, особенно твое
 Сидячее, найди себѣ подругу
 Хариту.

ВЛАСЬЕВЪ.

Я отъ этого не прочь

И былъ бы радъ . . . .

СКАЧКОВЪ.

Давно ты здѣсь?

ВЛАСЬЕВЪ.

Недавно,

Однакожь я все осмотрѣлъ исправно:
Мадонну и Корреджіеву ночь,
Зеленый Сводъ, все видѣлъ.

СКАЧКОВЪ.

И отсюда

Назадъ, въ Москву?

ВЛАСЬЕВЪ.

Конечно.

СКАЧКОВЪ.

И когда?

ВЛАСЬЕВЪ.

Не знаю самъ.

СКАЧКОВЪ.

Кто жь знаетъ?

ВЛАСЬЕВЪ.

Да, покуда

Еще никто.

СКАЧКОВЪ.

Такъ у тебя всегда,
Да, нѣтъ! Скорѣй въ Москву, и я съ тобою:
Мы ѣдемъ вмѣстѣ, ѣдемъ и скорѣй!
Мнѣ срокъ уже, мы завтра же . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Ей, ей,

Я не могу, готовъ бы всей душою :
Я долженъ здѣсь остаться, а потомъ
И зимовать, быть можетъ.

СКАЧКОВЪ.

Я, братъ, знаю

Тебя: ой, ой! Тяжелъ ты на подъѣмъ,
А впрочемъ я надежды не теряю
Сегодня же тебя уговорить . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Здѣсь у меня есть дѣло . . . .

СКАЧКОВЪ.

А какое?

Могу ли знать? И полно: все пустое!
Ужь не любовь ли? Ты готовъ любить . . . .
Ты крайне мягокъ сердцемъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Такъ и быть:

Тебѣ открою тайну . . . .

СКАЧКОВЪ.

Объщаюсь

Хранить ее, и будь увѣренъ, братъ,
Что можешь смѣло . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Здѣсь я дожидаюсь:

Вотъ видишь ты, любезнѣйшій, хотятъ
Женить меня.

СКАЧКОВЪ.

- И женятъ непремѣнно,
И сдѣлають весьма умно, и я
Совѣтую . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Хотятъ женить меня,
И тетки, такъ у насъ обыкновенно,
Племяннику на всемъ лицѣ земли
Невѣсту ищутъ.

СКАЧКОВЪ.

И уже нашли
Любезную, богато-молодую,
Красавицу?

ВЛАСЬЕВЪ.

Ужъ вѣрно, не дурную!
Такъ дѣло въ томъ, что здѣсь теперь я жду
Пріѣзда Кемскихъ: познакомлюсь съ ними
И сблизжуся, и ежели найду
Одну изъ нихъ согласною съ моими
Надеждами: то дѣло поведу
Скорѣй къ концу, имѣю повелѣнье
Особенно принять въ соображенье
Зизи, меньшую; впрочемъ выбирать
Могу и самъ! Какъ будущее знать?
Быть-можетъ мнѣ судьба опредѣлила
Ее; онѣ здѣсь будутъ зимовать.
Вотъ почему, вотъ, милый мой, въ чемъ сила!

СКАЧКОВЪ.

Однако же зима ужъ настаетъ,
А Кемскихъ нѣтъ; пошли сибѣга, морозы:
Пора бѣ на мѣсто . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Сѣверныя розы

Не очень хлипки: мѣсто не уйдетъ.
 Признаться, братъ, и тайное влеченье .
 Къ нимъ есть во мнѣ, мое воображенье
 Уже кипитъ желаніемъ любви.

СКАЧКОВЪ.

Кипѣніе похвальное, благое.
 Влюбись, мой другъ: прекрасное земное
 Чаруетъ жизнь, лови его, лови . . . .
 Носи въ груди тотъ пламень благородный,
 Которымъ вспыхнешь; береги его
 Сохранно, свято, какъ залогъ того
 Небеснаго . . . . Итакъ судьбѣ угодно.
 Чтобы въ Москву скакать я одинокъ.
 Путь холодень, и грязень, и далѣкъ
 Мнѣ предлежитъ: помчусь нетерпѣливо
 И ночь и день, и этакъ доберусь . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

А я когда-то на святую Русь!

СКАЧКОВЪ.

Еще уснѣешь, ты теперь счастливо
 Останешься, желанное найдешь,
 И вѣрно славно зиму проведешь
 Въ мечтахъ любви, въ магическомъ туманѣ.
 Въ восторгѣ чувствъ! (*Смотритъ въ окно*).
 Какой прекрасный видъ!
 Трактиръ хорошъ?

ВЛАСЬЕВЪ.

За то биткомъ набитъ.

За то его и любятъ англичане.

СКАЧКОВЪ.

Почтеннѣйшій, единственный народъ,
 Особенно, когда ихъ знаешь дома,
 У нихъ — какъ тамъ все хорошо идетъ!
 Все крѣпко, стройно, дѣльно, все цвѣтетъ!
 Я въ Лондонѣ жилъ долго, мнѣ знакома
 Великая владычица морей.
 Ахъ, братъ, не намъ и говорить объ ней!
 Ты знаешь ли? Вѣдь я было пустился
 Въ Америку — мнѣ кстати бы и тамъ
 Ужь побывать; да просто я полѣнился:
 Притомъ же путь по скачущимъ волнамъ.
 По океану, я и не рѣшился,
 И то сказать: вѣдь я тогда спѣшилъ
 На Рейнъ его видами насладиться,
 Какъ водится, полазить по горамъ,
 По древнимъ башнямъ, каменнымъ тычкамъ:
 Все это мило! Тутъ же прокатиться
 Хотѣлось мнѣ по вольнымъ городамъ:
 Хотѣлось видѣть, что такое тамъ?
 За то теперь я знаю совершенно
 Какъ добрый нѣмецъ, рейнскіе края.
 И если бъ не родные и друзья,
 Я жить бы тамъ остался непремѣнно
 По крайней мѣрѣ на десятокъ лѣтъ.
 Да, Рейнъ рѣка! У насъ подобной нѣтъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Ты говоришь, какъ будто бы ты знаешь
 Россію . . . .

СКАЧКОВЪ.

Ты меня не понимаешь.
 Я думаю, что нѣтъ рѣки у насъ

Классической, хоть матушка Россія
 И велика: у насъ мѣста другія!
 Я помню, я приѣхалъ въ первыйъ разъ
 На Рейнъ; была ужь ночь: остановился
 Я въ домикѣ на самомъ берегу,
 Я ѣхалъ долго, очень утомился,
 Легъ спать; ну не могу, да не могу
 Заснуть, всю ночь я безо сна пробился,
 Я былъ взволнованъ, голова моя
 Такъ и горѣла; мысль, что вотъ и я,
 И я на Рейнѣ! эта мысль глубоко
 Во мнѣ кипѣла и заря взошла,
 Торжественно-спокойна и свѣтла;
 Гляжу въ окно, сверкаетъ Рейнъ широкой
 Въ картинныхъ и веселыхъ берегахъ,
 За Рейномъ горы въ утреннихъ лучахъ,
 И тамъ, и тамъ, далеко, и высоко,
 Старинны башни, замки на горахъ,
 Развалины и прахъ краснорѣчивый!

ВЛАСЬЕВЪ.

А ты до нихъ охотникъ?

СКАЧКОВЪ.

Не совсѣмъ:

Не ревностный, какъ человѣкъ лѣнивый,
 Обзорѣватель занятый не тѣмъ,
 Что онъ обзорѣваетъ, хоть иныя
 Развалины люблю я, но большія,
 Пыльные, какихъ не можетъ быть
 Тамъ . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

На тебя не шутка угодить:

Ты былъ вездѣ.

СКАЧКОВЪ.

И вправду! Кто подобно
 Миѣ странствовалъ и видѣлъ все подробно,
 Кто видѣлъ Римъ, и Тибръ, и Колизей,
 Венецію, Неаполь, кто два года
 Таскался по Италиі, по всей,
 Тому вся эта рейнская природа,
 Всѣ эти горы, замки, острова
 Съ каштанами и липками, все мало,
 Безвкусно, пошло, дико, тринъ-трава!

ВЛАСЬЕВЪ.

А почему же?

СКАЧКОВЪ.

Да! Имъ неостало
 Той сладости, той нѣги, такъ сказать,
 Той мягкости, которыя понять,
 Почувствовать заочно, иль словами
 Изобразить рѣшительно нельзя.
 Италия, вотъ сторона, моя
 Любимая, богатая сѣдами
 Великаго блага, чудесами
 Изящнаго, веселье и краса
 Земли. И что, братъ, тамъ за небеса,
 Прозрачныя и темно-голубыя,
 И облака румяно-золотыя,
 Летучія и тонкія . . . Какъ жаль,
 Что отъ Москвы до Рима эта даль
 Чертовская! Не то бы можно было
 Намъ ежегодно уѣзжать туда
 Отъ нашихъ зимъ и жизни преунылой.

Однако же ты не повѣришь, милой!
 Что даже тамъ я тосковалъ всегда
 По родинѣ, и самъ не понимаю,
 Какъ это, отъ чего бы? Полагаю:
 Отъ слишкомъ частой переменѣ мѣстъ,
 Да отъ ѣзды безъ дѣла и безъ цѣли,
 И я жь таковъ, что все мнѣ надоѣсть
 И скоро: такъ-то мнѣ и надоѣли:
 Во-первыхъ, пресловутая страна
 Премудрости, науки, вся сполна:
 Старинная и новая, пивная
 И винная, такая и сякая,
 Потомъ и самъ туманный Альбионъ,
 Потомъ Парижъ, хотя его соблазны
 Невыразимо какъ разнообразны!
 Италия и южный небосклонъ,
 И всѣ картины сладостнаго юга,
 Все не по мнѣ, все это не мое!
 Хочу къ себѣ, мнѣ только тамъ житье
 Хочу туда, гдѣ завываетъ вьюга,
 Стучитъ морозъ; пора и мнѣ пожить
 Порядочно, и было бѣ безтолково,
 Грѣшно весь вѣкъ въ чужбинѣ прогостить,
 Гдѣ для меня уже ничто не ново.
 Теперь въ Москву покуда, — а весной
 Переселюсь въ деревню на покой,
 На волю и просторъ уединенья,
 Изъ толкотни мірской и тревоженья
 Въ родную глушь, тамъ крѣпко углублюсь
 Въ свои дѣла, привыкну постепенно
 Любить хозяйство, сельскіе труды.
 Ахъ, братецъ! плугъ, взрывающій бразды,
 Полезиѣ меча.

ВЛАСЬЕВЪ.

О, несравненно!

СКАЧКОВЪ.

Такъ ъду. Что жь прикажешь ты въ Москву
Твоимъ друзьямъ?

ВЛАСЬЕВЪ.

Поклоны, рукожатыя!

Скажи, что я не праздно здѣсь живу,
Что у меня есть разныя занятя —
Ученыя, что скоро возвращусь
Домой; скажи друзьямъ, что я сержусь
На нихъ за то, что пренесенно мало
Въ нихъ письменной дѣятельности.

СКАЧКОВЪ.

Да,

Я тоже думалъ, говорилъ всегда.
Вотъ напримѣръ хоть Пронской, славной малою
Душой, умомъ, возвышенный поэтъ,
А проку въ немъ большаго также нѣтъ!
Его таланта вѣрно бы достало
На важный, историческій предметъ,
На драмы, на большія сочиненья
А что же онъ? Два-три стихотворенья
Коротенькихъ Парнассу подарить,
И цѣлый годъ потомъ живетъ ихъ славой,
Покоясь такъ почтенно-величаво,
Какъ будто львомъ немейскимъ онъ покрытъ!
Да, я съ тобой согласенъ совершенно:
У насъ талантъ всегда весьма глупивъ
И много спитъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

И видѣть предосадно,
Какъ самъ себя онъ губить безпощадно
Бездѣйствіемъ, хотя самолюбивъ.

(Слышенъ звонокъ).

СКАЧКОВЪ.

Звонятъ къ обѣду!

ВЛАСЬЕВЪ.

Да.

СКАЧКОВЪ.

Я радъ сердечно:

Я голоденъ порядкомъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Мы пойдемъ

За общій столъ.

СКАЧКОВЪ.

Хорошъ онъ здѣсь?

ВЛАСЬЕВЪ.

Конечно.

Прекрасный и съ прекраснѣйшимъ виномъ.

СКАЧКОВЪ.

А то нѣмецкій столъ безчеловѣчно
Безвкусенъ. Я извѣстный гастрономъ.

(Иходятъ).

II.

СКАЧКОВЪ.

О! Нѣтъ, мой другъ, любовь моя была
Не высока, тѣлесная, земная.

И вдаль увлечь меня бы не могла,
 Мнѣ только-что пріятно оживляя
 Вечернія прогулки, и прошла
 Она, какъ сонъ, игра воображенья!
 А я весьма доволенъ этимъ сномъ,
 И лучшаго инаго развлеченья
 Въ тогдашнемъ положеніи моемъ
 Я не нашель бы: гдѣ жарко было,
 И, какъ нарочно, въ окнахъ у меня
 Стояло солнце половину дня
 Послѣ обѣда, и меня палило
 Неумолимо; вечера я ждалъ,
 Какъ радости или свиданья съ милой,
 И чуть лишь вечеръ, я ужъ покидалъ
 Свое жиье, лѣгль вкушать прохладу
 Въ сосѣдній садъ, тѣмъ паче, что она
 Съ красавицей была сопряжена;
 И находилъ я вѣрную отраду
 Въ тѣни деревъ, въ дыханіи любви.
 Такъ прожилъ я спокойно, беззаботно
 Два мѣсяца, потомъ дѣла мои . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Ты будешь пить шампанское?

СЛАЧКОВЪ.

Охотно,

А ты?

ВЛАСЬЕВЪ.

Нѣтъ, я не пью.

СЛАЧКОВЪ.

И, полно, братецъ, пей.

ВЛАСЬЕВЪ.

Запрещено.

СЛАЧКОВЪ.

Боишься лѣкарей?

Повѣрь ты мнѣ, я это лучше знаю,
 Шампанское здоровью не вредить:
 Я пью его давно и выпиваю
 Помногу, что же у меня болить?
 Мнѣ подражай (*пьетъ*). Почтениѣйшій, желаю
 Тебѣ мой другъ, чтобы всегда впередъ
 Ты былъ далекъ отъ горькой чаши водъ,
 Какъ я теперь, и пить бы безопасно
 Вино. какъ я.

ВЛАСЬЕВЪ.

Вино къ водамъ ведѣтъ.

СЛАЧКОВЪ.

О нѣтъ! Да впрочемъ на водахъ прекрасно
 Проводятъ время: тамъ больной народъ
 Не унываетъ, лѣчится гуляя;
 Тамъ царствуетъ свобода золотая:
 Всѣ запросто, всѣ вмѣстѣ, всѣ равны:
 Тамъ самые высокіе чины
 Предъ малыми чинами не спѣсивы.
 Напротивъ тихи, ласковы, игривы
 Со всѣми, тамъ всѣ пить осуждены
 Одну волну. — людей нужда смиряетъ!
 Подобная исторія бываетъ
 И у звѣрей: ты знаешь, милый мой,
 Что точно такъ въ невыносимый зной
 И барсъ и тигръ смиренны, какъ ягнята,
 И съ кроткими звѣрьми запанибрата

На зелени прохладныхъ луговинъ
Аравіи!

ВЛАСЬЕВЪ.

Какъ тонко изощряеть
Вино твои умъ!

СКАЧКОВЪ.

Оно лишь возбуждаетъ.
Его; итакъ я буду пить одинъ,
И не спѣша. Я чашу наслажденья
По каплѣ пью, какъ Батюшковъ велить
Весьма умно, вѣдь онъ почти забыть,
А я люблю его стихотворенья:
Прекрасны, нѣжны, пламенны они;
Въ нихъ сладость меда, благовоныя розы
И жаръ любви; конечно въ наши дни
Иначе пишутъ, нынче время прозы,
. . . . . Проперцій и Парни
Пѣть моды вышли, мизья созданья!
Желаю я, чтобы твои желанья
Исполнились! Узнай ее, влюбись
Въ нее, зачѣмъ тебѣ терять напрасно
Дни юности? Немедленно женись,
Ахъ, что же я, да это вѣдь ужасно!
Какой же я разсѣянный! Едва
Не позабылъ: что, братецъ, какова
Та съ пышными, летучими кудрями,
Что за столонъ, какъ разъ противъ тебя . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Мила!

СКАЧКОВЪ.

Мила? А я, такъ виѣ себя
Отъ этихъ глазъ подъ черными бровями
И длиннотѣнными рѣсницами . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

И взглядъ,
У ней какъ радость.

СКАЧКОВЪ.

Ясность молодая
Въ лицѣ, улыбкѣ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Цѣлый міръ отрадъ
Плѣнительныхъ.

СКАЧКОВЪ.

Прелестный ангелъ рая,
Цвѣтъ совершенства.

ВЛАСЬЕВЪ.

Впрочемъ и другая,
Ея сосѣдка, очень не дурна
И на нее похожа, знать меньшая
Сестра ея.

СКАЧКОВЪ.

Жаль, что она блѣдна,
Какъ снѣгъ, и смотритъ какъ-то вяло,
Не ласково, безсмысленно, въ ней мало
Огня и жизни, это не по миѣ,
Не хорошо!

ВЛАСЬЕВЪ.

Но если бы прибавить
Румянецъ къ этой чистой бѣлизнѣ
Ея лица? . . . .

СКАЧКОВЪ.

Да, кое-что поправить
Въ ея лицѣ; кромѣ того у ней
Ни пышныхъ плечъ, ни мраморныхъ грудей,
Той сильной, увлекательной приманки
Для вождельнѣй . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Говорятъ онѣ
Поанглійски . . . .

СКАЧКОВЪ.

Должно быть англичанки,
И портеръ пьютъ, тѣмъ паче милы мнѣ! (*Пьетъ*).
Да здравствуютъ прелестныя британки!
Да процвѣтаютъ нѣжныя цвѣты
Высокой и чистѣйшей красоты!
Откуда ѣдутъ Кемскія?

ВЛАСЬЕВЪ.

Не знаю:
Они сперва поѣхали въ Парижъ,
Въ Марсель и въ Ниццу, ихъ не сослѣдить;
Итакъ я ихъ оттуда ожидаю,
Откуда только вѣтры могутъ дуть,
Хоть мнѣ тоска.

СКАЧКОВЪ.

И полно, другъ мой, будь
Непоколебимъ. Бываютъ ожиданья

И тяжелы и горьки для сердець :
 За то легокъ и сладокъ ихъ вѣнецъ.
 Тебѣ любовь свои очарованья
 Предназначаетъ, много впереди
 Тебѣ отрадъ; великодушно жди
 Грядущаго своей судьбы прекрасной!
 Мой другъ! въ тиши семейнаго житья,
 Отъ бурь мірскихъ далеко безопасной,
 Прямое счастье. Часто, братъ, и я
 О немъ мечтаю, только-что мечтаю:
 Не мнѣ оно! люблю я блескъ и шумъ
 И прелесть шира, и вездѣ скучаю!
 Живя и наслаждаясь наобумъ,
 Я чрезвычайно скоро пресыщаюсь
 Всѣмъ вообще, и потому скитаюсь
 Изъ края въ край; мой безпокойный умъ
 Всегда чего-то ищетъ; мнѣ съ нимъ мука
 Всегда и всюду, такъ уже давно,
 Такъ и теперь . . . за чѣмъ? куда я? Скука,
 Одно и то же, то же и одно,
 Томить меня, гнететь и гонить чудно
 Домой, зачѣмъ? Скучать о тѣхъ земляхъ,
 Гдѣ я скучалъ недавно. Право, страхъ
 Мнѣ и подумать, какъ я безразсудно,
 Въ какихъ я пошлыхъ, явныхъ пустякахъ
 Теряю дни и мѣсяцы и годы!
 На всемъ раздольѣ счастья и свободы,
 Какъ разцвѣтала молодость моя,
 Безпечная! Теперь когда глубоко
 Въ себя вошелъ я; вижу какъ жестоко,
 Но праведно судьбой наказанъ я!
 Я чувствую: я жизнь мою
 Пренебрегалъ, я забавлялся ею,

Шалилъ я сю, какъ дитя шалить
Премудрыми, священными листами.

ВЛАСЬЕВЪ.

Слишкомъ горячить

Тебя вино.

СКАЧКОВЪ.

Я истинно сердить
Самъ на себя, и мрачными глазами
Гляжу на все, и болѣ всего
На будущность мою, гдѣ ничего
Отраднато . . . . несчастная картина!
Въ ней мысли нѣтъ! Что жь этому причина?
Увидишь ты: все такъ и быть должно
Со мной, какъ есть. Причина: не дано
Мнѣ ровно никакого направленья
Первоначально, и въ душѣ моей
Нѣтъ ничему пріюта, утвержденья
Достойнаго; отъ самыхъ юныхъ дней
Высокія, святыя впечатлѣнья
Ей ни почемъ: они блеснутъ на ней —
И прочь и прочь, слѣдовъ неоставляя,
Лишь пустоту! Вотъ, милый другъ, какая
Досталася мнѣ доля бытія
Страннѣйшая! Вотъ какъ воспитанъ я
Безмысленно! Не только не развиты
Хорошія способности во мнѣ
Природныя, онѣ совсѣмъ убиты,
Немилосердо въ самой ихъ веснѣ!
Вся жизнь моя одно большое горе,
И я не силенъ горю пособить!
Рѣшительно могу себя сравнить

Теперь съ ладьей на тревоженномъ морѣ;
 Въ туманномъ небѣ ниодна звѣзда
 Не свѣтитъ, страшнымъ ревомъ непогоды
 Наполненъ воздухъ, хлещутъ бурны воды,
 Несутъ ладью и чортъ знаетъ куда!
 И эта мысль меня сопровождаетъ
 Вездѣ, какъ тѣнь, а я ли виновать?
 Ты видишь!

ВЛАСЬЕВЪ.

Видю, хмѣль въ тебѣ играетъ,
 Но хмѣль пройдетъ.

СКАЧКОВЪ.

О! счастливъ много кратъ
 Тотъ, кто края чужіе покидаетъ
 Не горестно и въ тоже время знаетъ,
 За чѣмъ свои родимые края
 Онъ покидалъ . . . .

ВЛАСЬЕВЪ.

Вотъ напримѣръ какъ я
 Покинулъ ихъ; ты смотришь слишкомъ строго
 Самъ на себя и на земной свой путь:
 Живи на свѣтѣ просто, какъ-нибудь,
 Какъ многіе, не занимаясь много
 Вопросами о жизни и судьбѣ:
 Иначе ты себя лишь раздражаешь,
 А пользы нѣтъ! И пей.

СКАЧКОВЪ.

Скажу тебѣ,
 Ты знаешь, нѣтъ, ты этого не знаешь!
 Ты очень плохъ и слабъ по части винъ . . . .

Я думаю, да и не я одинъ.
 И многіе такъ думаютъ, что вина,
 Когда желаешь всю ихъ прелесть знать,
 Въ виду тѣхъ мѣстъ и должно распивать,
 Гдѣ вина тѣ родятся, что картина
 Долинъ, рѣкъ, горъ, пригорковъ имъ родныхъ,
 Важна при этомъ дѣлѣ, украшая
 Ихъ дѣйствіе и дивной силѣ ихъ.
 Содѣйствуя, и душу восхищая
 Невыразимо. Точно такъ читать
 Поэта должно тамъ, гдѣ развивался
 И возрасталъ онъ, тамъ, гдѣ, такъ сказать,
 Талантъ его бродилъ и разливался.
 Не мудрено все это испытать
 При случаѣ: такъ, помню я, бывало,
 Ахъ, какъ меня воспламеняло! —
 Я разумью рейнское вино, —
 Бывало, пью, а самъ гляжу въ окно.
 И старецъ Рейнъ роскошно предо мною
 Блеститъ, и черный лебедь рейнскихъ водъ, —
 Такъ величаютъ нѣмцы пароходъ
 На Рейнѣ, — пѣнить волны подъ собою!
 Далече горы, замки на горахъ,
 И небосклонъ въ златистыхъ облакахъ:
 Сильнѣе вдвое душу восхищаетъ
 Живая сладость добраго вина,
 Когда въ виду прелестная страна . . . .

ВЛАСЬЕВЪ (*Смотритъ въ окно*).

Красавица-британка уѣзжаетъ!

СКАЧКОВЪ (*Подбѣгаетъ къ окну*).

Не можетъ быть. И точно, вѣдь она!
 Вотъ хорошо! А я еще не знаю,

И кто онъ? О! надобно узнать!
Онъ того достойны — *(выходитъ и тотчасъ возвращается)*.

Поздравляю

Тебя, мой милый, можешь перестать
Здѣсь дожидаться Кемскихъ! Это были
Онъ.

ВЛАСЬЕВЪ.

Онъ? Неужели онъ!

СКАЧКОВЪ.

Изъ Лондона и скачутъ въ Римъ!

ВЛАСЬЕВЪ.

Жаль мнѣ! *(Задумывается)*.

СКАЧКОВЪ.

Такъ и тебя, мой другъ, воспламенили
Глаза.

ВЛАСЬЕВЪ.

Ничуть! Ахъ, я чудакъ, чудакъ!

СКАЧКОВЪ.

Теперь тебѣ не гнаться же за ними.

ВЛАСЬЕВЪ.

И вотъ я здѣсь съ надеждами моими,
Какъ на мели . . . .

СКАЧКОВЪ.

О, нѣтъ, совсѣмъ не такъ!
Утѣшься, братъ! Вѣдь не съ однимъ съ тобою
Случаются невзгоды: такова
Земная жизнь, смиришь передъ судьбою!
Ей хочется, чтобъ ѣхалъ ты со мною.

ВЛАСЬЕВЪ.

Такъ ѣду же.

• СКАЧКОВЪ (Прѣтъ).

Да здравствуетъ Москва!

КАРОЛЕННѢ КАРЛОВНѢ НАВЛОВОЙ.

Въ тѣ дни, когда мечты блистательно и живо
 Въ моей кипѣли головѣ,
 И молодость мою поканчивалъ гульливо
 Я въ Бѣлокаменной Москвѣ,
 У Красныхъ у Воротъ, въ республикѣ, привольной
 Наукѣ, сердцу и уму,
 И упоеніямъ веселости застойной,
 И гѣснопѣнью моему, —
 Въ тѣ дни, когда мою студенческую славу
 Я оправдалъ при звонѣ чашъ, —
 Въ тѣ дни, поэтъ я былъ, по долгу и по праву,
 По преимуществу былъ вашъ;
 И воспѣвалъ я васъ, и вы благоволили
 Веселымъ юноши стихамъ,
 Зане тогда сильны и сладкозвучны были
 Мои стихи: спасибо вамъ!
 И нынче я, когда прошло, какъ сновидѣнье,
 Мое бывшее, все спѣлна,
 И мнѣ одна тоска, одно долготерпѣнье,
 Въ мои крутыя времена
 И, васъ привѣтствовалъ стихами: вы прекрасной
 Отвѣтъ мнѣ дали, и отвѣтъ

Возстановительный! И такъ я не напрасно
 Еще гляжу на божій свѣтъ :
 Еще сіяетъ мнѣ любезно, какъ бывало,
 Благословенная звѣзда,
 Звѣзда поэзіи. О, мнѣ и горя мало!
 Мнѣ хорошо, я хотъ куда!

Г О Р А .

Взойди вонъ на эту безлѣсную гору,
 Чтò выше окружныхъ, подоблачныхъ горъ:
 Душѣ тамъ отраднò и вольно, а взору
 Оттуда великій, чудесный просторъ.

Увидишь недвижное море громаднхъ
 Гранитныхъ, ледяныхъ и снѣжныхъ вершинъ,
 Отважные бѣги стремнинъ водопадныхъ,
 Разсѣлины горъ, логовища лавинъ,

Угрюмыя пропасти, полныя мглою,
 И свѣтлыя холмы, поляны, лѣса,
 И грады, и села, внизу подъ тобою;
 А выше тебя лишь одинъ небеса!

ИЗРЪЧЕНІЕ

АЛЕКСѢЯ ДМИТРИЕВИЧА МАРКОВА .

Любилъ онъ крѣпкіе напитки, и не мало;
 Въ свободные часы онъ ихъ употреблялъ.

Но былъ всегда здоровъ и службу исполнялъ
 Добропорядочно, и дѣло не стояло
 За нимъ; былъ духомъ твердъ, глубокомысленъ; словъ
 Не тратилъ попусту; но рѣчью необильной
 Умѣлъ онъ дѣйствовать рѣшительно и сильно;
 При случаѣ умы своихъ учениковъ
 Онъ ею поражалъ, какъ громомъ: такъ однажды
 Палимый жаждою, онъ воду пить не сталъ —
 Другой Катонъ въ пустынѣ! — и сказалъ
 Поморщившись: «вода не утоляетъ жажды».

М О Р Е.

Струится и блещетъ, свѣтло, какъ хрусталь,
 Лазурное море; огнистая даль
 Сверкаетъ багрянцемъ, и вѣтеръ шумитъ
 Попутный: легко твой корабль побѣжитъ;
 Но, кормчій, пускайся весело въ путь,
 Смотри ты: надежна ли мѣдная грудь,
 Крѣпки ль паруса корабля твоего,
 Здоровы ль дубовыя ребра его?
 Вѣдь море лукаво у насъ: неравно
 Смутится и вдругъ обуяетъ оно,
 И страшною силой съ далекаго дна
 Угрюмая встанетъ его глубина,
 Расходится, будетъ кипѣть, бушевать
 Сердито, свирѣпо и дастъ себя знать!

ЭЛЕГИЯ.

И тѣсно и душно мнѣ въ области горъ,
 Въ глубокихъ вертепахъ, въ гранитныхъ лощинахъ
 Я выросъ на свѣтлыхъ холмахъ и равнинахъ,
 Привыкъ побродить, разгуляться мой взоръ!

Мнѣ своды небесъ чтобъ высоко, высоко
 Сіяи открыты туда и сюда;
 По краю небесъ чтобъ тянулась гряда
 Лѣсистыхъ пригорковъ, синѣясь далеко,

Далеко: тамъ дышетъ свободнѣе грудь!
 А горы да горы . . . онѣ такъ и давятъ
 Мнѣ душу, суровыя: словно заставятъ
 Онѣ мнѣ желанный на родину путь!

ЭЛЕГИЯ

ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ ПОСТНИКОВУ.

Въ тѣни громадъ снѣговершинныхъ,
 Суровыхъ, каменныхъ громадъ
 Мнѣ тяжело отъ думъ кручинныхъ:
 Кипитъ, шумитъ здѣсь водопадъ,
 Кипитъ, шумитъ онъ безпрестанно,
 Онъ усыпительно шумитъ!
 Безмолвенъ лѣсъ, и постоянно
 Пусть, и не весело глядитъ:

А, вонъ охлопя сѣрой тучи,
 Цѣпляясь за лѣсъ тамъ и сямъ,
 Ползуть, пушисты и тягучи,
 Вверхъ къ задремавшимъ небесамъ.
 Ахъ, горы, горы! Прочь скорѣе
 Отъ нихъ домой! Не ихъ я сынъ!
 На Русь! Тамъ сердцу веселѣе
 Въ виду смѣющихся долинъ!

—

Э Л Е Г И Я .

—

Опять угрюмая, осенняя погода,
 Опять расплакалась гаштейнская природа,
 И плачетъ, бѣдная, она и ночь и день :
 На горы налегла ненастной тучи тѣнь,
 И нѣтъ исходу ей! Душа во мнѣ уныла :
 Передъ моимъ окномъ, бывало, проходила
 Одна прекрасная; отколь и какъ сюда
 Она явилася, не вѣдаю, звѣзда
 Съ лазурно-свѣтлыми, веселыми глазами,
 Съ улыбкой сладостной, съ лилейными плечами;
 Но и ея ужь нѣтъ! О! Я бы радъ отсель
 Летѣть, бѣжать, идти за тридевять земель,
 И хладъ, и зной, и дождь, и бурю побѣждая.
 Туда, скорѣй туда, гдѣ, прелесть молодая,
 Она господствуетъ и всякій день видна:
 Я думаю, что тамъ всегдашняя весна!

ВЕСНА.

Великолѣпный день! На мягкой муравѣ
 Лежу; ни облачка въ небесной синевѣ!
 Цвѣтетъ зеленый лугъ; чистѣйшій воздухъ горной
 Прохладой сладостной и нѣгой животворной
 Струится въ грудь мою, и полонъ я весной!
 И вотъ пѣвецъ ея летаетъ надо мной,
 И звуки надо мной веселые летаютъ!
 И чувство дивное тѣ звуки напѣваютъ
 Мнѣ на душу. Дажь невольно забытью
 Волшебному, глаза невольно закрываю:
 Легко мнѣ, такъ легко, какъ будто я летаю,
 Летаю и пою, летаю и пою!

АВДОТЬЕ ПЕТРОВИЧЕ ЕЛАГИНОЙ

ПРИ ПОСВЯЩЕНИИ «НОВЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ».

Я знаю, въ дни мои бывше,
 Въ дни жизни радостной и пѣсенъ удалыхъ,
 Вамъ нравились мои восторги молодые
 И мой разгульный, звонкой стихъ;
 И знаю я, что вы и нынѣ,
 Когда та жизнь моя давно уже прошла.
 — О ней же у меня осталось лишь въ поминѣ,
 Какъ хороша она была
 И приглубленная вами
 И принятая въ вашъ благословенный кругъ,
 Полна залетными, веселыми мечтами,

Любя студентскіи свой досугъ, —
 И нынѣ вы, какъ той порою,
 Добры, привѣтливы и ласковы ко мнѣ :
 Такъ я и думаю, надѣюсь всей душою,
 Такъ и увѣренъ я вполнѣ,
 Что вы и нынѣ доброхотно
 Принось мой примите, и сердцу моему
 То будетъ сладостно, отрадно и вольготно.
 И потому, и потому
 Вамъ подношу и посвящаю
 Я новую свою поэзію, цвѣты
 Суровой, сумрачной години; въ нихъ, я знаю,
 Нѣтъ достодолжной красоты,
 Ни бодрой, юношеской силы,
 Ни блеска свѣжести плѣнительной; но мнѣ
 Они и дороги и несказанно милы;
 Но въ чужедаальной сторонѣ
 Волшебно ими оживлялось
 Мнѣ одиночество туманное мое;
 Но, ими скрашено, сносиѣ мнѣ казалось
 Мое печальное житье.

ЯКОВУ ПЕТРОВИЧУ ПОЛОНСКОМУ.

Благодарю тебя за твой подарокъ милой :
 Прими радушный мой привѣтъ!
 Стихи твои блистаютъ силой
 И жаромъ юношескихъ лѣтъ,
 И сладостно звучать, и полны мысли ясной;
 О! пой, плѣнительный пѣвецъ,

Лаская чисто и прекрасно
 Мечты задумчивыхъ сердецъ;
 И пой, какъ соловей поетъ въ затиши сада
 Свою весну, свою любовь,
 И въ пѣньи томъ и вся награда
 Ему за пѣнье, вновь и вновь,
 И слушаютъ его, и громко раздается,
 И гонитъ сонъ отъ ложа дѣвъ,
 И такъ и льется, такъ и льется
 Его серебряный напѣвъ.

КНИЖНИЦЪ СОФЬѢ ПЕТРОВИЦѢ ГОЛЫЦЫНОЙ.

Я слышала, что вы и прекрасны, какъ роза,
 И милы, какъ роза, утѣха полей,
 Что жизни подлунной и скука и проза
 Чуждаются васъ, какъ полдневныхъ лучей
 Чуждается полночь, что также прекрасны
 Вы сердцемъ, какъ прелестью вы разцвѣли,
 Что чувства и мысли въ васъ тихи и ясны,
 Какъ внешнее небо, веселье земли.

Все это я слышала, и слухомъ поэта,
 Отъ всѣхъ, и повсюду, и тысячу разъ,
 И гордо мои пѣснопѣвныя лѣта
 Я вспомнилъ, и смѣло привѣтствую васъ:
 О! будьте всегда таковы: процвѣтайте
 Спокойно, и дѣлайте дѣло свое,
 Земная прелестная роза! вплетайте
 Небесныя розы въ земное жительство.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНЬЕ.

Всевишній граду Константина
Землетрясенье посылалъ,
И гелеспонтская пучина
И берегъ съ грудой горъ и скалъ.
Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гиподромъ,
И стѣнь градскихъ верхи зубчаты,
И все поморіе кругомъ.

По всей пространной Византіи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлся литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь:
Сенать, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь.

Вотще! Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ,
И гулъ и громъ землетрясенья
Не умолкалъ, не умолкалъ.
Тогда невидимая сила
Съ небесъ на землю низопла,
И быстро отрока схватила,
И выше облакъ унесла:

И внялъ онъ горнему глаголу
Небесныхъ ликовъ: Святъ, Святъ, Святъ!

И пѣсню ту принесъ онъ долу,
 Священнымъ трепетомъ объять,
 И церковь тѣ слова святыя
 Въ свою молитву приняла,
 И той молитвой Византія
 Себя отъ гибели спасла.

Такъ ты, поэтъ, въ минуту страха
 И колебанія земли
 Носись душой превыше праха,
 И ликамъ ангельскимъ внемли,
 И приноси дрожащимъ людямъ
 Молитвы съ горней вышины,
 Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
 Мы нашей вѣрой спасены.

ВАРВАРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ АННЕНКОВОЙ.

Мнѣ милъ прелестный вашъ подарокъ,
 Мнѣ милъ любезный вашъ вопросъ!
 Въ тѣ дни, какъ межъ лилей и розъ,
 Раскидистъ, свѣжъ, блестящъ и ярокъ,
 Цвѣтокъ веселаго житья,
 Я полонъ жизни красовался,
 И здѣсь въ Москвѣ доразвивался
 И довоспитывался, — я
 Въ тѣ дни, золотые дни! быть-можетъ
 И стоилъ этихъ двухъ вѣнковъ:
 А нынѣ . . . я ужь не таковъ.
 Увы! Болѣзнь крушить и ѣжить

Меня, и вѣсть меня тоска;
 А вы и нынѣ благосклонны
 Къ тому, чьи пѣсни самозвонны
 Давно молчать, чья жизнь горька,
 Кого давно ужь, какъ поэта,
 И непривѣтствуетъ никто,
 Лишь вы теперь, — и вамъ за то
 Моя хвала, и многи лѣта!
 И много, много дай Богъ вамъ
 Созданіи стройныхъ, сладкогласныхъ,
 Прекрасныхъ думъ, стиховъ прекрасныхъ
 Такихъ всегда, какіе намъ
 Вы такъ плѣнительно дарите;
 Да будутъ вѣчно, какъ они,
 Счастливы, ясны ваши дни,
 И долго, долго вы цвѣтите!

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

Благодарю тебя сердечно
 За подаренъице твое! *
 Мнѣ съ нимъ раздолье! Съ нимъ житье
 Поэту! Бойко, быстротечно,
 Легко пошли часы мои
 Съ тѣхъ поръ, какъ ты меня уважилъ!
 Постихотворчески я зажилъ,
 Я въ духѣ! Словно, какъ ручьи
 Съ высокихъ горъ на доли злачны
 Бѣгутъ, игривы и прозрачны,
 Бѣгутъ, сверкая и звеня

* Старинную чернилицу.

Свѣтлостеклянными струями,
 При ясномъ небѣ, межъ цвѣтами,
 Весной: такъ точно у меня
 Стихи мои проворно, мило
 Съ пера бѣгутъ теперь; и вотъ
 Тебѣ, мой явный доброхотъ,
 Стаканъ стиховъ: На, пей! Что было,
 Того нельзя же воротить!
 Да, братъ, теперь мои созданья
 Не то, что въ пору волнованья
 Надеждъ и мыслей; такъ и быть!
 Они теперь напитокъ трезвый:
 Давнымъ-давно уже въ нихъ нѣтъ
 Игры и силы прежнихъ лѣтъ,
 Ни мысли пламенной и рѣзвой,
 Ни пьяно-буйнаго стиха.
 И не дикобинное дѣло:
 Я самъ не тотъ уже, и смѣло
 Въ томъ признаюсь: кто безъ грѣха?
 Но ты, мой добрый и почтенный,
 Ты примешь ласковой душой
 Напитокъ поднесенный мной,
 Хоть онъ безхмѣльный и не пѣнный!

АЛЕКСАНДРУ ДМИТРИЕВИЧУ ХРИШКОВУ.

Тебѣ и похвала и слава подобаетъ!
 Ты съ первыхъ юношескихъ лѣтъ
 Не измѣнялъ себѣ: тебя не соблазняетъ
 Мишурный блескъ мірскихъ суетъ;
 Однажды навсегда предавшися глубоко

Одной судьбѣ, одной любви
 Прекрасной, творческой, и чистой, и высокой,
 Ей вѣренъ ты, и дни твои
 Свободою она украсила, святая
 Любовь къ искусству, и всегда
 Созданія твои плѣнительны, блистая
 Живымъ изяществомъ труда;
 Любуюсь ими я: вотъ рѣчка межъ кустами
 Крутой излучиной бѣжитъ,
 Свѣтло отражены прозрачнымъ струями
 Ряды черемухъ и ракичь,
 Люнящая хрусталь едва, едва колышетъ
 Густовѣтвистую ихъ тѣнь,
 Блеститъ какъ золото, тяжелымъ зноемъ дышетъ
 Палящая, тихій лѣтній день,
 И вотъ купальницы, вотъ ясною волною
 Игривый обнялъ водобѣгъ
 Прелестный, юный станъ, вотъ руки надъ водою
 И груди бѣлыя какъ снѣгъ,
 И черными на нихъ разсыпалась змѣями
 Великолѣнная коса!
 Вотъ горы и Кавказъ; сияютъ надъ горами
 Пышнѣе нашихъ небеса;
 Вотъ груди голыхъ скалъ, угрюмая тѣснины,
 Гдѣ-гдѣ кустарникъ; вотъ Дарьялъ
 И тотъ вертепъ, куда съ заоблачной вершины
 Казбека падаетъ обвалъ!
 Вотъ Терекъ! Это опъ летучей пѣной блестятъ,
 Несется дикъ и силы полнъ,
 Неистово кипитъ, высоко въ берегъ хлыщеть;
 Несется буря бѣлыхъ волнъ,
 По звонкому руслу, съ глухимъ, громовымъ гуломъ,
 Гоня станицу валуновъ!

Вотъ хжины, ауль и садъ передъ ауломъ,
 И купы низменныхъ холмовъ;
 За ними, съ края въ край, синѣяся пустынно,
 Идетъ уныло гладь степей
 Подъ яркій небосклонъ; курганъ островершинной
 Одинъ возвысился на ней,
 Давно-безмолвный гробъ воздвигнутый герою,
 Вождю исчезнувшихъ племень;
 Иль памятникъ войны, сокрывшій подъ собою
 Тьму человѣческихъ именъ!
 Вотъ двухъ безлѣсныхъ горъ обрывы полосаты
 И плющъ зеленый по скаламъ
 Взвился; вотъ чистый лѣсъ и луговые скаты
 Горы Ермолова! Вонъ тамъ,
 Бывало, отдыхалъ мужъ доблести и боя,
 Державшій въ трепетѣ Кавказъ . . . .
 Вотъ быстрая Кубань, волнами скалы роя,
 Сердито пѣнясь и клубясь,
 Летитъ клокочущимъ, широкимъ водопадомъ
 Между утесовъ и стремнинъ!
 Вотъ крѣпость, домики поставленные рядомъ
 И строй чинаровъ и раипъ,
 Воинской частоколь съ рогаткой и заставой,
 Налѣво холмъ и мелкій лѣсъ,
 А далѣ царство горъ громадою стоголавой
 Загородило полнебесъ,
 И въ солнечныхъ лучахъ заоблачныя льдины,
 Какъ звѣзды, свѣтятся надъ ней,
 Порфирнаго кряжа алмазныя вершины,
 Короны каменныхъ царей!
 Подробно, медленно созданьями твоими
 Любуюсь я, всегда я радъ
 Хвалить ихъ: весело бесѣдовать мнѣ съ ними:

Они живутъ и говорятъ!
 Но полно рисовать тебѣ Кавказъ!... Ещели
 Тебя онъ мало занималъ?
 Покинь, покинь страну обваловъ и ущелій,
 Ужасныхъ пропастей и скалъ,
 Гдѣ кроется разбой кровавый и проворный
 Въ глуши вертеповъ и тѣснинъ....
 Иди ты къ намъ съ твоей палитрой животворной
 Въ страну раздолій и равнинъ,
 Гдѣ величавые изгибы разстилая
 Своихъ могущественныхъ водъ,
 Привольно, широко красуясь и сияя,
 Лазурно-свѣтлая течеть
 Царица русскихъ рѣкъ, течеть, ведетъ съ собою
 Красивы, пышны берега
 И купы острововъ надъ зеркальной водою,
 Холмы, дубравы и луга....
 Иди туда, рисуй картины Волги нашей!
 И вѣрь мнѣ, будутъ во сто разъ
 Онѣ еще живѣй, плѣнительнѣй и краше,
 Чѣмъ распрекраснѣй твоей Кавказъ!

КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ.

Въ тѣ дни, какъ только-что съ похмѣлья
 Отъ шумной юности моей,
 Отъ превеликаго веселья
 Я отдохнуть хотѣлъ въ виду моихъ полей,
 Въ тѣни садовъ, на лонѣ дружбы,
 Въ тѣ дни, какъ тихъ и неудаль,

Уже чиновникъ русской службы,
Я родину свою и пль и межевалъ,
 Спокойно, скромно провожая
 Мечты гуляввой головы,
 Въ тѣ дни стихомъ изъ дальня края
 Торжественно меня привѣтствовали вы,
 Стихомъ оттуда, гдѣ когда-то
 Шла ходко, смѣло жизнь моя,
 Гдѣ я гулялъ молодцевато,
 Пилъ крѣпкой, сладкой медъ студентскаго житья . . . .
 Сердечно милъ мнѣ стихъ вашъ бойкой,
 Сердечно любъ привѣтъ мнѣ вашъ,
 Какъ милъ, бывало, за попойкой
 Заздравный крикъ друзей и звонъ заздравныхъ чашъ.
 И что жъ? Я не далъ вамъ отвѣта,
 Не отозвался стихъ на стихъ!
 Но беззаботнаго поэта,
 Меня въ тѣ дни уже свирѣпый рокъ настигъ.
 Ужъ я слабѣлъ, я духомъ падалъ;
 И медицинскіи факультетъ
 Пилюлю горькую мнѣ задалъ:
 Пить воды за моремъ! И пилъ я ихъ пять лѣтъ!
 Но, вотъ въ Москвѣ я, слава Богу!
 Уже не робко я гляжу
 И на парнасскую дорогу,
 Пора, за дѣло мнѣ! Вину и кутежу
 Уже не стану, какъ бывало,
 Пѣть вольнодумную хвалу:
 Потѣхи юности удалой
 Не кстати были бъ мнѣ: не юному челу
 Не кстати рѣзвый плющъ и роза . . . .
 Пора за дѣло! Въ добрый путь!
 Довольно жизненная проза,

мѣзнь гнала меня и мнѣ тѣснила грудь,
 И мѣръ поэта, мѣръ высокой,
 Едва ли мнѣ доступенъ былъ
 Въ моей кручинѣ лежебокой,
 въ глухомъ бездѣйствіи, въ упадкѣ чувствъ и силъ.
 Теперь я крѣпче: грусть и скуку
 Прочь отъ себя уже стихомъ
 Я отогналъ, и подаю вамъ руку!
 Спасибо вамъ, что вы въ томленіи моемъ
 Меня и тамъ не покидали,
 У нѣмцевъ; въ дальней сторонѣ
 Мою тоску вы разгоняли,
 и утѣшительно заботились о мнѣ!
 Желайте жъ вы мнѣ, чтобъ я скоро
 Сталъ бодръ, какъ былъ, чтобъ вовсе я
 Сталъ молодцомъ, и было бъ скоро
 и исцѣленіе . . . . О братья! о друзья!
 Уже ль дождусь я благодати,
 Что смѣло, весело прыгну
 Съ моей болѣзненной кровати
 гоголемъ пойду и пѣсню затыну!

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КИРЕЕВОЙ.

Сильно чувствую и знаю
 Силу вашей красоты:
 Скромно голову склоняю
 И смиренныя мечты
 Передъ ней. Когда бъ вы жили
 Между грековъ въ древни дни,

Греки бѣ васъ боготворили :
 Вамъ построили бѣ они
 Бѣломраморные храмы,
 Золотые алтари,
 Гдѣ бѣ горѣли өмѣамы
 Отъ зари и до зари;
 Васъ и царственная Гера
 Не любила бѣ и гнала
 Не пощадно бѣ, и Венера
 Вамъ покоя бѣ не дала
 За нзмѣны и обпды
 Олимпійцевъ и людей . . . .
 Нынче Геры и Киприды
 Вамъ не страшны; . . . .
 . . . . .

ВЪ НЕЙЖЕ.

Тогда какъ сердцемъ мы лелѣемъ
 Живыя, сладкія мечты,
 И часто розамъ и лилеямъ
 И незабудкамъ красоты
 Мы поклоняемся, — и нѣжно
 Ихъ величаемъ и поемъ, —
 Полны любви самонадежной,
 Старая пламеннымъ огнемъ; —
 Въ тѣ дни желаній легкокрылыхъ,
 Восторговъ, мыслей и стиховъ,
 Счастливыхъ, радостныхъ и милыхъ,
 Когда весь міръ намъ любовь и новъ.

Гостепріимень и чудесень, —
 Въ тѣ дни разгара чувствъ и силъ,
 Я много, много, много пѣсенъ
 Сердечныхъ — вамъ бы посвятилъ,
 Свободно, весело дѣлѣя
 Живыя, пылкія мечты: —
 Нѣтъ, вы не роза, не лилея,
 Вы просто, чудо красоты! —
 Я передъ вами на колѣна
 Упалъ бы, трепетный, гѣмой,
 На вѣкъ, на вѣкъ въ оковы плѣна
 Любви глубокой, роковой!
 Мои глаза бѣ остановились,
 Къ землѣ бѣ склонилась голова,
 Смѣшались, замерли бѣ и сбились
 Во мнѣ всѣ чувства и слова . . . .
 Теперь, мои младыя лѣта
 Прошли; рѣшительно прошли;
 И вы во мнѣ уже поэта
 Смирennemудраго нашли:
 Теперь, холодный и безстрастный,
 Я вижу только суеты
 Вездѣ, во всемъ. Нѣтъ, вы прекрасны,
 Вы просто чудо красоты!
 Нѣтъ! вы всего меня смутили
 Въ тотъ вѣчно памятный мнѣ часъ,
 Какъ на меня вы обратили
 Лучи огнистыхъ вашихъ глазъ:
 Мои глаза остановились,
 Къ землѣ склонилась голова,
 Смѣшались, замерли и сбились
 Во мнѣ всѣ чувства и слова.

ОТРОКЪ ВЯЧКО.

• ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

РУАЛЬДЪ старый воинъ.

ВЯЧКО
БЕРМЯТА } отроки.

Дѣйствіе въ 968 году, въ Кіевѣ, на городской стѣнѣ.

I.

ВЕЧЕРЪ.

РУАЛЬДЪ и БЕРМЯТА.

РУАЛЬДЪ.

Ты правъ, Бермята, больно худо намъ :
 Ъсть нѣчего, пить нѣчего, и голодъ
 И жажда долго и жестоко насъ
 Томятъ и мучать, и въ добавокъ къ нимъ
 Еще и та невзгода, что Изокъ
 Стоитъ у насъ необычайно жарокъ,
 И тихъ, и сухъ, и душень не втерпежъ.
 Изъ края въ край, небесный сводъ надъ нами
 Безвѣтренъ и безоблаченъ, и блестятъ,
 Какъ золотой, и солнце такъ и жжетъ
 Луга и нивы. Съ ранняго утра
 До поздней ночи бродишь, самъ не свой,
 И ночью нѣтъ тебѣ отрады : ночь
 Не освѣжитъ тебя, не успокоитъ
 И спать тебѣ не дастъ, вертись и бейся
 Ты хоть до слезъ . . . . такіе жь точно дни,

Такія жь ночи, помню я, бывали
 Въ землѣ Сиканской. Уфъ! какой тамъ жаръ,
 И вспомнишь, такъ едва не задохнешься, —
 Нѣтъ, мнѣ морозъ сноснаѣ: отъ него
 Уйдешь къ огню и спрячешься въ одежду,
 Не осовѣешь; если жь лѣтній жаръ
 Пройметъ тебя; такъ отъ него и въ воду
 Ты не идешь; и въ ней прохлады мало,
 И весь ты слабъ и вялъ. Да, худо намъ
 И больно худо.

БЕРЯТА.

И рѣку у насъ
 Отрѣзали злодѣи Печенеги.

РУАЛЬДЪ.

Все — ничего, лишь уповай на Бога,
 Да не плошай, да не робѣй и самъ.

БЕРЯТА.

Оттерпимся, либо дождемся князя
 Къ себѣ домой изъ дальняго похода.

РУАЛЬДЪ.

Досадно мнѣ, что Прейтичъ за Днѣпромъ
 Стоитъ и ждетъ тогоже. Что бь ему
 Рѣшиться и ударить всею силой
 На ратный станъ поганыхъ Печенеговъ,
 И къ нимъ пробиться бь. Что тутъ долго думать?
 Богъ вѣсть, когда дождемся Святослава?

БЕРЯТА.

Поди, ему и не въ домекъ про то,
 Какъ мы сидимъ въ осадѣ, еле живы . . .

РУАЛЬДЪ.

А князь далеко, и не можетъ знать
О нашемъ горѣ.

БЕРЯТА.

Князю что до насъ:
Онъ Кіева не любить, онъ его
Забылъ совсѣмъ, онъ промѣнялъ свой Кіевъ
На чужеземный городъ, и живетъ
Тамъ весело — и хорошо ему!
Охъ, не люблю я князя Святослава.

РУАЛЬДЪ.

За что это?

БЕРЯТА.

За то и не люблю,
Что онъ живетъ не въ Кіевѣ.

РУАЛЬДЪ.

Ты молодецъ,

И многого нельзя тебѣ понять
Своимъ умомъ; а я старикъ, я вижу
Подалѣе, чѣмъ ты, молокососъ!
Что Святославъ не нравится тебѣ,
Такъ это, братъ, печаль не велика,
А я его любить не перестану:
Онъ молодецъ!

БЕРЯТА.

Мнѣ что, что молодецъ!
У насъ пхъ вдоволь: всякой Русь не трусь!
Ни ты, ни я нигдѣ мы не уронимъ,
Не выдадимъ отцовской славы . . . . Солнце
Давно за лѣсъ зашло; а намъ на смѣну
Никто не идетъ . . . .

РУАЛЬДЪ.

Знать сходка задержала.

Чья очередь?

БЕРЯТА.

Да Вячки.

РУАЛЬДЪ.

Это онъ,

Что приходилъ вчера сюда на стѣну?
Онъ мнѣ не полюбился: больно гордъ онъ,
Его не тронь, — вишь онъ новгородецъ,
Такъ и спѣсивъ, и съ нимъ не сговоришь;
А парень бойкій!

БЕРЯТА.

Это былъ не Вячко,
А Спиря. Вячко тоже парень бойкій;
Его ты вѣрно знаешь: онъ тотъ самый
Кудрявый, бѣлокурый, быстроглазый,
Что у Ильи Пророка, въ расписной
Избѣ живетъ у тетки. Вячко мнѣ
Другъ и названный братъ; онъ родомъ
Изъ-за Мещеры, изъ села Рязани.

РУАЛЬДЪ.

Такъ, помню, знаю, какъ его не знать?
Я самъ училъ его стрѣлять изъ лука,
Метать копьемъ; онъ малый хоть куда,
Рязанецъ. Я всегда любилъ рязанцевъ;
У насъ въ походѣ пятеро ихъ было,
И живо я ихъ помню и теперь:
Народъ высокорослый, здоровенный,
Народъ мачтовый, строевой, люблю ихъ.

БЕРМЯТА.

Вотъ Вячко! ты, братъ, лежокъ на поминѣ.
Здорово.

ВЯЧКО.

Я замѣшкался, я былъ
На сходкѣ. Слушай-ко, Бермята,
Вѣдь ты мнѣ братъ, такъ сдѣлай мнѣ услугу.

БЕРМЯТА.

Изволь, готовъ и радъ я хоть на смерть
За своего.

ВЯЧКО.

Останься на сторожѣ
Ты за меня, покуда я опять
Сюда приду; я къ утру ворочусь.

БЕРМЯТА.

Куда жь ты это?

ВЯЧКО.

Вотъ куда! на сходкѣ
Судили и рядили старики
О томъ, что де нельзя ли какъ-нибудь
За печенежскій станъ, къ Днѣпру, а тамъ
Ужь и за Днѣпръ — и Претичу словцо
Сказать, что намъ давно ужь силы нѣтъ.
Терпѣть бѣду: я вызвался; отецъ
Висаріонъ благословилъ меня
На славный подвигъ. — Я иду — прощай . . . .

РУАЛЬДЪ.

Ахъ ты мой милый, ахъ ты удалецъ,
Мой ученикъ! Дай мнѣ тебя обнять;
Храни тебя Господь! (обнимаетъ Вячко).

БЕРЯТА.

Иди, мой Вячко!

Смотри же ты . . . .

ВЯЧКО.

Не бойся! я, братъ, знаю,

Что дѣлаю, прощай.

(уходитъ).

РУАЛЬДЪ *(кричитъ вслѣдъ Вячку).*

Прощай, ты встрѣтишь

Фрелафа, такъ скажи ему, что мнѣ

Не надо смѣны.

БЕРЯТА.

Что? каковъ мой братъ?

РУАЛЬДЪ.

Надежный парень! и повѣрь ты мнѣ,

Ему удастся . . . . Всѣ они такіе . . . .

БЕРЯТА.

Добрыня тоже родомъ изъ Рязани.

(помолчавъ).

Ты говорилъ про князя Святослава . . . .

РУАЛЬДЪ.

И говорю, что любъ мнѣ Святославъ,

Онъ молодець; онъ со своеі дружиной

Запанибрата; ѣсть, что мы ѣдимъ,

Пьеть, что мы пьемъ, спить подъ открытымъ небомъ,

Какъ мы: подъ головой сѣдло, постеля —

Сѣдельный войлокъ. Вѣтеръ, дождь и снѣгъ.

Ему ничто. Ты самъ, я чаю, слышалъ,

Какъ онъ, — тогда онъ былъ еще моложе, —

Когда ходили наши на Древянъ,

Бросался первый въ битву. Ты увидишь :
 Въ немъ будетъ прокъ; онъ будетъ государь
 Великій — и прославить свой народъ.
 Да, Святославъ совсѣмъ не то, что Игорь,
 Отецъ его, — будь онъ не тѣмъ помянуть, —
 Князь Игорь былъ не добрый человѣкъ :
 Былъ непомѣрно падохъ на корысть!
 Вѣдь, люди терпятъ, терпятъ, — наконецъ
 Терпѣнье лопнетъ . . . .

БЕРЯТА.

Мнѣ княгиня Ольга
 Тѣмъ по сердцу, что бискупа Лаберта
 Изъ Кіева прогнала . . . .

РУАЛЬДЪ.

Слава ей,
 Что приняла она Святую вѣру
 Отъ грековъ.

БЕРЯТА.

Почему же Святославъ
 Не принялъ тойже вѣры?

РУАЛЬДЪ.

Онъ бы радъ,
 Да какъ ему? Нельзя жь ему перечить
 Своей дружинѣ! Праведно и вѣрно
 Ему дружина служить; за него
 Она въ огонь и воду; крѣпко
 Стоитъ она за князя, такъ еще бъ онъ
 Съ нею ссорился . . . . Берята, я пойду
 На угловую башню; ты останься здѣсь
 И сторожи, не спи и не зѣвай.
 Давно ужь ночь. Какая ночь, какъ день!

II.

РАЗСВѢТЪ.

РУАЛЬДЪ и БЕРМЯТА.

РУАЛЬДЪ.

Прекрасный островъ, дивная земля,
 Всѣмъ хороша. Не слушаешь, товарищъ?
 Кажись, тебя ослипваетъ сонъ.

БЕРМЯТА.

Нѣтъ, я не сплю, я слушаю тебя;
 Я никогда не пророню и слова
 Изъ твоего разсказа: сладко мнѣ,
 Мнѣ весело душой переноситься
 Съ тобой въ твои отважные походы,
 Въ толпы бойцовъ, въ тревоги боевыя,
 Въ разгульный станъ и братскіи шумъ и пиръ,
 Въ прохладные, воинскіе ночлеги, —
 Въ чужихъ поляхъ, при блескѣ новыхъ звѣздъ
 Летать съ тобой въ ладьяхъ вѣтрокрылатыхъ
 По скачущимъ, сверкающимъ волнамъ
 Безбрежнаго, лазореваго моря, —
 Или, въ виду красивыхъ береговъ
 И городовъ невиданной земли,
 Причаливать — и тутъ же прямо въ бой . . . .
 Я слушаю.

РУАЛЬДЪ.

Сиканская земля

Всѣмъ хороша: кругомъ ея шумить
 И блестящее море чисто и свѣтло,

Какъ снѣій сводъ безоблачнаго неба;
На ней оливы, лавры, виноградъ,
И яблоки съ плодами золотыми!
И города изъ тесанаго камня
Обведены высокими стѣнами,
Богатые и людные, — и сѣла,
И сѣла, всѣ изъ тесанаго камня,
Богатыя, и краше, крѣпче нашихъ
Родимыхъ, деревянныхъ городовъ
И сѣлъ. Однимъ она не хороша:
Стоитъ на ней, на самой срединѣ,
Огромная, пристрашная гора,
Высокая, высокая такая,
Что верхъ ея до самаго до неба
Досталь, и облака не залетають
На верхъ ея, и въ той горѣ огонь, —
И есть жерло, и черный дымъ выходитъ
Изъ той горы, и съ той горой бываетъ
Трясеніе — и молнію и жупель
Она бросаетъ изъ себя; въ ту пору
Находитъ страшный мракъ на землю; ужасъ
И трепеть обнимаетъ человѣка
И звѣря; — люди вонъ изъ городовъ
И селъ бѣгутъ и, словно какъ шальные,
Шатаются, и падаютъ, и вопятъ!
А изъ горы огонь столбомъ встаетъ,
Горячій пепель сыплется, и камень
Растопленный течетъ, и потопляетъ
Онъ цѣлыя долины и лѣса,
И города и сѣла; вся земля дрожитъ
И воеетъ; и подземный громъ и гулъ
Реветъ; и нѣтъ спасенья человѣку
Ни звѣрю . . . .

БЕРЯТА.

Какъ же тамъ живутъ?

РУАЛЬДЪ.

Живутъ, себѣ . . . .

БЕРЯТА.

Не весело жь тамъ жить!

РУАЛЬДЪ.

Не весело тамъ, — ахъ ты голова!
 Вѣдь не всегда жь бываетъ тамъ такое
 Трясеніе. Бѣды, братъ, есть вездѣ,
 И нѣтъ отъ нихъ пощады никакимъ
 Странамъ: одно отъ всякихъ бѣдъ спасенье,
 Одно, вездѣ, для всѣхъ людей одно
 Спасеніе: Святая наша вѣра!
 Вотъ и на насъ наша теперь невзгода,
 Какъ быть, терпи . . . .

БЕРЯТА.

А Вячки нѣтъ, какъ нѣтъ!

Давно ужь разсвѣтало — гдѣ жь онъ? . . . .

РУАЛЬДЪ.

Ты, чай, слышалъ, какъ на Царьградъ ходили
 Аскольдъ и Диръ?

БЕРЯТА.

Какъ не слышать! А что? . . . .

РУАЛЬДЪ.

Свирѣпая, неслыханная буря
 Разѣяла и въ морѣ потопила
 Почти-что всю ладейную ихъ рать.

БЕРМЯТА.

И это знаю.

РУАЛЬДЪ.

Отчего жь та буря

Взялась?

БЕРМЯТА.

Не знаю, не могу и знать.

РУАЛЬДЪ.

А я такъ знаю!— Вотъ какъ было дѣло:
 Въ то время былъ у грековъ царь негодный . . . .
 Какъ бишь его? Василий? не Василий . . . .
 Левъ? нѣтъ не Левъ!— какой онъ левъ! Никифоръ?
 И не Никифоръ,— такъ вотъ и вертится
 На языкѣ;— а нѣтъ, не вспомню;— царь
 У грековъ былъ негодный, и такой
 Безпутный и смертельный лошадинникъ,
 И былъ онъ такъ безуменъ, что, бывало,
 Война уже подъ самыя подъ стѣны
 Пришла къ его столицѣ,— а ему
 И горя мало; онъ о томъ и слышать
 Не хочетъ; знай себѣ на скачкѣ: у него
 Тамъ день деньской потѣха: тьма народу,
 И шумъ, и пыль, и громъ отъ колесницъ—
 Безперестанно . . . .

БЕРМЯТА.

Посмотри: бѣжить!

Вѣдь это Вячко! Точно, это онъ,
 Мой другъ и братъ мой . . . . (*входитъ Вячко*).

ВЯЧКО.

Знай же нашихъ!

Конецъ бѣдѣ, уходятъ Печенеги!

РУАЛЬДЪ.

Разска́зываетъ!

БЕРИАТА.

Разска́зываетъ скорѣе!

ВЯЧКО.

Я запыхался, я бѣжалъ сюда . . . .
 Что стало силы, — дайте мнѣ вздохнуть . . . .
 Ну, отдышался — вотъ и хорошо . . . .
 Вчера я въ руки взялъ узду . . . . и вышелъ
 Изъ города; тихонько я пробрался
 Въ станъ Печенеговъ, и давай по стану
 Ходить; хожу, встрѣчаю Печенеговъ,
 Кричу имъ, ихъ собачьимъ языкомъ:
 Не видѣлъ ли кто моего коня?
 А самъ къ Днѣпру, — и къ берегу, и скоро
 Долой съ себя одежду! — бухъ и поплылъ.
 Злодѣи догадались, побѣжали
 Къ Днѣпру толпами, и кричатъ, и стрѣлы
 Въ меня пускаютъ. Наши увидали!
 И лодку мнѣ на встрѣчу, я въ нее
 Прыгнулъ, да былъ таковъ! и вышелъ
 Я на берегъ здоровъ и цѣлъ. Господь
 Спасъ и сберегъ меня. Сегодня,
 Какъ только-что забрезжилась заря
 На небѣ, Претичъ поднялъ станъ свой,
 И трубы затрубили; Печенеги
 Встревожились, встревожился ихъ князь
 И Прейтича встрѣчаетъ; что такое?
 «Веду домой передовой отрядъ,
 А вслѣдъ за мной, со всей своею ратью
 Самъ Святославъ!» сказалъ нашъ воевода.

Перепугался печенежскій князь,
И прочь идетъ отъ Кіева со всею
Своей ордой. Чу! трубы! это наши!
Идемъ встрѣчать ихъ.

БЕРМЯТА.

Славно, славно братья!

РУАЛЬДЪ.

Спасибо, Вячко! ты спасенье наше,
Счастливый отрокъ, честь родной земли!

КАРОЛИНЪ КАРЛОВНЪ ПАРЛОВОЙ.

Тогда, когда жестоко боленъ
Тѣлесно и жестоко хилъ
Душевно, я судьбою былъ
Жить на чужбинѣ приневоленъ, —
Когда подъ гнетомъ же судьбы
И дни мои, всегда больные,
Шли плохо, валко, что хромые
Или гомеровы мольбы, —
И въ томъ моемъ томленьи жесткомъ
Всегда, вездѣ я помнилъ васъ:
На вашъ отраднѣйшій мнѣ возгласъ
Всегда готовымъ отголоскомъ
Я отвѣчалъ; и самый Римъ,
Со всей громадою высокнхъ
Воспоминаній, думъ глубокнхъ,
Въ душѣ встающихъ передъ нимъ, —

Палаты, храмы и столбницы,
И все, что нынѣ говоритъ
Поэту мрачно гордый видъ
Самовластительной столицы
Трехъ поэтическихъ міровъ
Минувшихъ, и поля пустынны
Кругомъ ея, давно старинный
Упрекъ сынамъ ея сыновъ! —
И самый Римъ давалъ мнѣ волю
Воспоминать объ васъ; и въ немъ
Я, вашимъ счастливымъ стихомъ
Любуясь, тягостную долю
Мою не рѣдко забывалъ —
Такъ я ль, теперь, когда оставилъ
Чужбину, и уже направилъ
Мечты туда, гдѣ я жила . . . .
Такъ я ль, когда хвораю менѣ
И не грущу уже, — теперь,
Когда я отворяю дверь
Моей красавицѣ, Каменѣ,
Зову ее къ себѣ; когда
Я здѣсь, въ Москвѣ, гдѣ такъ красивы
И такъ любезно разцвѣли вы
Для вдохновеннаго труда, —
И разцвѣли хвалою и славой —
Гдѣ стихъ вашъ ясенъ, какъ хрусталь,
Какъ злато, свѣтелъ, твердъ какъ сталь,
Звучить и блещетъ величаво, —
Въ Москвѣ, гдѣ васъ, я помню, я
Не разъ, не два, и всенародно
Пѣлъ горячо и превосходно,
Пѣвецъ свободнаго житья,
Громко - хвалебными стихами

Усердно поклонялся вамъ!
 И подобаетъ тѣмъ стихамъ
 Хвала моя: въ ту пору вами
 Моя кружилась голова!
 Теперь-ли я? . . . какой же буду
 Поэтъ я, если позабуду
 Всѣ ваши милыя права
 На стихословныя творенья
 Мои? — Не будетъ никогда
 Мнѣ столь великаго стыда,
 Столь многогрѣшнаго паденья
 Не будетъ мнѣ. Смотрите: вотъ
 Лишь мало-мальски успокоентъ
 Въ моемъ житьѣ, еще разстроентъ
 Толпой болѣзненныхъ заботъ
 Почти весь день, еще надеждѣ
 Почти не смѣя довѣрять,
 Что буду нѣкогда опять
 Такимъ, каковъ бывалъ я прежде,
 Когда лишь только-что дышу
 Волюнѣ, и лишь не сурово
 Гляжу на свѣтъ, — вотъ жизни новой
 Цвѣты я вамъ ужь приношу!

КАРОЛИНѢ КАРЛОВНѢ ПАВЛОВОЙ.

Хвалю я васъ за то, что вы
 Поете намъ, не какъ пшны,
 Что вамъ отечество Россія,
 Вамъ — славной дочери Москвы!

Что вамъ дался языкъ нашъ чудный,
 Метальный, звонкой, самогудный,
 Разгульный, мѣткій нашъ языкъ!
 Вѣдь онъ не всякому по силамъ!
 А почитательницамъ милымъ
 Чужесловныхъ думъ и книгъ
 Онъ не доступенъ — и не знаютъ
 Онъ его — онъ болтаютъ
 Другимъ, не русскимъ языкомъ
 Свои мечты и впечатлѣнья:
 И нѣтъ на нихъ благословенья,
 Онъ у Бога ни почѣмъ!
 Я васъ хвалю и уважаю
 За то, что вы родному краю
 Принадлежите всей душой,
 Что вы понашему поете,
 Хоть языки Шенье и Гёте
 Послушны вамъ, какъ вашъ родной.
 Я васъ хвалю — и радъ я буду,
 Когда пойдеть ходить повсюду
 Моя правдивая хвала
 За подвигъ вашъ: во имя ваше
 Она дѣйствительнѣй и краше
 И въ свѣтъ болѣе смѣла,
 Скорѣй отыщеть грѣшны души:
 Да слышитъ, кто имѣеть уши!

—

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ.

—

Блаженъ, кто мудрости высокой
 Послушенъ сердцемъ и умомъ,

Кто при лампадѣ одинокой
 И при сіяніи дневномъ
 Читаетъ книгу ту святую,
 Гдѣ явенъ Божескій законъ:
 Онъ не пойдетъ въ бесѣду злую,
 На путь грѣха не ступитъ онъ.

Ему не нуженъ путь разврата;
 Онъ лишній гость на томъ пиру,
 Гдѣ братъ обманываетъ брата,
 Сестра клеветаетъ на сестру;
 Ему не нуженъ праздникъ шумный,
 Куда не входятъ стыдъ и честь,
 Гдѣ суесловятъ вольнодумно
 Хула, злорѣчіе и лезть.

Блаженъ! . . . какъ древо у потока
 Прозрачныхъ, чистыхъ, свѣтлыхъ водъ
 Стоитъ, — и тѣнь его широка
 Прохладу страннику даетъ,
 И зеленѣетъ величаво
 Оно, — красуясь плодомъ,
 И своевременно и здраво
 Растетъ и зрѣетъ плодъ на немъ.

Таковъ онъ, мужъ боголюбивый:
 Всегда, во всѣхъ его дѣлахъ
 Ему успѣхъ, а злочестивый . . .
 Тотъ не таковъ; онъ словно прахъ! . . . .
 Но злочестивый правъ не будетъ
 Онъ на судѣ не устоитъ,
 Зане Господь не лестно судить
 И незаконнаго казнить.

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КИРЬЕВОЙ.

Я вновь пою васъ; мнѣ отрадно,
 Мнѣ сладко пѣть и славить васъ:
 Я не люблю, я врагъ нещадный
 Тѣхъ женъ, которыя отъ насъ
 И православнаго закона
 Своей родительской земли
 Подъ вѣтротлѣнные знамена
 Заморской нехристи ушли,
 И западъ ласково ихъ тянетъ
 Въ свои объятія . . . . . но вы . . .
 Онъ васъ къ себѣ не переманитъ
 Никакъ, — нѣтъ, вы не таковы:
 Вы измѣнить не захотите
 Завѣтнымъ чувствамъ; вы исполнѣ,
 Вы чисто намъ принадлежите,
 Родной, славянской сторонѣ,
 И сильно бьется сердце ваше
 За насъ. И тѣмъ милѣе вы,
 Великолѣпнѣе и краше,
 Вы — украшеніе Москвы!

ВЪ АЛЬБОМѢ.

Дороже перловъ многоцѣнныхъ
 Благочестивая жена!
 Чувствъ непорочныхъ, думъ смиренныхъ

И всякой тихости полна,
Она достойно мужа любить,
Живетъ одною съ нимъ душой,
Она труды его голубить,
Она хранить его покой,
И счастье мужа — ей награда
И похвала, — и любо ей,
Что, межъ старѣйшинами града,
Онъ знатенъ мудростью рѣчей,
И что богатъ онъ чистой славой,
И силенъ въ общинѣ своей;
Она воспитываетъ здраво
И бережетъ своихъ дѣтей:
Она ихъ мирно поучаетъ
Благимъ и праведнымъ дѣламъ,
Святую книгу имъ читаетъ,
Сама ихъ водить въ Божій храмъ;
Она блюдетъ порядокъ дома:
Ей миль ея семейный кругъ,
Мірекая праздность незнакома
И чуждъ безсмысленный досугъ.
Не соблазнятъ ея желаній
Ни шумъ блистательныхъ пировъ,
Ни вихрь полуночныхъ скаканій
И сладки рѣчи плясуновъ,
Ни говоръ пусто-величавый
Бездушныхъ, чопорныхъ бесѣдъ,
Ни прелесть роскоши лукавой,
Ни прелесть всяческихъ суетъ.
И домъ ея боголюбивый
Цвѣтетъ добромъ и тишиной,
И дни ея мелькаютъ живо
Прекрасной, свѣтлой чередой;

И никогда ихъ не смущаетъ
 Обуреваніе страстей:
 Господь ее благословляетъ
 И люди радуются ей.

СТИХИ НА ОБЪЯВЛЕНІЕ ПАМЯТНИКА

ИСТОРИОГРАФУ

НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КАРАМЗИНУ.

(посвящаются А. И. Тургеневу.)

Онъ *памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,*
 Достойный праведныхъ похвалъ,
 И краше, чѣмъ кумирь или столбъ камѣносѣчный,
 И тверже, чѣмъ литой металлъ!
 Тотъ славный памятникъ, отчизну украшая,
 О немъ потомству говоритъ
 И будетъ говорить, покуда Русь святая
 Самой себѣ не измѣнить!
 Покуда вняты ей родимыя преданья
 Давно скончавшихся вѣковъ
 Про свѣтлыя дѣла, про лютыя страданья,
 Про жизнь и вѣру праотцовъ;
 Покуда нашъ языкъ, могучій и прекрасной,
 Ихъ вѣщій, ихъ завѣтный гласъ,
 Пѣвучій и живой, звучитъ намъ сладкогласно,
 И есть отечество у насъ!

Любя отечество душою просвѣщенной,
 И славу русскую любя,

Труду высокому обрекъ онъ неизмѣнно
 Всѣ дни свои, всего себя;
 И полонъ имъ однимъ и съ нимъ позабывая
 Призывъ блистательныхъ честей,
 И множество суетъ, какими жизнь мірская
 Манитъ къ себѣ, влечетъ людей
 Въ свои объятія, и силу, и отвагу,
 И жажду чистаго труда,
 И пылкую любовь къ отечеству и благу,
 Мертвить и душитъ навсегда,
 Въ тиши работалъ онъ, почтенный собесѣдникъ
 Простосердечной старины,
 И ей сочувствуя, и правды проповѣдникъ,
 И не наемникъ новизны!
 Сказанья праотцевъ судилъ онъ нелукаво,
 Онъ прямодушно понималъ
 Родную нашу Русь, — и совершилъ со славой
 Великій подвигъ: написалъ
 Для насъ онъ книгу книгъ — и ясною картиной
 Въ ней обновилась старина.

Вотъ первые князья съ варяжскою дружиной,
 И вѣютъ наши знамена
 У цареградскихъ стѣнъ! — Вотъ Русь преображаетъ
 Владиміръ — солнце древнихъ лѣтъ,
 И съ кіевскихъ высотъ ей царственно сіяетъ
 Креста животворящій свѣтъ!
 Вотъ Ярославъ, вотъ вѣкъ усобицы кровавой,
 Раздоръ и трата бодрыхъ силъ;
 Вотъ благодушные и смѣлые Мстиславы,
 И Мономахъ, и Даниилъ!
 Вотъ страшный Божій гнѣвъ: по всей землѣ тревога
 И шумны полчища Татаръ;

Имъ степь шпрокая, какъ тѣсная дорога; *
 Вездѣ война, вездѣ пожаръ,
 И русскіе князья съ поникшими главами
 Идутъ въ безбожную орду!
 Вотъ рыцарство меча съ желѣзными полками
 И ихъ побоище на льду;
 Великій Новгородъ съ своею бурной волей,
 И Псковъ, Новугороду братъ;
 Москва, святитель Петръ, и Куликово поле;
 Вотъ уничтоженный Ахматъ;
 Великій Іоаннъ, всей Руси повелитель, —
 И вотъ нашъ *Грозный*, внукъ его,
 Трехъ мусульманскихъ царствъ счастливый покоритель —

И кровосійца своего,
 Неслыханный тиранъ, мучитель непреклонный,
 Природы ужасъ и позоръ!
 Въ Москвѣ за казнь казнь; у плахи беззаконной
 Весь день мясничаетъ топоръ.
 По земскимъ городамъ толпа кромѣшныхъ бродить,
 Нося грабежъ, губя людей,
 И бѣшено-свирѣпъ, самъ царь ее предводитъ,
 Глава усердныхъ палачей!
 И ты, въ страданіяхъ смертельныхъ цѣпенѣя,
 Ты всѣ кровавыя дѣла,
 Весь дикой произволъ державнаго злодѣя,
 Спокойно ты перенесла,
 Святая Русь! — Но судъ исторіи свободно
 Свой приговоръ ему изрекъ;
 Царя мучителя онъ проклягъ всенародно
 Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ!

---

* Стихъ Озерова.

Вотъ сынъ тирана, — царь-смиреникъ молчаливой,
 Молитва, постъ и тишина,
 И отдохнулъ народъ подъ властью незлобивой,
 И царству слава отдана.
 Правитель Годуновъ; вотъ самъ онъ на престолѣ;
 Но тѣнь изъ гроба возстаетъ
 И гибнетъ царь Борисъ: его не любитъ болѣ,
 Его не хочетъ свой народъ!
 Бродяга царствуетъ, воспитанникъ латинства,
 Онъ презираетъ нашъ законъ,
 Въ Кремлѣ онъ поселилъ соблазны и безчинства,
 Ночныхъ скаканій шумъ и звонъ,
 И пѣсни буйныя, и струнное гуденье . . . .
 Но чу! набатъ и грозенъ крикъ!
 И бурно въ Кремль идетъ народное волненье . . . .
 Долой вѣнчанный еретикъ!
 Вотъ Шуйскій, мятежи — и самозванецъ новый
 Клевретъ строптивыхъ поляковъ;
 Вотъ Михаилъ Скопинъ и братья Ляпуновы!
 Вотъ сотня доблехъ чернецовъ,
 Противу тьмы враговъ громовая твердыня.
 Въ Москвѣ знамена короля . . . .
 Въ плѣну священный Кремль . . . поругана святыня . . .
 Мужайся Русская земля!

Великой подвигъ свой онъ совершилъ со славой!
 О! сколько думъ рождаетъ въ насъ,
 И задушевныхъ думъ, текущій величаво
 Его плѣнительный рассказъ,
 И ясный и живою, какъ волны голубыя
 Рѣки, царицы русскихъ водъ,
 Между холмовъ и горъ, откуда онъ впервые
 Увидѣлъ солнечный восходъ!

Онъ будить въ насъ огонь прекрасной и высокой,
 Огонь чистѣйшій и святой,
 Уже недвижный въ насъ, заглохшій въ насъ глубоко
 Отъ жизни блудной и пустой,
 Любовь къ своей землѣ. Насъ, преданныхъ чужбинѣ,
 Краснорѣчиво учить онъ
 Не рабствовать ея презрительной гордынѣ,
 Хранить въ душѣ родной законъ,
 Надежно уважать свои родныя силы,
 Спасенья чаять только въ нихъ,
 Въ себѣ, — и не плевать на честныя могилы
 Могучихъ пращуровъ своихъ!
 Безсмертенъ Карамзинъ! Его бытописанья
 Не позабудетъ русскій мѣръ,
 И памяти о немъ не нужны струнъ бряцанья,
 Не нуженъ камень иль кумиръ:
 Она безъ нихъ крѣпка въ отчизнѣ просвѣщенной . . . .
 Но слава времени, когда
 И мирный гражданинъ, подвижникъ незабвенный
 На полѣ книжнаго труда,
 Вѣнчанный славою, и гордый воевода,
 Герой счастливый на войнѣ,
 Стоять торжественно передъ лицомъ народа
 Уже на ровной вышинѣ!

—

И. С. АКСАКОВУ.

—

Прекрасны твои пѣснопѣнья живыя,
 И сильны, и чисты, и звонки они:
 Да будутъ же годы твои молодые

Прекрасны, какъ ясныя вешніе дни!
 Бѣги ты далече отъ шумнаго свѣта,
 Не знай вавилонскихъ работъ и заботъ;
 Живи ты высокою жизнью поэта
 И пой, какъ дубравная птица поётъ
 На волѣ; и если тебя очаруетъ
 Красавица-роза — не бойся любви;
 Пускай она нѣжитъ, томить и волнуетъ
 Глубоко всѣ юныя силы твои:
 Въ груди благородной любовь пробуждаетъ
 Высокія чувства — и ею полна,
 Свѣтло, сладкозвучно бѣжитъ и сверкаетъ
 Сердечнаго слова живая волна.
 Безпечно и смѣло любви предавайся,
 Поэтъ! и безъ умолку пой ты объ ней
 Счастливыя пѣсни — и весь выпѣвайся
 Красавицѣ-розѣ, пѣвцу-соловей!
 И бури и грозы чтобъ вѣкъ не взрывали
 Тѣхъ сѣней, гдѣ счастье себѣ ты нашелъ,
 И пѣснямъ твоимъ чтобы тамъ не мѣшали
 Ни хитрая кошка, ни критикъ-осель.

С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Тебѣ хвала и честь и слава!
 Въ твоихъ бесѣдахъ ожива
 Святая Русь — и величава,
 И православна, какъ была:
 Въ нихъ самобытная, родная
 Заговорила старина,

Насъ къ новой жизни подымая
Отъ униженія и сна.

Ты добросовѣстно и смѣло,
И чистой, пламенной душой
Созналъ свое святое дѣло —
И, возбужденная тобою,
Краснорѣчиво рукоплещеть
Тебѣ великая Москва!
Такъ пусть же на тебя клевететь
Мірская, глупая молва!

Твои враги . . . они чужбинѣ
Отцами проданы съ пелёнъ :
Русь не угодна ихъ гордынѣ,
Имъ чуждъ и дикъ родной законъ,
Родной языкъ имъ непонятенъ,
Имъ безотвѣтна и смѣшна
Своя земля, ихъ умъ развратенъ,
И совѣсть ихъ прокажена.

Такъ ихъ не слушай — будь спокоенъ
И не смущайся ихъ молвой,
Науки жрецъ и правды воинъ!
Благословится подвигъ твой;
Уже онъ много думъ свободныхъ,
И много чувствъ, и много силъ
Святыхъ, родныхъ, своенародныхъ,
Возстановилъ и укрѣпилъ.

РОМАНСЪ.

Угрюмъ стоитъ дремучій лѣсъ,
Чернѣя при лунѣ.
Несется витязь по лѣсу
На рѣзвомъ скакунѣ.

Одѣтъ въ желѣзо молодець;
Съ нимъ вѣрный мечъ и щитъ.
Онъ къ дѣвицѣ-красавицѣ
Въ объятія спѣшитъ.

Глаза у ней какъ звѣздочки,
Уста у ней какъ медь,
И, рѣчи . . . рѣчи сладкія
Какъ соловей поетъ.

И ждетъ она задумчиво
Милаго, и груститъ.
Гудитъ дорога звонкая
Подъ топотомъ копытъ.

Угрюмъ стоитъ дремучій лѣсъ;
Не дрогнетъ сонный листъ.
Несется витязь по лѣсу —
И вдругъ онъ слышитъ свистъ.

Чего бояться молодцу?
Съ нимъ мечъ его и щитъ,
И сила богатырская
Ему не измѣнитъ.

«Ты, знать, дружокъ, не пробовалъ
Встрѣчать меня въ бою!
Такъ выдь! Тебѣ немедленно
Я черепъ раскрою!

Не струшу я, кто бъ ни былъ ты —
Хоть самъ рогатый бѣсъ!»
Несется витязь по лѣсу;
Вотъ онъ проѣхалъ лѣсъ.

И выѣхалъ онъ на поле —
И полемъ поскакалъ:
И пусто поле чистое . . . .
А свистъ не пересталъ!

За молодецъ онъ гонится,
Такой же, какъ въ лѣсу:
Не горячись ты, молодецъ!
Свистъ . . . . у тебя въ носу.

КАРОЛИНЪ КАРЛОВИЧЪ ПАВЛОВОЙ.

Въ достопамятные годы
Мплой юности моей,
Вы меня, пѣвца свободы
И студентскихъ кутежей.
Восхитительно ласкали —
И легко мечты мои

Разгарались и пылали
Вдохновеніемъ любви;
И легко и сладкогласно
Мой счастливый стихъ звучалъ,
Выговаривая ясно
Много, много вамъ похвалъ!
Поэтически-живая
Отцвѣла весна моя,
И дана мнѣ жизнь иная
И тяжелая — но я....
Тотъ же я: во мнѣ сохранно
Уцѣлѣли той поры
Благодатной, безтуманной
Драгоценные дары:
Сердца чистая любовность,
И во всякой день и часъ
Достохвальная готовность
Воспѣвать и славить васъ
Громко, живо, самозвонно!
И теперь, когда, увы!
Черезчуръ неблагосклонно
На меня смотрите вы —
Потому-что за родную
Старину и за своихъ
На враговъ и нехристь злую
Возстаетъ мой русской стихъ,
Потому-что не хочу я
Нѣмчурь, и не даюсь
Ей въ неволю, и люблю я
Долефортовскую Русь —
И теперь, когда опалой
Поразили вы меня,
Непріязню небывалой

Беззащитнаго гоня,
 И теперь я вашъ глубокой
 Почитатель, и готовъ
 Васъ по прежнему высоко
 Славить множествомъ стиховъ.
 Я себѣ не измѣняю,
 Потому-что съ юныхъ лѣтъ
 Ясно вижу, твердо знаю,
 Что тѣмъ паче я поэтъ,
 И тѣмъ выше, и тѣмъ краше
 Достославное мое
 Пѣснопѣнье, что я ваше
 Незмѣнное копье!

САМПСОНЪ.

(А. С. Хомякову.)

На праздникъ стеклися въ божницу Дагона
 Народъ и князя филистимской земли,
 Себѣ на потѣху они и Сампсона
 Въ оковахъ туда привели,

И шумно ликуютъ. Душа въ немъ уныла,
 Онъ думаетъ думу: давно ли жила,
 Кипѣла въ немъ дивная, страшная сила,
 Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и блѣднѣя, толпами
 Враги передъ нимъ повергались во прахъ,

И львиную пасть раздиралъ онъ руками,
Ворота носилъ на плечахъ!

Его соблазнили Далиды прекрасной
Коварныя ласки, сверканье очей,
И пышное лоно, и звукъ любово-страстной
Плѣнительныхъ, женскихъ рѣчей;

Въ объятіяхъ нѣги его усыпала
Далида, и кудри остригла ему:
Зане въ нихъ была его дивная сила,
Какой не дано ни кому!

И Бога забылъ онъ, — и падшаго взяли
Сампсона враги, и лишили очей,
И грозныя руки ему заковали
Въ мѣдную тяжесть цѣпей.

Жестоко поруганъ и презрѣнъ, томился
Въ темницѣ, и мельницу двигалъ Сампсонъ;
Но выросли кудри его, — но смирился,
И Богу покаялся онъ.

На праздникъ Дагона его изъ темницы
Враги привели, — и потѣха онъ имъ!
И старый, и малый, и жены-блудницы,
Ликуя, смѣются надъ нимъ.

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смѣйтесь, смотрите, душа въ немъ кипитъ:
Несносно ему отъ враговъ поруганье,
Онъ гибельно вамъ отомститъ!

Незрячія очи онъ къ небу возводитъ,
 И зыблется грудь его, гнѣвомъ полна;
 Онъ слышитъ: бывалая сила въ немъ бродитъ,
 Могучи его рамена.

О, дай мнѣ погибнуть съ моими врагами!
 Внемли, о мой Боже, послѣдней мольбѣ
 Сампсона! и крѣпко схватилъ онъ руками
 Столбы и позвалъ ихъ къ себѣ.

И вдругъ оглянулись враги на Сампсона,
 И страхомъ и трепетомъ обдало ихъ,
 И паза божница . . . . и праздникъ Дагона
 Подъ грудой развалинъ утихъ . . . .

П Ъ С Н Я.

Страшна дорога черезъ свѣтъ:
 Непьяный вижу я дорогу;
 А пьянъ, до ней мнѣ дѣла нѣтъ,
 Я какъ слѣпой — и слава Богу!

Мечта и сонъ нашъ вѣкъ земной;
 Мечта, я съ Бахусомъ мечтаю,
 И сонъ — за чашей круговой
 Я не скорѣ ль засыпаю?

Что шагъ, то грѣхъ: какъ не почитать
 Совѣта вѣры неподложной?
 Напьемся такъ, чтобы ходить
 Намъ было вовсе невозможно.

Извѣстно всѣмъ, что въ наши дни
 За рѣчи многіе страдали:
 Напьемся такъ, чтобы онѣ
 Во рту же нашемъ умирали.

Что было, есть, что впереди,
 Весь столъ ~~дрезвнй~~ разсуждаетъ, *[m. b. y. z. s. t. e.]*
 А пьяный, міръ хоть пропади,
 Его ничто не занимаетъ.

Собой довольному не страхъ —
 Ему судьбы непостоянство,
 И онъ въ чувствительныхъ слезахъ
 Благодарить за это пьянство.

П Ъ С Н Я.

Душа героевъ и пѣвцовъ,
 Вино любезно и студенту:
 Оно его между цвѣтовъ
 Ведетъ къ ученому патенту.

Проснувшись вмѣстѣ съ пѣтухомъ,
 Онъ въ тишинѣ читаетъ Канта;
 Но день прошелъ — и вечеркомъ
 Онъ за вино отъ фоліанта.

И каждый день его, какъ сонъ,
 Плѣняя чувства, пролетаетъ:
 За книгой не скучаетъ онъ,
 А за бакаломъ кто жь скучаетъ?

Свободой жизнь его красна,
 Ея питомецъ просвѣщенной
 Онъ капли мизаго вина
 Не дастъ за скипетры вселенной!

П Ъ С Н Я.

Мы пьемъ, какъ рыцари пвали,
 Поемъ, они такъ не пѣвали:
 Ихъ бранный духъ, ихъ грозный вкусъ
 Отъ чаши гнали милыхъ музъ.

Веселость пасынковъ Рорбаха *
 Была безумна и неряха:
 Бывало въ замкѣ за столомъ
 Стоять въ броняхъ передъ виномъ.

И всякой въ буйности природной
 Кричить, что пьяному угодно,
 И непристойность глупыхъ словъ
 Слетаетъ нагло съ языковъ.

Но мы, друзья, не то, что дѣды:
 Мы пѣсни призывали въ бесѣды,
 Когда веселье — нашъ кумиръ
 Сзываетъ насъ на шумный пиръ.

Великолѣпными рядами
 Сидимъ за длинными столами,

---

* Фонъ Рорбахъ, первый гермейстеръ лифляндскихъ рыцарей.

Прим. автора.

И всякой, глядя на показъ,
Поеть, какъ Гете приказалъ.

Слова: отрада и свобода
Въ устахъ у пьянаго народа
При звукѣ чоканья гремятъ,
И всякъ другъ другу — другъ и братъ!

Мы пьемъ, какъ рыцари пивали,
Поемъ — они не такъ пѣвали.

П Ъ С Н Я .

Полнѣй стаканы, пейте въ ладъ!
Передъ виномъ благоговѣнье:
Ему торжественный вивать,
Ему — колѣнопреклоненье!

Герой, виномъ разгоряченъ,
На смерть отважнѣе стремится;
Пѣвецъ поеть, какъ Аполлонъ,
Умѣя Бахусу молиться.

Любовникъ, глядя на стаканъ,
Измѣну милой забываетъ,
И счастливъ онъ, покуда пьянъ,
Затѣмъ что трезвый онъ страдаетъ.

Скажу короче: въ жизни сей
Безъ капли людямъ все досада:

Анакреонъ твердитъ намъ: пей,
А мы прибавимъ — до упада!

Полнѣй стаканы, пейте въ ладъ!
Передъ виномъ благоговѣнье:
Ему торжественнѣй вивать,
Ему колѣнопреклоненье!

КЪ . . .

Мой братъ, по вольности и хмѣлю
Съ тобой согласенъ я: годна
Въ усладу пламенному Лелю
Твоя М — я Д — а;
Порой горять ея ланиты,
Порой цвѣтуть ея уста,
И грудь роскошна и чиста
И томень взоръ полузакрытый;
Въ ней много жизни и огня:
Среди заманчиваго танца
Она плѣняетъ и меня
И бѣлобрысаго лифляндца;
Она чувствительна, добра,
И знаетъ бога пѣснопѣннѣй,
Ей не годится и для тѣни
Вся молодая нѣмчура.
Всё хорошо, мой другъ, но то ли
Моя красавица? она
Завоевательница воли
И для поэтовъ создана;

Какая сладость на устахъ,
 Какая царственная сила
 Въ ея блистательныхъ очахъ!
 Она мнѣ все: ея творенья —
 Мои живыя вдохновенья,
 Мой пламень въ сердцѣ и въ стихахъ.
 И я ль одинъ, ѳздохъ Пегаса,
 Скачу и жду ея награды?
 Разнобоярщина Парнаса
 Ее поеть на перехватъ —
 И тайный Глинка и Евгенийъ
 И много всяческихъ именъ;
 О слава Богу: я влюбленъ
 Въ звѣзду любви и вдохновеній!

—

В О Р Ч М А .

—

Несется тройка удалая,
 Бренчатъ колеса, пыль столбомъ,
 Изъ-подъ телеги вылетая,
 Бѣжитъ за пыльнымъ сѣдокомъ.
 Очамъ отрадная картина:
 Волнуясь жатвой золотой,
 Необозримая равнина
 Вдали шумитъ передо мной.
 Добро природы благосклонной
 Готово, — но зачѣмъ оно?
 Его сберетъ Чухонецъ сонный
 И промѣняетъ на вино!
 На лѣво зрѣлище иное:

Какъ оживленное стекло,
То млечное, то голубое,
Волнами озеро Чудское
Полгоризонта облегло;
Меня палить несноснымъ жаромъ :
«Вези въ корчму — я пить хочу!»
Такъ я извощику ворчу,
Неоскорбительнымъ ударомъ
Къ его притронувшись плечу.
Онъ понялъ — плеткою лихою
Коней задумчивыхъ стягнулъ,
И я отрадиѣе вздохнулъ
Передъ булыжною корчмою.
Вхожу въ нее — она полна.
Не милы лица, одѣянья
Сего незнатнаго собранья :
Здѣсь видѣнь и плохой чухна,
И некрасивая Чухонка,
И блѣдный жидъ, съ нимъ два жиденка,
И грязная его жена,
И православные солдаты
И трое нищихъ — и одинъ,
Знать арендаторъ — знать богатый,
Въ сафьянной шляпѣ господинъ.
Я пить просилъ : рукой не мытой
Хозяйка кружку мнѣ дала,
Вода нечистая была,
Душа питья не приняла, —
И я съ поспѣшностью сердитой
Корчму покинулъ и лечу.
Несносный жаръ — я пить хочу!

КЪ ТАТАРИНОВУ.

Хваляю тебя, мой спутникъ новый
 На чистомъ поприщѣ наукъ!
 Славянъ могущественныхъ внуку,
 Нѣмецкой вольности въ оковы
 Ты не отдашь свободныхъ рукъ;
 Не нашъ удѣлъ — ея порывы
 И жажда чести мелочной;
 Иною жизнію мы живы,
 Мы славой славимся иной;
 Свѣтлѣе, выше намъ дорога:
 Не вѣрь же чуждому уму,
 Не призывай чужаго бога,
 Живи и пей посвоему.

ЭКСПРОМТЪ *.

Отобѣдавъ сытной пищей,
 Градъ Москва, водою нищій,
 Знойной жаждой былъ томимъ:
 Боги сжалились надъ нимъ:
 Надъ долиной, гдѣ Мытищи,
 Смеркла неба синева;
 Вдругъ ударъ громовой тучи
 Грянулъ въ домъ — и ключъ кипучій
 Покатился . . . Пей Москва!

* Экспромтъ относится къ 1830 году, когда поэтъ ходилъ на богомолье въ Троицкую Лавру съ Погодинымъ, Кирѣевскимъ и Елагинымъ, но здѣсь помѣщенъ нами потому, что мы про него узнали только изъ № 264 Руск. Инв. 1857 года, когда уже оканчивалось печатаніе стихотвореній.

ВАРИАНТЫ ШЕсть ВТОРОЙ ЧАСТИ.

На смерть или А. С. Пушкина, стр. 2 — 5.

- Стх. 12 : «И нивъ съ извиистой дорогой»
читаемъ : «И нивъ съ песчаною дорогой»
Стх. 36 : «Разгоряченною мечтой»
читаемъ : «Разгоряченною душой»
Стх. 60 : «И какъ вино краснорѣчива»
читаемъ : «Какъ старость часто говорлива».

И. В. Кирьевскому стр. 8.

- Стх. 9 : «Но ея на ложе ночи»
читаемъ въ С. Цвѣт.
«Но ея во мракѣ ночи»
Стх. 15 : «Упоительныхъ лобзаній»
читаемъ : Соблазнительныхъ лобзаній»

Весенняя ночь, стр. 19 — 21.

- Стх. 10 : «Во весь объемъ трехъ-рамнаго окна»
читаемъ въ Одес. Альманахѣ :
«Во всю длину трехъ-рамнаго окна»
Стх. 12 : «Сей полумракъ лелѣющей мечты»
читаемъ : «Сей полумракъ и свѣжесть теплоты»
Стх. 17 : «Когда къ тебѣ склоняясь головой»
читаемъ : «Когда къ тебѣ склонившись головой».

На смерть барона Дельвига, стр. 32 — 33.

- Стх. 40 : «И тамъ поэтъ чистосердечно»
читаемъ въ С. Цв. :
«И тотъ поэтъ чистосердечно».

Элегія, стр. 34.

- Стх. 1 и 2: «Блаженъ, кто могъ на ложѣ ночи
Тебя руками обогнуть»
читаемъ въ Од. Алм.:
«Блаженъ, кто могъ одежду ночи
Съ тебя, волшебница, сорвать».

Юлиансбергъ, стр. 160.

- Стх. 14—17: Иванова гора, достойно почтена
Всѣхъ выше славою: на ней растеть и зрѣеть
Вино первѣйшее;
читаемъ въ Современникѣ:
«Ивановой горой зовуть ее — она
Почтеннѣй всѣхъ другихъ и громче во вселенной;
На ней одной растеть напитокъ драгоцѣнный —
Вино, доступное не многимъ подъ луной,
Вино первѣйшее».

Элегія, стр. 164.

- Стх. 9: «А вчера поклонникъ скромный.»
читаемъ: «А вчера любитель скромный.»

Корабль, стр. 168.

- Стх. 3: «Гроза рокочетъ.»
читаемъ: «Гроза грохочетъ.»

Нициркъ, стр. 210.

- Первые 4 стиха читаемъ въ Современникѣ:
«Если бъ другъ твой былъ Зевесъ,
И была бы ты Юнона,
Садъ твой, милая Миньона,
Процвѣталъ бы не какъ лѣсъ.»

Море, стр. 241.

- Стх. 1. «Струится и блещетъ.»
читаемъ: «Струится и плещетъ.»